

мальныхъ условіяхъ, когда женились дѣти ссыльныхъ, свободные, всѣ до одного были ранніе; женихи были въ возрастѣ отъ 18 до 20, а невѣсты отъ 15 до 19 лѣтъ. Но въ возрастѣ отъ 15 до 20 лѣтъ дѣвушекъ свободного состоянія больше, чѣмъ мужчинъ, которые обыкновенно оставляютъ островъ до наступленія брачнаго возраста; и, вѣроятно, за недостаткомъ молодыхъ жениховъ и отчасти изъ экономическихъ соображеній было совершено много неравныхъ браковъ; молодыя свободныя дѣвушки, почти дѣвочки, были выдаваемы родителями за пожилыхъ поселенцевъ и крестьянъ. Унтеръ-офицеры, ефрейторы, военные фельдшера, писаря и надзиратели женились часто, но осчастливливали только 15—16-ти лѣтнихъ *).

*) Унтеры, особенно надзиратели, считаются на Сахалинѣ завидными женихами; въ этомъ отношеніи они хорошо знаютъ себя цѣну и держатъ себя съ невѣстами и съ ихъ родителями съ тою разнузданною надменностью, за которую Н. С. Дѣсковъ такъ не любитъ «несытыхъ архіерейскихъ скотинъ». За 10 лѣтъ было совершено нѣсколько *mésalliance* овъ. Коллежскій регистраторъ женился на дочери каторжнаго, надворный совѣтникъ—на дочери поселенца, капитанъ—на дочери поселенца, купецъ—на крестьянкѣ изъ ссыльныхъ, дворянка вышла за поселенца. Эти рѣдкіе примѣры, когда интеллигентные люди женятся на дочеряхъ ссыльныхъ, чрезвычайно симпатичны и, вѣроятно, не остаются безъ хорошаго вліянія на колонию. Въ январѣ 1880 г. въ Дуэской церкви былъ повѣнчанъ каторжный на гилячкѣ. Въ Рыковскомъ я записалъ Григорія Сивокобылку, 11 лѣтъ, у котораго мать была гилячка. Вообще, браки между русскими и инородцами бывають очень рѣдко. Рассказывали мнѣ про одного надзирателя, живущаго съ гилячкой, которая родила сына и хочетъ креститься, чтобы затѣмъ обвѣнчаться. О. Иракій зналъ ссыльнаго якута, который былъ женатъ на грузинкѣ; оба плохо понимали по-русски. Что касается магометанъ, то они и въ ссылкѣ не отказываются отъ многоженства и нѣкоторые изъ нихъ имѣють по двѣ жены; такъ, у Джаксанбетова въ Александровскѣ двѣ жены—Батыма и Сасена, у Абубакирова въ Корсаковскомъ тоже двѣ—Ганоста и Верхониса. Въ Андрее-Ивановскомъ я видѣлъ чрезвычайно красивую татарку 15 лѣтъ, которую мужъ купилъ у ея отца за

Свадьбы играютя скромно и скучно; въ Тымовскомъ округѣ, говорятъ, бывають иногда веселыя свадьбы, шумныя, и особенно шумять хохлы. Въ Александровскѣ, гдѣ есть типографія, въ обычаѣ у ссыльныхъ разсылать передъ свадьбой печатные пригласительные билеты. Наборщики каторжные соскучились надъ приказами и бывають рады щегольнуть своимъ искусствомъ, и ихъ билеты по вѣшности и тексту мало отличаются отъ московскихъ. На каждую свадьбу изъ казны отпускается бутылка спирту.

Рождаемость въ колоніи сами ссыльные считаютъ чрезвычайно высокой, и это даетъ поводъ къ постояннымъ насмѣшкамъ надъ женщинами и къ разнымъ глубокомысленнымъ замѣчаніямъ. Говорятъ, что на Сахалинѣ самый кли-

100 рублей; когда мужа нѣтъ дома, она сидитъ на кровати, а въ дверь изъ сѣней смотрять на нее поселенцы и любятоя.

Уставъ о ссыльныхъ разрѣшаетъ ссыльно-каторжнымъ обою пола браки только черезъ 1—3 года по поступленіи въ разрядъ исправляющихся; очевидно, женщина, поступившая въ колонію, но находящаяся еще въ разрядѣ испытуемыхъ, можетъ быть только сожительницей, а не женой. Ссыльнымъ мужчинамъ разрѣшается жениться на преступницахъ, лица же женскаго пола, лишеныя всѣхъ правъ состоянія, до перечисленія въ крестьянское сословіе, могутъ выходить только за ссыльныхъ. Женщинѣ свободнаго состоянія, которая выйдетъ за ссыльнаго, вступающаго въ Сибирь въ первый бракъ, выдается изъ казны 50 руб.; поселенцу, вступившему въ Сибирь въ первый бракъ со ссыльною, выдается 15 рублей безвозвратно и столько же заимобразно.

Въ *Уставѣ* ничего не говорится о бракахъ бродягъ. По какимъ документамъ опредѣляется семейное положеніе и возрастъ ихъ при вступленіи въ бракъ, я не знаю. Что ихъ вѣчаютъ на Сахалинѣ, я узналъ впервые изъ слѣдующей бумаги, написанной по формѣ прошенія: «Его высокопревосходительству господину начальнику острова Сахалина. Удостовереніе поселенца Тымовскаго округа, селенія Рыковского, не помнящаго родства Ивана, 35 лѣтъ. Что я, Непомнящій, принявъ законное бракосочетаніе на поселкѣ Березниковой Маріи въ прошломъ 1888 году 12 ноября». За неграмотностью расписались два поселенца.

мать располагаетъ женщинъ къ беременности; рожаютъ старухи и даже такія, которыя въ Россіи были безплодны и не надѣялись уже имѣть когда-либо дѣтей. Женщины точно торопятся населить Сахалинъ и часто рожаютъ двойней. Одна роженица во Владиміровскѣ, пожилая женщина, имѣющая уже взрослую дочь, слышавшия разговоры о двойняхъ, ожидала, что у нея тоже родятся двое, и была огорчена, когда родился только одинъ. «Поищите еще»,— попросила она акушерку. Но роды двойнями случаются здѣсь не чаще, чѣмъ въ русскихъ уѣздахъ. За десятилѣтній періодъ до 1 января 1890 г. въ колоніи родилось 2,275 дѣтей обоего пола, а такъ-называемыхъ плодущихъ родовъ было только 26 *). Всѣ эти нѣсколько преувеличенные толки о чрезмѣрной плодовитости женщинъ, о двойняхъ и т. п. указываютъ на то, съ какимъ интересомъ ссыльное населеніе относится къ рождаемости и какое она имѣетъ здѣсь важное значеніе.

Оттого, что численный составъ населенія подверженъ колебаніямъ вслѣдствіе постоянныхъ приливовъ и отливовъ, притомъ случайныхъ, какъ на рынкѣ, опредѣленіе коэффициента общей рождаемости въ колоніи за нѣсколько лѣтъ можно считать недостижимой роскошью; онъ уловимъ тѣмъ труднѣе, что цифровой матеріалъ, собранный мною и другими, имѣетъ очень скромный объемъ; численный составъ населенія за прошлые годы неизвѣстенъ и приведеніе его въ извѣстность, когда я знакомился съ канцелярскимъ матеріаломъ, представлялось мнѣ египетскою работою, общающею, притомъ, самые сомнительные результаты. Можно опредѣлить коэффициентъ лишь приблизительно и только для настоящаго времени. Въ 1889 г. во всѣхъ четырехъ приходсахъ родилось 352 дѣтей обоего пола; при обыкно-

*) Эти цифровыя свѣдѣнія, взятая мною изъ приходскихъ метрическихъ книгъ, касаются одного только православнаго населенія.

венныхъ условіяхъ въ Россіи такое количество дѣтей рождается ежегодно въ мѣстахъ съ населеніемъ въ семь тысячъ душъ *); именно семь тысячъ съ прибавкою нѣсколькихъ сотенъ жило въ колоніи въ 1889 г. Здѣшній коэффициентъ рождаемости, очевидно, лишь немного выше, чѣмъ вообще въ Россіи (49,8) и въ русскихъ уѣздахъ, напримѣръ, Череповецкомъ (45,4). Можно признать, что рождаемость на Сахалинѣ въ 1889 г. была относительно такъ же велика, какъ вообще въ Россіи, и если была разница въ коэффициентахъ, то небольшая, не имѣющая, вѣроятно, особеннаго значенія. А такъ какъ изъ двухъ мѣстностей съ одинаковыми коэффициентами общей рождаемости плодовитость женщинъ въ той выше, въ которой ихъ относительно меньше, то, очевидно, можно признать также еще, что плодовитость женщинъ на Сахалинѣ значительно выше, чѣмъ въ Россіи вообще.

Голодь, тоска по родинѣ, порочныя наклонности, неволя—вся сумма неблагоприятныхъ условій ссылки не исключаетъ у ссыльныхъ производительной способности; стало быть, наличность ея не означаетъ благополучія. Причиной повышенной плодовитости женщинъ и такой же рождаемости служить, во-первыхъ, праздность ссыльныхъ, живущихъ въ колоніи, вынужденное домоѣдство мужей и сожителей, вслѣдствіе отсутствія у нихъ отхожихъ промысловъ и заработковъ, и монотонность жизни, при которой удовлетвореніе половыхъ инстинктовъ является часто единственнымъ возможнымъ развлеченіемъ, и, во-вторыхъ, то обстоятельство, что большинство женщинъ принадлежитъ здѣсь къ производительнымъ возрастамъ. Кромѣ этихъ ближайшихъ причинъ, существуютъ, вѣроятно, еще отдаленныя, пока недоступныя непосредственному наблюденію. Быть можетъ, на сильную рождаемость слѣдуетъ смотрѣть, какъ на средство, какое

*) Считая, по Янсону, 49,8 или почти 50 рожденій на 1,000.

природа даетъ населенію для борьбы съ вредными, разрушительными вліяніями и, прежде всего, съ такими врагами естественнаго порядка, какъ малочисленность населенія и недостатокъ женщинъ. Чѣмъ бѣльшая опасность угрожаетъ населенію, тѣмъ больше родится, и въ этомъ смыслѣ неблагопріятныя условія могутъ быть названы причиною высокой рождаемости *).

Изъ 2,275 рожденій за десятилѣтній періодъ maximum приходится на осенніе мѣсяцы (29,2%), minimum на весенніе (20,8%), и зимою (26,2%) рождалось больше, чѣмъ лѣтомъ (23,6%). Наибольшее число зачатій и рожденій происходило до сихъ поръ въ полугодіе съ августа до февраля, и въ этомъ отношеніи время съ короткими днями и длинными ночами было наиболѣе благопріятнымъ, чѣмъ пасмурная и дождливая весна и такое же лѣто.

Въ настоящее время на Сахалинѣ всего дѣтей 2,122, включая сюда и тѣхъ подростковъ, которымъ въ 1890 г. исполнилось 15 лѣтъ. Изъ нихъ прибыло изъ Россіи съ родителями 644, родилось на Сахалинѣ и по пути слѣдованія въ ссылку 1,473; дѣтей, мѣсторожденіе которыхъ мнѣ неизвѣстно, 5. Первыхъ меньше почти въ три раза; въ большинствѣ, они прибыли на островъ уже въ тѣхъ возрастахъ, когда дѣти сознаютъ: они помнятъ и любятъ родину; вторые же, сахалинскіе уроженцы, никогда не видѣли ничего лучше Сахалина и должны тяготѣть къ нему, какъ къ своей настоящей родинѣ. Вообще, обѣ группы значительно разнятся одна отъ другой. Такъ, въ первой группѣ неза-

*) Острыя, скоро проходящія катастрофы, какъ неурожай, война и т. п., понижаютъ рождаемость, хроническія же бѣдствія, какъ высокая дѣтская смертность и, быть можетъ, также плѣнь, крѣпостное состояніе, ссылка и т. п., усиливаютъ ее. Въ нѣкоторыхъ семьяхъ вмѣстѣ съ психическимъ вырожденіемъ наблюдается также усиленная рождаемость.

коннорожденных только 1,7%, во второй же 37,2% *). Представители первой группы называютъ себя свободными; въ громадномъ большинствѣ, они были рождены или зачаты до суда и сохраняютъ поэтому всѣ права своего состоянія. Дѣти же, рожденные въ ссылкѣ, не называютъ себя никакъ; со временемъ они припишутся къ податнымъ сословіямъ и будутъ называться крестьянами или мѣщанами, теперь же ихъ социальное положеніе опредѣляется такъ: незаконный сынъ ссыльно-каторжной, дочь поселенца, незаконная дочь поселки и т. д. Когда одна дворянка, жена ссыльнаго, узнала, что ея ребенка записали въ метрическую книгу сыномъ поселенца, то, говорятъ, горько заплакала.

Дѣтей грудныхъ и моложе 4-хъ лѣтъ почти нѣтъ совсѣмъ въ первой группѣ: здѣсь перевѣсъ на сторонѣ такъ-называемыхъ школьныхъ возрастовъ. Во второй же группѣ, у сахалинскихъ уроженцевъ, наоборотъ, преобладаютъ самые ранніе возрасты, и, притомъ, чѣмъ старше дѣти, тѣмъ меньше сверстниковъ, и если бы мы изобразили дѣтскіе возрасты этой группы графически, то получили бы рѣзкое крутое паденіе кривой. Въ этой группѣ дѣтей моложе одного года 203, отъ 9 до 10 лѣтъ—45, отъ 15 до 16—только 11. Изъ двадцатилѣткковъ, родившихся на Сахалинѣ, какъ я говорилъ уже, не осталось ни одного. Такимъ образомъ, недостатокъ подростковъ и юношей пополняется пришлыми, которые пока одни только даютъ изъ своей среды молодыхъ жениховъ и невѣстъ. Невысокій процентъ дѣтей старшихъ возрастовъ среди сахалинскихъ уроженцевъ объясняется и дѣтскою смертностью, и тѣмъ, что въ прошлые годы было на островѣ меньше женщинъ и потому меньше рождалось

*) Незаконнорожденные первой группы—это дѣти каторжныхъ женщинъ, рожденные большею частью послѣ суда въ тюрьмахъ; въ семьяхъ же, добровольно пришедшихъ за супругами и родителями, незаконнорожденныхъ нѣтъ вовсе.

дѣтей, но больше всего виновата тутъ эмиграція. Взрослые, уѣзжая на материкъ, не оставляютъ дѣтей, а увозятъ ихъ съ собой. Родители сахалинскаго уроженца обыкновенно начинаютъ отбывать наказаніе еще задолго до появленія его на свѣтъ, и пока онъ родится, растетъ и достигаетъ 10-ти лѣтняго возраста, они, въ большинствѣ, уже успѣваютъ получить крестьянскія права и уѣхать на материкъ. Положеніе же пришлаго совсѣмъ иное. Когда его родителей присылаютъ на Сахалинъ, то ему бываетъ уже 5—8—10 лѣтъ; пока они отбываютъ каторгу и поселеніе, онъ выходитъ изъ дѣтскаго возраста, и пока потомъ родители хлопчуть о крестьянскихъ правахъ, становится уже работникомъ и, прежде чѣмъ совсѣмъ уѣхать на материкъ, успѣваетъ нѣсколько разъ побывать на заработкахъ во Владивостокѣ и въ Николаевскѣ. Во всякомъ случаѣ, въ колоніи не остаются ни пришлые, ни мѣстные уроженцы, и поэтому всѣ сахалинскіе посты и селенія до настоящаго времени вѣрнѣе было бы называть не колоніей, а мѣстами временнаго водворенія.

Рожденіе каждаго новаго человѣка въ семьѣ встрѣчается непривѣтливо; надъ колыбелью ребенка не поютъ пѣсенъ и слышатся одни только зловѣщія причитыванія. Отцы и матери говорятъ, что дѣтей нечѣмъ кормить, что они на Сахалинѣ ничему хорошему не научатся, и «самое лучшее, если бы Господь милосердный прибралъ ихъ поскорѣе». Если ребенокъ плачетъ или шалитъ, то ему кричатъ со злобой: «Замолчи, чтобъ ты издохъ!» Но все-таки, что бы ни говорили и какъ бы ни причитывали, самые полезные, самые нужные и самые пріятные люди на Сахалинѣ — это дѣти, и сами ссыльные хорошо понимаютъ это и дорого цѣнятъ ихъ. Въ огрубѣвшую, нравственно истасканную сахалинскую семью они вносятъ элементъ нѣжности, чистоты, кротости, радости. Несмотря на свою непорочность, они больше всего на свѣтѣ любятъ порочную мать и разбой-

ника отца, и если ссыльнаго, отвыкшаго въ тюрьмѣ отъ ласки, трогаетъ ласковость собаки, то какую цѣну должна имѣть для него любовь ребенка! Я уже говорилъ, что присутствіе дѣтей оказываетъ ссыльнымъ нравственную поддержку, теперь же еще прибавлю, что дѣти часто составляютъ то единственное, что привязываетъ еще ссыльныхъ мужчинъ и женщинъ къ жизни, спасаетъ отъ отчаянія, отъ окончательнаго паденія. Мнѣ однажды пришлось записывать двухъ женщинъ свободнаго состоянія, прибывшихъ добровольно за мужьями и жившихъ на одной квартирѣ; одна изъ нихъ, бездѣтная, пока я былъ въ избѣ, все время роптала на судьбу, смѣялась надъ собой, обзывала себя дурой и окаянной за то, что пошла на Сахалинъ, судорожно сжимала кулаки, и все это въ присутствіи мужа, который находился тутъ же и виновато смотрѣлъ на меня, а другая, какъ здѣсь часто говорятъ, дѣтная, имѣющая нѣсколько душъ дѣтей, молчала, и я подумалъ, что положеніе первой, бездѣтной, должно быть ужасно. Помнится, записывая въ одной избѣ татарскаго мальчика трехъ лѣтъ, въ ермолкѣ, съ широкимъ разстояніемъ между глазами, я сказалъ ему нѣсколько ласковыхъ словъ, и вдругъ равнодушное лицо его отца, казанскаго татарина, прояснилось и онъ весело закивалъ головой, какъ бы соглашаясь со мной, что его сынъ очень хорошій мальчикъ, и мнѣ показалось, что этотъ татаринъ счастливъ.

Подъ какими вліяніями воспитываются сахалинскія дѣти и какія впечатлѣнія опредѣляютъ ихъ душевную дѣятельность, читателю понятно изъ всего вышесказаннаго. Что въ Россіи, въ городахъ и деревняхъ страшно, то здѣсь обыкновенно. Дѣти провожаютъ равнодушными глазами партію арестантовъ, закованныхъ въ кандалы; когда кандалные везутъ тачку съ пескомъ, то дѣти цѣпляются сзади и хохочутъ. Играютъ они въ солдаты и въ арестанты. Мальчикъ, выйдя на улицу, кричитъ своимъ товарищамъ: «рав-

найсь!» «отставить!» Или же онъ кладетъ въ мѣшокъ свои игрушки и кусокъ хлѣба и говоритъ матери: «Я иду бродяжить».—«Гляди-кося, часомъ солдатъ подстрѣлить»,—шутить мать; онъ идетъ на улицу и бродяжить тамъ, а товарищи, изображающіе солдатъ, ловятъ его. Сахалинскія дѣти говорятъ о бродягахъ, розгахъ, плетяхъ, знаютъ, что такое палачъ, кандалыные, сожитель. Обходя избы въ Верхнемъ Армуданѣ, я въ одной не засталъ старшихъ; дома былъ только мальшкѣ лѣтъ 10, бѣловолосый, сутулый, босой; блѣдное лицо покрыто крупными веснушками и кажется мраморнымъ.

— Какъ по отчеству твоего отца?—спросилъ я.

— Не знаю,—отвѣтилъ онъ.

— Какъ же такъ? Живешь съ отцомъ и не знаешь, какъ его зовутъ? Стыдно.

— Онъ у меня не настоящій отецъ.

— Какъ такъ—не настоящій?

— Онъ у мамки сожитель.

— Твоя мать замужняя или вдова?

— Вдова. Она за мужа пришла.

— Что значить—за мужа пришла?

— Убила.

— Ты своего отца помнишь?

— Не помню. Я незаконный. Меня мамка на Карѣ родила.

Сахалинскія дѣти блѣдны, худы, вялы; они одѣты въ рубища и всегда хотятъ ѣсть. Какъ увидить ниже читатель, умираютъ они почти исключительно отъ болѣзней пищеварительнаго канала. Жизнь впроголодь, питаніе иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ одною только брюквой, а у достаточныхъ—одною соленою рыбой, низкая температура и сырость убиваютъ дѣтскій организмъ чаще всего медленно, изнуряющимъ образомъ, мало-по-малу перерождая все его ткани; если бы не эмиграція, то черезъ два-три поколѣнія, въ-

роятно, пришлось бы имѣть дѣло въ колоніи со всѣми видами болѣзней, зависящихъ отъ глубокаго разстройства питанія. Въ настоящее время дѣти бѣднѣйшихъ поселенцевъ и каторжныхъ получаютъ отъ казны такъ-называемыя «кормовыя»: дѣтямъ отъ одного года до 15 лѣтъ выдается по 1 1/2, а круглымъ сиротамъ, калѣкамъ, уродамъ и близнецамъ по 3 рубля въ мѣсяцъ. Право ребенка на эту помощь опредѣляется личнымъ усмотрѣніемъ чиновниковъ, которые слово «бѣднѣйшій» понимаютъ каждый по-своему *);

*) Размѣръ выдачи зависитъ также отъ того, разумѣтъ ли чиновникъ подъ калѣками и уродами только хромыхъ, безрукихъ и горбачихъ, или также еще бугорчатныхъ, слабоумныхъ, слѣпыхъ.

Какъ помочь сахалинскимъ дѣтямъ? Прежде всего, мнѣ кажется, право на помощь не слѣдуетъ обставлять требованіями такого ценза, какъ «бѣднѣйшій», «калѣка» и т. п. Надо помогать всѣмъ просящимъ безъ исключенія и при этомъ не бояться обмана: лучше быть обманутымъ, чѣмъ самому обмануться. Форма помощи опредѣляется мѣстными условіями. Если бы отъ меня зависѣло, то на тѣ деньги, которыя расходуются теперь на «кормовыя», я устроилъ бы въ постахъ и селеніяхъ чайныя для всѣхъ женщинъ и дѣтей, выдавалъ бы кормовое и одѣжное довольствіе всѣмъ безъ исключенія беременнымъ женщинамъ и кормящимъ грудью, а «кормовыя» 1 1/2—3 руб. въ мѣсяцъ сохранилъ бы только для дѣвушекъ съ 13 лѣтъ до замужества и выдавалъ бы имъ эти деньги прямо на руки.

Ежегодно изъ Петербурга благотворители присылаютъ сюда для раздачи дѣтямъ полушубки, фартучки, валенки, чепчики, гармоникки, душевнеспасительныя книжки, перья. Начальникъ острова, получивъ эти вещи, приглашаетъ мѣстныхъ дамъ заняться распредѣленіемъ и раздачей подарковъ. Говорятъ, что вещи эти пропиваются и проигрываются отцами, что лучше бы вмѣсто гармоникки прислали хлѣба и т. д., но подобныя замѣчанія не должны смущать великодушныхъ людей. Дѣти обыкновенно бываютъ очень рады, а отцы и матери безконечно благодарны. Было бы вполне уместно, если бы благотворители, интересующіеся судьбою дѣтей ссыльныхъ, получали ежегодно возможно подробныя свѣдѣнія о сахалинскихъ дѣтяхъ, о числѣ ихъ, о составѣ ихъ по поламъ и возрастамъ, о числѣ грамотныхъ, нехристіанъ и т. д. Если благотворителю извѣстно, напримѣръ, сколько среди дѣтей грамотныхъ, то ужъ онъ будетъ знать, сколько

полученные 1½ или 3 рубля тратятся по усмотрѣнію отцовъ и матерей. Эту денежную помощь, зависящую отъ столькихъ усмотрѣній и, благодаря бѣдности и недобросовѣст-

нужно послать книжекъ или карандашей, чтобы никого не обидѣть, а назначать игрушки и одежду удобнѣе всего, соображаясь съ поломъ, возрастомъ и національностью дѣтей. На самомъ же Сахалинѣ необходимо всѣ дѣла, имѣющія какое-либо отношеніе къ благотворительности, изымать изъ вѣдѣній полицейскихъ управленій, которыя и безъ того завалены дѣлами, и организацію помощи предоставить мѣстной интеллигенціи; среди нея не мало людей, которые были бы рады взять на себя это живое дѣло. Въ Александровскѣ иногда по зимамъ даются любительскіе спектакли въ пользу дѣтей. Недавно въ Корсаковскомъ посту служащіе собрали по подпискѣ денегъ и купили разныхъ матерій, а жены ихъ нашили платьевъ и бѣлья и роздали дѣтямъ.

Дѣти составляютъ бремя въ экономическомъ отношеніи и наказаніе Божіе за грѣхи, но это не мѣшаетъ ссыльнымъ, если у нихъ нѣтъ своихъ дѣтей, принимать и усыновлять чужихъ. Дѣтныя выражаютъ желаніе, чтобы ихъ дѣти умерли, а бездѣтныя берутъ чужихъ сиротъ себѣ въ дѣти. Бываетъ, что ссыльные усыновляютъ сиротъ и бѣдныхъ дѣтей въ расчетъ на кормовыя и всякаго рода пособія и даже на то, что пріемышь будетъ просить на улицѣ милостыню, но въ большинствѣ, вѣроятно, ссыльными руководятъ чистыя побужденія. Въ «дѣти» поступаютъ не одни только дѣти, но также взрослые и даже старики. Такъ, поселенецъ Иванъ Новиковъ 1-й, 60 лѣтъ, считается пріемнымъ сыномъ поселенца Евгенія Ефимова, 42 лѣтъ. Въ Рыковскомъ Елисѣй Маклаковъ, 70 лѣтъ, записался пріемнымъ сыномъ Ильи Минаева.

По *Уставу о ссыльныхъ*, малолѣтнія дѣти, слѣдующія въ Сибирь при ссылаемыхъ, или же переселяемыхъ туда родителяхъ, отправляются туда на подводахъ, причемъ одна подвода дается на пять душъ; какія дѣти въ этомъ случаѣ относятся къ малолѣтнимъ, въ *Уставѣ* не сказано. Дѣти, слѣдующія за родителями, получаютъ одежду, обувь и кормовыя деньги во все продолженіе пути. Когда за осужденнымъ по доброй волѣ слѣдуетъ въ ссылку его семья, то дѣти, достигшія 14-лѣтняго возраста, отправляются только по собственному желанію. Дѣти, достигшія 17-ти лѣтняго возраста, могутъ покидать мѣсто ссылки и возвращаться на родину безъ разрѣшенія родителей.

ности родителей, рѣдко достигающую своего назначенія, давно бы уже слѣдовало отмѣнить. Она не уменьшаетъ бѣдности, а только маскируетъ ее, заставляя людей непосвященныхъ думать, что на Сахалинѣ дѣти обеспечены.

XVIII.

Занятія ссыльныхъ. — Сельское хозяйство. — Охота. — Рыболовство. — Периодическая рыба: кета и сельдь. — Тюремныя ловли. — Мастерства.

Мысль о приуроченіи труда ссыльно-каторжныхъ и поселенцевъ къ сельскому хозяйству, какъ я уже говорилъ, возникла въ самомъ началѣ сахалинской ссылки. Эта мысль сама по себѣ очень заманчива: земледѣльческій трудъ, по видимому, содержитъ всѣ элементы, необходимые для того, чтобы занять ссыльнаго, приохотить его къ землѣ и даже исправить. Къ тому же, этотъ трудъ пригоденъ для громаднаго большинства ссыльныхъ, такъ какъ наша каторга — учрежденіе по преимуществу мужицкое, и изъ каторжныхъ и поселенцевъ только одна десятая часть не принадлежитъ къ земледѣльческому классу. И эта мысль имѣла успѣхъ; по крайней мѣрѣ, до послѣдняго времени главнымъ занятіемъ ссыльныхъ на Сахалинѣ считалось сельское хозяйство и колонія не переставала называться сельско-хозяйственной.

На Сахалинѣ за все время существованія колоніи ежегодно пахали и сѣяли; перерыва не было, и съ увеличеніемъ населенія ежегодно расширялась и площадь посѣвовъ. Трудъ здѣшняго землепашца былъ не только принудительнымъ, но и тяжкимъ, и если основными признаками каторжнаго труда считать принужденіе и напряженіе физическихъ силъ, опредѣляемое словомъ «тяжкій», то въ этомъ смыслѣ трудно было подыскать болѣе подходящее занятіе для преступниковъ, какъ земледѣліе на Сахалинѣ; до сихъ поръ оно удовлетворяло самымъ суровымъ карательнымъ цѣлямъ.

Но было ли оно производительно, удовлетворяло ли также колонизаціоннымъ цѣлямъ, объ этомъ съ самаго начала сахалинской ссылки до послѣдняго времени были выражаемы самыя разнообразныя и чаще всего крайнія мнѣнія. Одни находили Сахалинъ плодороднѣйшимъ островомъ и называли его такъ въ своихъ отчетахъ и корреспонденціяхъ и даже, какъ говорятъ, посылали восторженные телеграммы о томъ, что ссыльные, наконецъ, въ состояніи сами прокормить себя и уже не нуждаются въ затратахъ со стороны государства, другіе же относились къ сахалинскому земледѣлію скептически и рѣшительно заявляли, что сельско-хозяйственная культура на островѣ невысказима. Такое разногласіе происходило отъ того, что о сахалинскомъ земледѣліи судили большею частью люди, которымъ истинное положеніе дѣла было незнакомо. Колонія была основана на островѣ еще не изслѣдованномъ; съ научной точки зрѣнія представлялъ онъ совершенную *terram incognitam*, и объ его естественныхъ условіяхъ и о возможности на немъ сельско-хозяйственной культуры судили только по такимъ признакамъ, какъ географическая широта, близкое сосѣдство Японіи, присутствіе на островѣ бамбука, пробковаго дерева и т. п. Для случайныхъ корреспондентовъ, судившихъ чаще всего по первымъ впечатлѣніямъ, имѣли рѣшающее значеніе хорошая или дурная погода, хлѣбъ и масло, которыми ихъ угощали въ избахъ, и то, попадали ли они сначала въ такое мрачное мѣсто, какъ Дуэ, или въ такое на видъ жизнерадостное, какъ Сіянцы. Чиновники, которымъ ввѣрена была сельско-хозяйственная колонія, въ громадномъ большинствѣ, до своего поступленія на службу не были ни помѣщиками, ни крестьянами и съ сельскимъ хозяйствомъ не были знакомы вовсе; для своихъ вѣдомостей они всякій разъ пользовались только тѣми свѣдѣніями, которыя собирали для нихъ надзиратели. Мѣстные же агрономы были малосвѣдущи въ своей спеціальности и ничего не дѣлали, или же отчеты ихъ от-

личались завѣдомою тенденціозностью, или же, попадая въ колонію прямо со школьной скамьи, они на первыхъ порахъ ограничивались одною лишь теоретическою и формальною стороною дѣла и для своихъ отчетовъ пользовались все тѣми же свѣдѣніями, которыя собирали для канцеляріи нижніе чины *). Казалось бы, самыя вѣрныя свѣдѣнія можно

*) Въ своей резолюціи на отчетѣ инспектора сельскаго хозяйства за 1890 годъ начальникъ острова говоритъ: «Наконецъ, есть документъ, можетъ-быть далеко еще не совершенный, но основанный, по крайней мѣрѣ, на данныхъ наблюденій, сгруппированныхъ специалистомъ и освѣщенныхъ безъ желанія кому-нибудь нравиться». Этотъ отчетъ онъ называетъ «первымъ шагомъ въ этомъ направленіи»; значить, всѣ отчеты до 1890 г. писались съ желаніемъ кому-нибудь понравиться. Далѣе въ своей резолюціи ген. Коноводичъ говоритъ, что единственнымъ источникомъ свѣдѣній о сельскомъ хозяйствѣ на Сахалинѣ служили до 1890 г. «спраздныя измышленія».

Чиновникъ-агрономъ на Сахалинѣ называется инспекторомъ сельскаго хозяйства. Должность VI класса съ хорошимъ окладомъ. Послѣ двухлѣтняго пребыванія на островѣ теперашній инспекторъ представилъ отчетъ; это—небольшая кабинетная работа, въ которой личныя наблюденія автора отсутствуютъ и выводы его не отличаются опредѣленностью, но зато въ отчетѣ излагаются вкратцѣ свѣдѣнія по метеорологіи и флорѣ, дающія довольно ясное представленіе объ естественныхъ условіяхъ населенной части острова. Отчетъ этотъ напечатанъ и, вѣроятно, будетъ включенъ въ литературу, относящуюся къ Сахалину. Что же касается тѣхъ агрономовъ, которые служили раньше, то всѣмъ имъ страшно не везло. Я уже не разъ упоминалъ о М. С. Мицулѣ, который былъ агрономомъ, потомъ сталъ завѣдующимъ и, въ концѣ-концовъ, умеръ отъ грудной жабы, не доживъ и до 45 лѣтъ. Другой агрономъ, какъ рассказываютъ, силится доказать, что на Сахалинѣ сельское хозяйство невозможно, все посылалъ куда-то бумаги и телеграммы и тоже кончалъ, повидимому, глубокимъ нервнымъ разстройствомъ; по крайней мѣрѣ, о немъ вспоминаютъ теперь какъ о честномъ и знающемъ, но сумасшедшемъ человѣкѣ. Третій «завѣдующій по агрономической части», полякъ, былъ уволенъ начальникомъ острова съ рѣдкимъ въ чиновническихъ лѣтописяхъ скандаломъ: приказано было выдать ему агрономныя деньги въ томъ только случаѣ, когда онъ «средьдѣвять

было получать отъ людей, которые сами пахутъ и сѣютъ, но и этотъ источникъ оказался ненадежнымъ. Изъ страха, чтобы ихъ не лишили пособій, не перестали давать зерно въ ссуду, не оставили бы ихъ на Сахалинѣ на всю жизнь, ссыльные обыкновенно показывали количество разработанной земли и урожаи ниже дѣйствительности. Зажиточные ссыльные, которые не нуждаются въ пособияхъ, тоже не говорили правды, но эти уже не изъ страха, а изъ тѣхъ самыхъ побужденій, которыя заставляли Полонія соглашаться, что облако, въ одно и то же время, похоже и на верблюда, и на хорька. Они зорко слѣдили за модой и направлениемъ мыслей, и если мѣстная администрація не вѣрила въ сельское хозяйство, то они тоже не вѣрили; если же въ канцеляріяхъ дѣлалось моднымъ противоположное направленіе, то и они тоже начинали увѣрять, что на Сахалинѣ, славу Богу, жить можно, урожаи хорошіе, и только одна бѣда — народъ нынче избаловался и т. п., и при этомъ, чтобы угодить начальству, они прибѣгали къ грубой лжи и всякаго рода уловкамъ. Напримѣръ, они выбирали въ полѣ самые крупные колосья и приносили ихъ къ Мицулю, и послѣдній добродушно вѣрилъ и дѣлалъ заключеніе объ отличномъ урожаѣ. Пріѣзжимъ показывали картофель величиной съ голову, полупудовыя рѣдки, арбузы, и прі-

заключенное имъ условіе съ каѳромъ на отвозъ его до г. Николаевска; начальство, очевидно, боялось, что агрономъ, взявши прогонныя деньги, останется на островѣ навсегда (приказъ № 349, 1888 г.). Про четвертаго агронома, нѣмца, ничего не дѣлавшаго и едва ли понимавшаго что-нибудь въ агрономіи, о. Ираклій разсказывалъ мнѣ, будто послѣ одного августовскаго мороза, побившаго хлѣбъ, онъ поѣхалъ въ Рыковское, собралъ тамъ сходъ и спросилъ важно: «Почему у васъ былъ морозъ?» Изъ толпы вышелъ самый умный и отвѣтилъ: «Не можемъ знать, ваше превосходительство, должно, милость Божія изволила такъ распорядиться». Агрономъ вполне удовлетворился этимъ отвѣтомъ, сѣлъ въ тарантасъ и уѣхалъ домой съ чувствомъ исполненнаго долга.

ѣзжіе; глядя на эти чудовища, вѣрили, что на Сахалинѣ пшеница родится самъ 40 *).

При мнѣ сельско-хозяйственный вопросъ на Сахалинѣ находился въ какомъ-то особенномъ фазисѣ, когда трудно было понять что-нибудь. Генераль-губернаторъ, начальникъ острова и окружные начальники не вѣрили въ производительность труда сахалинскихъ земледѣльцевъ; для нихъ уже не подлежало сомнѣнію, что попытка приурочить трудъ ссыльныхъ къ сельскому хозяйству потерпѣла полную неудачу и что продолжать настаивать на томъ, чтобы колонія, во что бы ни стало, была сельско-хозяйственной, значило тратить непроизводительно казенныя деньги и подвергать людей напраснымъ мученіямъ. Вотъ слова генераль-губернатора, которыя я записалъ подъ его диктовку:

«Сельско-хозяйственная колонія преступниковъ на островѣ неосуществима. Надо дать людямъ заработокъ, сельское же хозяйство должно быть лишь подспорьемъ къ нему».

Младшіе чиновники высказывали то же самое и въ при-

*) «Пріѣхавшій на Сахалинъ новый агрономъ (прусскій подданный),—пишетъ корреспондентъ во *Владивостокъ* 1886 г., № 43,—ознаменовалъ себя устройствомъ и открытіемъ 1 октября сахалинской сельско-хозяйственной выставки, экспонентами которой были поселенцы Александровскаго и Тымовскаго округовъ, а также казенные огороды... Выставленные поселенцами хлѣбныя сѣмена ничѣмъ особеннымъ не отличались, если не считать, что въ числѣ сѣмянъ, *якобы* уродившихся на Сахалинѣ, попадались и сѣмена, выписанныя отъ известнаго Грачева для посѣва. Выставившій пшеницу поселенецъ Тымовскаго округа Сычовъ при удостовѣреніи тымовскаго начальства, что онъ имѣетъ отъ нынѣшняго урожая такой пшеницы 70 пудовъ, былъ уличенъ въ обманъ, т.-е. что выставилъ пшеницу выбранную». Объ этой выставкѣ есть и въ № 50 той же газеты. «Въ особенности удивило всѣхъ присутствіе необыкновенныхъ образцовъ овощей, на примѣръ, кочанъ капусты вѣсомъ въ 22½ ф., редька по 13 фунт., картофелины въ 3 фунта и т. д. Могу смѣло сказать, что лучшими образцами овощей не могла бы похвалиться центральная Европа».

существовании своего начальства безбоязненно критиковали прошлое острова. Сами ссыльные на вопрос, какъ идти дѣла, отвѣчали нервно, безнадежно, съ горькою усмѣшкой. И, несмотря на такое опредѣленное и единодушное отношеніе къ сельскому хозяйству, все-таки ссыльные продолжают пахать и сѣять, администрація продолжаетъ выдавать имъ въ ссуду зерно, и начальникъ острова, меньше всѣхъ вѣрующій въ сахалинское земледѣліе, издаетъ приказы, въ которыхъ, «въ видахъ пріуроченія ссыльныхъ къ заботамъ о сельскомъ хозяйствѣ», подтверждаетъ, что перечисленіе въ крестьянское сословіе поселенцевъ, которые не подають основательной надежды на успѣхъ своихъ хозяйскихъ дѣлъ на отведенныхъ имъ участкахъ, «не можетъ состояться никогда» (№ 276, 1890 г.). Психологія такихъ противорѣчій совсѣмъ непонятна.

Количество разработанной земли до сихъ поръ было показываемо въ отчетахъ дутыми и подобранными цифрами (приказъ № 366, 1888 г.); и никто не скажетъ съ точностью, сколько въ среднемъ приходится земли на каждаго владѣльца. Инспекторъ сельскаго хозяйства опредѣляетъ количество земли въ среднемъ на участокъ по 1.555 кв. саж. или около $\frac{2}{3}$ дес., а въ частности для лучшаго, т.-е. Корсаковского, округа — въ 935 кв. саж. Помимо того, что цифры эти могутъ быть невѣрны, значеніе ихъ умаляется еще тѣмъ, что земля распределена между владѣльцами крайне неравномѣрно: пріѣхавшіе изъ Россіи съ деньгами или нажившіе себѣ состояніе кулачествомъ имѣютъ по 3—5 и даже 8 десятинъ пахотной земли и есть не мало хозяевъ, особенно въ Корсаковскомъ округѣ, у которыхъ всего по нѣскольку квадратныхъ саженъ. Повидимому, количество пахотной земли абсолютно увеличивается каждый годъ, средній же размѣръ участка не растетъ и какъ бы грозитъ остаться величиной постоянной *).

*) Съ увеличеніемъ населенія становится все труднѣе отыскивать удобную землю. Прирѣчныя долины, покрытыя листовымъ

Сбютъ казенное зерно, получаемое каждый разъ въ суду. Въ лучшемъ; т. с. Корсаковскомъ, округѣ въ 1889 г. «на всю пропорцію посѣяннаго зерна 2.060 пуд. имѣлось собственныхъ сѣмянъ только 165 пуд., а изъ 610 человекъ, которые посѣяли это количество, имѣли свое зерно только 56 человекъ» (приказъ № 318, 1889 г.). По даннымъ инспектора сельскаго хозяйства, на каждого взрослого жителя среднимъ числомъ высѣвается зерноваго хлѣба только 3 пуда 18 фунт., и меньше всего въ южномъ округѣ. Интересно при этомъ замѣтить, что въ округѣ съ болѣе благоприятными климатическими условіями сельское хозяйство ведется менѣе успѣшно, чѣмъ въ сѣверныхъ округахъ, и это, однако, не мѣшаетъ ему быть на самомъ дѣлѣ лучшимъ округомъ.

Въ двухъ сѣверныхъ округахъ ни разу не была наблюдаема сумма тепла, достаточная для полнаго вызрѣванія овса и пшеницы, и только два года дали сумму тепла, до-

лѣсомъ—ильмомъ, бояркой, бузиной и проч., гдѣ почва глубока и плодородна, представляютъ рѣдкіе оазисы среди тундръ, заболочинъ, горъ, покрытыхъ горьлымъ лѣсомъ, и низменностей съ хвойными лѣсами и съ дурно пропускающею воду подпочвой. Даже на южной части острова эти долины, или елани, чередуются съ горами и трясиными, на которыхъ скудная растительность мало отличается отъ полярной. Такъ, вся громадная площадь между Такойскою долиною и Маукой—мѣстами культурными—занята трясиной совершенно безнадежной; быть можетъ, удастся провести по этой трясины дороги, но измѣнить ея суровый климатъ не во власти человѣческой. Какъ ни велика, повидимому, площадь Южнаго Сахалина, но до сихъ поръ земли, годной подъ пахотныя поля, огороды и усадьбы, удалось найти только 405 дес. (приказъ № 318, 1889 г.). Между тѣмъ, комиссія, съ Власовымъ и Мицулемъ во главѣ, рѣшавшая вопросъ о пригодности Сахалина для штрафной сельско-хозяйственной колоніи, нашла, что въ средней части острова земли, которую можно привести въ культурное состояніе, «должно быть гораздо больше, чѣмъ 200 тысячъ десятинъ», а въ южной части количество такой земли «простирается до 220 тысячъ».

статочную для созрѣванія ячменя *). Весна и начало лѣта бываютъ почти всегда холодныя; въ 1889 г. морозы были въ іюль и августѣ, и дурная осенняя погода началась съ 24 іюля и продолжалась до конца октября. Съ холодомъ бороться можно и акклиматизація хлѣбныхъ растений на Сахалинѣ представляла бы благодарнѣйшую задачу, если бы не исключительно высокая влажность, борьба съ которой едва ли будетъ когда-либо возможна. Въ періодъ колошенія, цвѣтенія и налива и въ особенности созрѣванія, количество выпадающихъ на островѣ осадковъ несоразмѣрно велико, отчего поля даютъ не вполне вызрѣвшее, водянистое, морщинистое и легковѣсное зерно. Или же, благодаря обильнымъ дождямъ, хлѣбъ пропадаетъ, сгнивая или проростая въ снопахъ въ полѣ. Время уборки хлѣбовъ, особенно яровыхъ, здѣсь почти всегда совпадаетъ съ самою дождливою погодой и, случается, весь урожай остается въ полѣ, благодаря дождямъ, непрерывно идущимъ съ августа до глубокой осени. Въ отчетѣ инспектора сельскаго хозяйства приводится таблица урожаявъ за послѣднія пять лѣтъ, составленная по даннымъ, которыя начальникъ острова называетъ «праздными вымыслами»; изъ этой таблицы можно заключить приблизительно, что средній урожай зерновыхъ хлѣбовъ на Сахалинѣ составляетъ самъ три. Это находитъ подтвержденіе и въ другой цифрѣ: въ 1889 г. изъ собраннаго урожая зернового хлѣба на каждомъ взрослому приходилось въ среднемъ около 11 пуд., т. е. въ три раза больше того, что было посеяно. Зерно получалось отъ урожаявъ плохое. Осмотрѣвъ однажды образцы зернового хлѣба, доставленнаго поселенцами, желяющими обмѣнять на муку, начальникъ острова нашель, что одни изъ нихъ вовсе непригодны для посѣва, а другіе

*) Подробности въ *Отчетъ о состояніи сельскаго хозяйства на островѣ Сахалинѣ въ 1889 г.* г. фонъ-Фрикена.

содержать въ примѣси значительное количество зерна недозрѣлаго и прохваченнаго морозами (приказъ № 41, 1889 г.).

При такихъ тощихъ урожаяхъ, сахалинскій хозяинъ, чтобы быть сытымъ, долженъ имѣть не менѣе 4 дес. плодородной земли, цѣнить свой трудъ ни во что и ничего не платить работникамъ; когда же въ недалекомъ будущемъ однопольная система безъ пара и удобрения истощитъ почву и ссыльные «сознаютъ необходимость перейти къ болѣе рациональнымъ приемамъ обработки полей и къ новой системѣ сѣвооборота», то земли и труда понадобится еще больше и хлѣбопашество поневолѣ будетъ брошено, какъ непродуцательное и убыточное.

Та отрасль сельскаго хозяйства, успѣхъ которой зависитъ не столько отъ естественныхъ условій, сколько отъ личныхъ усилій и знаній самого хозяина, — огородничество, повидимому, даетъ на Сахалинѣ хорошия результаты. За успѣхъ мѣстной огородной культуры говоритъ уже то обстоятельство, что иногда цѣлыя семьи въ продолженіе всей зимы питаются одною только брюквою. Въ іюлѣ, когда одна дама въ Александровскѣ жаловалась мнѣ, что у нея въ садикѣ еще не взошли цвѣты, въ Корсаковѣ въ одной избѣ я видѣлъ рѣшето, полное огурцовъ. Изъ отчета инспектора сельскаго хозяйства видно, что изъ урожая 1889 г. въ Тымовскомъ округѣ приходилось на каждаго взрослого $4\frac{1}{10}$ пуд. капусты и около 2 пуд. разныхъ корнеплодныхъ овощей, въ Корсаковскомъ по 4 пуда капусты и по $4\frac{1}{8}$ пуд. корнеплодовъ. Въ томъ же году картофеля приходилось на каждаго взрослого въ Александровскомъ округѣ по 50 пуд., въ Тымовскомъ по 16 пуд. и въ Корсаковскомъ по 34 пуд. Картофель вообще даетъ хорошия урожаи, и это подтверждается не только цифрами, но и личнымъ впечатлѣніемъ; я не видѣлъ закромовъ или мѣшковъ съ зерномъ, не видѣлъ, чтобы ссыльные ѣли пшеничный хлѣбъ, хотя пшеницы здѣсь сѣется больше, чѣмъ ржи, но зато

въ каждой избѣ я видѣлъ картофель и слышалъ жалобы на то, что зимою много картофеля сгнило. Съ развитіемъ на Сахалинѣ городской жизни растетъ мало-по-малу и потребность въ рынкѣ; въ Александровскѣ уже опредѣлилось мѣсто, гдѣ бабы продаютъ овощи, и на улицахъ не рѣдкость встрѣтить ссыльныхъ, торгующихъ огурцами и всякою зеленью. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на югѣ, напримѣръ, въ Первой Пади, огородничество уже составляетъ серьезный промыселъ *).

Хлѣбопашество считается главнымъ занятіемъ ссыльныхъ. Къ второстепеннымъ, дающимъ сторонніе заработки, относятся охота и рыболовство. Съ точки зрѣнія охотника, фауна позвоночныхъ животныхъ на Сахалинѣ роскошна.

*) До сихъ поръ слабо поддавался культурѣ почему-то только одинъ лукъ. Недостатокъ этого овоща въ экономіи ссыльнаго пополняется черемшой (*allium victoriale*), растущею здѣсь на волю. Это луковичное растеніе съ сильнымъ чесночнымъ запахомъ когда-то у постовыхъ солдатъ и ссыльныхъ считалось вѣрнымъ средствомъ отъ цынги, и по тѣмъ сотнямъ пудовъ, которыя ежегодно заготовлялись на зиму военной и тюремной командами, можно судить, какъ распространена была здѣсь эта болѣзнь. Черемша, говорить, вкусна и питательна, но не всякому приятенъ ея запахъ; когда не только въ комнатѣ, но даже на дворѣ ко мнѣ близко подходилъ человекъ, употребляющій въ пищу черемшу, то мнѣ становилось душно.

Какъ велика площадь, занимаемая на Сахалинѣ сѣнокосами, еще неизвѣстно, хотя въ отчетѣ инспектора сельскаго хозяйства и приведены цифры. Каковы бы ни были цифры, но пока несомнѣнно только, что далеко не всякій хозяинъ знаетъ весною, гдѣ онъ будетъ косить лѣтомъ, и что сѣна не хватаетъ и къ концу зимы скотъ тощаетъ отъ недостатка корма. Лучшіе покосы забираютъ себѣ тѣ, кто сильнѣе, т. е. тюрьма и военныя команды, поселенцамъ же остаются или самые дальніе покосы, или такіе, гдѣ сѣно можно жать, а не косить. Въслѣдствіе дурно пропускающей подпочвы, здѣшніе луга большею частью болотисты, всегда мокры и оттого растутъ на нихъ лишь кислые злаки и осока, дающіе грубое, мало питательное сѣно. Инспекторъ сельскаго хозяйства говорить, что здѣшнее сѣно по своей питательности едва ли можетъ быть приравнено половинному

Изъ звѣрей, наиболѣ цѣнныхъ для промышленника, въ особенно громадномъ количествѣ водятся здѣсь соболь, лисица и медвѣдь *). Соболю распространень по всему острову. Говорятъ, будто за послѣднее время, вслѣдствіе порубокъ и лѣсныхъ пожаровъ, соболь удалился отъ населенныхъ мѣстъ въ болѣе дальніе лѣса. Не знаю, насколько это справедливо; при мнѣ во Владиміровкѣ, около самаго селенія, надзиратель застрѣлилъ изъ револьвера соболя, который переходилъ по бревну черезъ ручей, и тѣ ссыльные-охотники, съ которыми мнѣ приходилось говорить, охотятся обыкновенно неподалеку отъ селеній. Лисица и медвѣдь тоже живутъ на всемъ островѣ. Въ прежнее время медвѣдь не обижалъ людей и домашнихъ животныхъ и считался смиреннымъ, но съ тѣхъ поръ, какъ ссыльные стали

количеству обыкновеннаго сѣна; ссыльные тоже находятъ сѣно плохимъ и зажиточные не даютъ его чистымъ, а въ примѣси съ мукой или картофелемъ. Сахалинское сѣно совсѣмъ не имѣетъ того пріятнаго запаха, что наше русское. Могутъ ли считаться хорошимъ кормовымъ средствомъ тѣ гигантскія травы, которыя растутъ въ лѣсныхъ долинахъ и по рѣкамъ, и о которыхъ такъ много говорятъ, судить не берусь. Кстати замѣчу, что сѣмена одной изъ этихъ травъ, а именно сахалинской гречи, уже появились у насъ въ продажѣ. О томъ, нужно ли на Сахалинѣ травосѣяніе и возможно ли оно, въ отчетѣ инспектора сельскаго хозяйства не говорится ни одного слова.

Теперь о скотоводствѣ. Въ 1889 г. одна дойная корова въ Александровскомъ и Корсаковскомъ округахъ приходилась на $2\frac{1}{2}$ хозяйства, а въ Тымовскомъ на $3\frac{1}{3}$. Почти такія же цифры показаны и для рабочаго скота, т. е. для лошадей и воловъ, причемъ и на этотъ разъ бѣднѣе всѣхъ оказывается лучшей, т. е. Корсаковскій округъ. Впрочемъ, эти цифры не рисуютъ настоящаго положенія дѣла, такъ какъ весь сахалинскій скотъ распределенъ между хозяевами крайне неравномѣрно. Все наличное количество скота сосредоточено въ рукахъ только богатыхъ хозяевъ, имѣющихъ большіе земельные участки или занимающихся торговлей.

*) Подробности у А. М. Никольскаго: *Островъ Сахалинъ и его фауна позвоночныхъ животныхъ.*

селиться по верховьямъ рѣкъ и вырубать тутъ лѣса и преградили ему путь къ рыбѣ, которая составляла его главную пищу, въ сахалинскихъ метрическихъ книгахъ и въ «вѣдомости происшествій» стала появляться новая причина смерти—«задранъ медвѣдемъ», и въ настоящее время медвѣдь уже третируется, какъ грозное явленіе природы, съ которымъ приходится бороться не на шутку. Встрѣчаются также олень и кабарга, выдра, росомаха, рысь, рѣдко волкъ и еще рѣже горностаи и тигръ *). Несмотря на такое богатство дичи, охота, какъ промыселъ, въ колоніи почти не существуетъ.

Ссылные-кулаки, живущіе здѣсь состоянія торговлей,

*) Волки держатся далеко отъ жилищъ, такъ какъ боятся домашнихъ животныхъ. Чтобы такое объясненіе не показалось невѣроятнымъ, я укажу на другой подобный же примѣръ: Буссе пишетъ, что айно, увидѣвъ въ первый разъ въ жизни свиней, испугались, да и Миддендорфъ говоритъ, что когда на Амурѣ въ первый разъ были разведены овцы, то волки не трогали ихъ. Дикіе олени распространены особенно на западномъ берегу сѣверной части острова; здѣсь зимою они собираются на тундрѣ, весною же, по словамъ Глена, когда они ходятъ къ морю, чтобы лизать соль, ихъ можно видѣть въ безчисленномъ множествѣ стадами на широкихъ равнинахъ этой части острова. Изъ птицъ водятся гусь, утки разныхъ породъ, бѣлая куропатка, глухарь, рябчикъ, кроншнепъ, вальдшнепъ; тяга продолжается до іюня. Я пріѣхалъ на Сахалинъ въ іюль, когда въ тайгѣ была уже гробовая тишина; островъ казался безжизненнымъ и приходилось вѣрить наблюдателямъ на слово, что тутъ водятся камчатскій соловей, свица, дроздъ и чижъ. Черныхъ воронъ много, сороки и скворцовъ нѣтъ. Поляковъ видѣлъ на Сахалинѣ только одну деревенскую ласточку, да и та, по его мнѣнію, попала на островъ случайно, потому что заблудилась. Мнѣ однажды показалось, что я вижу въ травѣ перепелку; взглянувъшій попристальнѣе, я увидѣлъ маленькаго, красиваго звѣрка, котораго зовутъ бурундукомъ. Въ сѣверныхъ округахъ это самое маленькое млекопитающее. По А. М. Никольскому, тутъ нѣтъ домашней мыши, между тѣмъ, въ бумагахъ, относящихся еще къ началу колоніи, уже упоминаются «супыль, утрусъ и мышеедіе».

промышляютъ обыкновенно и мѣхами, которые они при-
обрѣтаютъ у инородцевъ за безцѣнокъ и въ обмѣнъ на
спиртъ, но ужь это относится не къ охотѣ, а къ промыш-
ленности иного рода. Охотники изъ ссыльныхъ здѣсь всѣ
на-перечетъ, ихъ очень немного. Въ большинствѣ, это не
промышленники, а охотники по страсти, любители, охотя-
щіеся съ плохими ружьями и безъ собаки, только ради за-
бавы. Убитую дичь они сбываютъ за безцѣнокъ или про-
пиваютъ. Въ Корсаковскѣ одинъ поселенецъ, продавая мнѣ
убитаго имъ лебедя, запросилъ «три рубля или бутылку
водки». Надо думать, что охота въ ссыльной колоніи ни-
когда не приметъ размѣровъ промысла, именно потому, что
она ссыльная. Чтобы промыслать охотой, надо быть сво-
боднымъ, отважнымъ и здоровымъ, ссыльные же, въ гро-
мдномъ большинствѣ, люди слабохарактерные, нерѣши-
тельные, неврастеники; они на родинѣ не были охотниками
и не умѣютъ обращаться съ ружьемъ, и ихъ угнетеннымъ
душамъ до такой степени чуждо это вольное занятіе, что
поселенецъ въ нуждѣ скорѣе предпочтетъ, подъ страхомъ
наказанія, зарѣзать теленка, взятаго изъ казны въ долгъ,
чѣмъ пойти стрѣлять глухарей или зайцевъ. Да и едва ли
можетъ быть желательнo широкое развитіе этого промысла
въ колоніи, куда для исправленія присылаются главнымъ
образомъ убійцы. Нельзя позволить бывшему убійцѣ часто
убивать животныхъ и совершать тѣ звѣрскія операціи,
безъ которыхъ не обходится почти ни одна охота,—напри-
мѣръ, закалывать раненнаго оленя, прикусывать горло под-
стрѣленной куропаткѣ и т. п.

Главное богатство Сахалина и его будущность, быть
можетъ, завидная и счастливая, не въ пушномъ звѣрѣ и не
въ углѣ, какъ думаютъ, а въ періодической рыбѣ. Часть,
а быть можетъ, и вся масса веществъ, уносимая рѣками въ
океанъ, ежегодно возвращается матеріку обратно въ видѣ
періодической рыбы. *Кэта*, или кита, рыба изъ лососевыхъ,

имѣющая размѣры, цвѣтъ и вкусъ нашей семги, населяющая сѣверную часть Великаго Океана, въ извѣстный періодъ своей жизни входитъ въ нѣкоторыя рѣки Сѣверной Америки и Сибири и съ неудержимою силой, въ количествѣ буквально безчисленномъ, мчится вверхъ противъ теченія, доходя до самыхъ верхнихъ, горныхъ потоковъ. На Сахалинѣ это бываетъ въ концѣ іюля или въ первой трети августа. Масса рыбы, наблюдаемая въ это время, бываетъ такъ велика и ходъ ея до такой степени стремителенъ и необычаенъ, что кто самъ не наблюдалъ этого замѣчательнаго явленія, тотъ не можетъ имѣть о немъ настоящаго понятія. О быстротѣ хода и о тѣснотѣ можно бываетъ судить по поверхности рѣки, которая, кажется, кипитъ, вода принимаетъ рыбій вкусъ, весла вязнуть и, задѣвая за рыбу, подкидываютъ ее. Въ устьяхъ рѣкъ кѣта входитъ здоровая и сильная, но затѣмъ безостановочная борьба съ быстрымъ теченіемъ, тѣснота, голодь, треніе и ушибы о карчи и камни истощаютъ ее, она худѣетъ, тѣло ея покрывается кровоподтеками, мясо становится дряблымъ и бѣлымъ, зубы оскаливаются; рыба мѣняетъ свою фізіономію совершенно, такъ что люди непосвященные принимаютъ ее за другую породу и называютъ не кѣтой, а зубаткой. Она ослабѣваетъ мало-по-малу и уже не можетъ сопротивляться теченію и уходитъ въ затоны или же стоитъ за карчей, уткнувшись мордой въ берегъ; здѣсь ее можно брать прямо руками и даже медвѣдь достаетъ ее изъ воды лапой. Въ концѣ-концовъ, изнуренная половымъ стремленіемъ и голодомъ, она погибаетъ, и уже въ среднемъ теченіи рѣки начинаютъ встрѣчаться во множествѣ уснувшіе экземпляры, а берега въ верхнемъ теченіи бываютъ усыяны мертвою рыбой, издающею зловоніе. Всѣ эти страданія, переживаемыя рыбой въ періодъ любви, называются «кочеваніемъ до смерти», потому что неизбежно ведутъ къ смерти, и ни одна изъ рыбъ не возвращается въ океанъ, а всѣ погибаютъ въ рѣкахъ. «Неодолимые порывы

эротическаго влеченія до издыханія, — говоритъ Миддендорфъ, — цвѣтъ идеи кочеванія; и такіе идеалы въ тупоумной влажно-холодной рыбѣ!»

Не менѣе замѣчателенъ ходъ *сельди*, которая периодически появляется по побережьямъ моря весной, обыкновенно во второй половинѣ апрѣля. Сельдь идетъ громадными стадами, «въ невѣроятномъ количествѣ», по выраженію очевидцевъ. Приближеніе сельди всякій разъ узнается по слѣдующимъ характернымъ признакамъ: круговая полоса бѣлой пѣны, захватывающая на морѣ большое пространство, стаи чаекъ и альбатросовъ, киты, пускающіе фонтаны, и стада сивучей. Картина чудесная! Китовъ, слѣдующихъ въ Анивѣ за сельдю, такое множество, что корабль Крузенштерна былъ окруженъ ими и на берегъ должно было ѣздить «съ осторожностью». Во время хода сельди море представляется кипящимъ *).

Нѣтъ возможности даже приблизительно опредѣлить, какое количество рыбы можетъ быть поймано каждый разъ во время ея хода въ сахалинскихъ рѣкахъ и у побережья. Тутъ годилась бы всякая очень большая цифра.

Во всякомъ случаѣ, безъ преувеличенія можно сказать, что при широкой и правильной организаціи рыбныхъ ловель

*) Одинъ изъ авторовъ видѣлъ японскую сѣть, которая «занимала въ морѣ окружность въ три версты и, прикрѣпленная къ берегу, образовывала родъ мѣшка; откуда постепенно вычерпывали сельдей». Буссе въ своихъ запискахъ говоритъ: «Японскіе невода часты и чрезвычайно велики. Одинъ неводъ окружаетъ пространство сажень на 70 отъ берега. Но каково было мое удивленіе, когда, не дотаявивъ неводъ сажень на 10 отъ берега, японцы оставили его въ водѣ, потому что эти 10 сажень неводъ до того былъ наполненъ сельдами, что, несмотря на всѣ усилія 60 работниковъ, они не могли болѣе притянуть неводъ къ берегу... Гребцы, закладывая весла для гребки, выбрасывали ими по нѣсколько сельдей и жаловались, что онѣ мѣшаютъ гребти». Ходъ сельди и ловля ея японцами подробно описаны у Буссе и Мицуля.

и при тѣхъ рынкахъ, какіе давно уже существуютъ въ Японіи и Китаѣ, ловля періодической рыбы на Сахалинѣ могла бы приносить миллионные доходы. Когда еще на югѣ Сахалина распоряжались японцы и рыбныя ловли въ ихъ рукахъ едва начинали развиваться, то ужъ рыба приносила около полумилліона рублей ежегодно. По расчету Мицуля, добычаніе ворвани въ южной части Сахалина требовало 611 котловъ и до 15.000 саж. дровъ, и одна лишь сельдь давала 295.806 руб. въ годъ.

Съ занятіемъ южнаго Сахалина русскими рыбныя ловли перешли въ стадій унадка, въ которомъ находятся до сего дня. «Гдѣ недавно кипѣла жизнь, давая пищу инородцамъ-аинцамъ и солидные барыши промышленникамъ, — писалъ въ 1880 г. Л. Дейтеръ *), — тамъ теперь почти пустыня». Рыбныя ловли, производимыя теперь въ обоихъ сѣверныхъ округахъ нашими ссыльными, ничтожны, иначе ихъ и называть нельзя. Я былъ на Тыми, когда уже въ верховьяхъ шла кѣга и на зеленыхъ берегахъ тамъ и сямъ попадались одинокія фигуры рыболововъ, вытаскивавшихъ крючками на длинныхъ палкахъ полуживую рыбу. Въ послѣдніе годы администрація, ищущая заработковъ для поселенцевъ, стала дѣлать имъ заказы на соленую рыбу. Поселенцы получаютъ соль по льготной цѣнѣ и въ долгъ, тюрьма затѣмъ покупаетъ у нихъ рыбу по дорогой цѣнѣ, чтобы поощрить ихъ, но объ этомъ ихъ новомъ ничтожномъ заработкѣ стѣдуетъ упомянуть только потому, что тюремныя щи изъ рыбы мѣстнаго поселенческаго приготовленія, по отзывамъ арестантовъ, отличаются особо отвратительнымъ вкусомъ и нестерпимымъ запахомъ. Ловить и заготавливать рыбу поселенцы не умѣютъ и никто ихъ этому не учитъ; тюрьма въ районѣ теперешнихъ ловель забрала себѣ лучшія мѣста, имъ же предоставила пороги и мели, гдѣ они рвутъ свои дешевыя

*) *Морская Газета* 1880 г., № 3.

самодѣлковыя сѣти о карчи и камни. Когда я былъ въ Дербинскомъ, тамъ каторжные ловили для тюрьмы рыбу. Начальникъ острова ген. Кононовичъ приказалъ собраться поселенцамъ и, обратясь къ нимъ съ рѣчью, упрекнулъ ихъ, что въ прошломъ году они продали въ тюрьму рыбу, которую нельзя было ѣсть. «Каторжный — вашъ братъ, а мой сынъ, — сказалъ онъ имъ. — Обманывая казну, вы этимъ самымъ наносите вредъ вашему брату и моему сыну». Поселенцы согласились съ нимъ, но по ихъ лицамъ видно было, что и въ будущемъ году братъ и сынъ будутъ ѣсть вонючую рыбу. Даже если поселенцы какъ-нибудь научатся заготавливать рыбу, то все-таки этотъ новый заработокъ не дастъ населенію ничего, такъ какъ санитарный надзоръ рано или поздно долженъ будетъ запретить употребленіе въ пищу рыбы, пойманной въ верховьяхъ.

На тюремныхъ рыбныхъ ловляхъ въ Дербинскомъ я присутствовалъ 25 августа. Надолго затянувшійся дождь навелъ на всю природу уныніе; было трудно ходить по скользкому берегу. Сначала мы зашли въ сарай, гдѣ 16 каторжныхъ подъ руководствомъ Василенки, бывшего таганрогскаго рыбака, солили рыбу. Было уже посолено 150 бочекъ, около 2.000 пудовъ. Впечатлѣніе такое, что если бы Василенко не попалъ на каторгу, то никто бы тутъ не зналъ, какъ надо обращаться съ рыбой. Изъ сарая спускъ къ берегу, на которомъ шесть каторжныхъ очень острыми ножами пластаютъ рыбу, выбрасывая ея внутренности въ рѣку; вода красная, мутная. Тяжелый запахъ рыбы и грязи, смѣшанной съ рыбьей кровью. Въ сторонѣ группа каторжныхъ — всѣ мокрые и босикомъ или въ чиркахъ — закидываетъ небольшой неводъ. При мнѣ вытащили два раза и въ оба раза неводъ былъ полонъ. Вся кѣта имѣетъ крайне подозрительный видъ. У всѣхъ оскалены зубы, сторбились спины и тѣла покрыты пятнами. Почти у каждой рыбы брюхо окрашено въ бурый или зеленый цвѣтъ, выдѣляются

жидкія испражнения. Выброшенная на берегъ рыба засыпаетъ очень скоро, если она уже не заснула въ водѣ или пока билась въ неводѣ. Тѣ немногіе экземпляры, на которыхъ не было пятенъ, назывались серебрянками; ихъ бережно откладывали въ сторону, но не для тюремнаго котла, а «на балычки».

Здѣсь нетвердо знаютъ естественную исторію рыбы, заходящей периодически въ рѣки, и еще нѣтъ убѣжденія, что ее слѣдуетъ ловить только въ устьяхъ и въ нижнемъ теченіи, такъ какъ выше она становится уже негодной. Плыва по Амуру, я слышалъ отъ мѣстныхъ старожиловъ жалобы, что у устья де вылавливаютъ настоящую кѣту, а до нихъ доходить только зубатка; и на пароходѣ шли разговоры о томъ, что пора унорядочить рыбныя ловли, т.-е. запретить ихъ въ нижнемъ теченіи *). Въ то время, какъ въ верховьяхъ Тыми тюрьма и поселенцы ловили тощую, полуживую рыбу, въ устьѣ ея контрабанднымъ образомъ промышляли японцы, загородивъ частоколомъ рѣку, а въ нижнемъ теченіи гилики ловили для своихъ собакъ рыбу несравненно болѣе здоровую и вкусную, чѣмъ та, которая заготовлялась въ Тымовскомъ округѣ для людей. Японцы нагружали джонки и даже большія суда, и то красивое

*) Кстати сказать, на Амурѣ, очень богатомъ рыбою, рыбныя промыслы организованы довольно слабо и, какъ кажется, потому, что промышленники скунятся пригласить изъ Россіи специалистовъ. Здѣсь, напримѣръ, ловить во множествѣ осетровъ, но никакъ не могутъ приготовить икру такъ, чтобы она походила на русскую, хотя бы по вишнему виду. Искусство здѣшнихъ промышленниковъ остановилось на кѣтовыхъ балыкахъ и не пошло дальше. Г. Л. Дейтеръ писалъ въ *Морской Газетѣ* (1880 г., № 6), что будто бы нѣкогда на Амурѣ составила компанія рыбнаго промысла (изъ капиталстовъ), затѣяли дѣло на широкихъ основаніяхъ и сами себя угощали икрою, фунтъ которой имъ самимъ обходился, какъ говорить, отъ 200 до 300 рублей серебромъ.

судно, которое Поляковъ въ 1881 г. встрѣтилъ у устья Тыми, вѣроятно, приходило сюда и этимъ лѣтомъ.

Чтобы рыболовство получило значеніе серьезнаго промысла, надо придвинуть колонію ближе къ устью Тыми или Пороная. Но это не единственное условіе. Необходимо также, чтобы съ ссыльнымъ населеніемъ не конкурировалъ свободный элементъ, такъ какъ нѣтъ такого промысла, въ которомъ, при столкновеніи интересовъ, свободные не брали бы верха надъ ссыльными. Между тѣмъ, съ поселенцами конкурируютъ японцы, производящіе ловлю контрабанднымъ образомъ или за пошлины, и чиновники, забирающіе лучшія мѣста для тюремныхъ ловель, и уже близко время, когда съ проведеніемъ сибирской дороги и развитіемъ судоходства слухи о невѣроятныхъ богатствахъ рыбы и пушного звѣря привлекутъ на островъ свободный элементъ; начнется иммиграція, организуются настоящія рыбныя ловли, въ которыхъ ссыльный будетъ принимать участіе не какъ хозяинъ-промышленникъ, а лишь какъ батракъ, затѣмъ, судя по аналогіи, начнутся жалобы на то, что трудъ ссыльныхъ во многихъ отношеніяхъ уступаетъ труду свободныхъ, даже манъ и корейцевъ; съ точки зрѣнія экономической, ссыльное населеніе будетъ признано бременемъ для острова, и съ увеличеніемъ иммиграціи и развитіемъ осѣдой и промышленной жизни на островѣ само государство найдетъ болѣе справедливымъ и выгоднымъ стать на сторону свободного элемента и прекратить ссылку. Итакъ, рыба составитъ богатство Сахалина, но не ссыльной колоніи *).

*) Для тѣхъ ссыльныхъ, которые живутъ теперь у устьевъ небольшихъ рѣчекъ и у моря, рыболовство можетъ служить подспорьемъ въ хозяйствѣ и давать нѣкоторый заработокъ, но для этого надо снабжать ихъ хорошими сѣтями, селить у моря только тѣхъ, кто и на родинѣ жилъ у моря, и т. д.

Въ настоящее время японскія суда, которыя являются на югъ Сахалина для ловли рыбы, платятъ пошлину по 7 к. съ пуда золо-

О добычѣ морской капусты я говорилъ уже при описаніи селенія Мауки. На этомъ промыслѣ въ періодъ времени съ 1 марта по 1 августа поселенецъ зарабатываетъ отъ 150 до 200 рублей; треть заработка идетъ на харчи, а двѣ трети ссыльный приноситъ домой. Это хорошій заработокъ, но, къ сожалѣнію, онъ пока возможенъ только для поселенцевъ Корсаковского округа. Плату за труды рабочіе получаютъ задѣльную и потому размѣръ самаго заработка находится въ прямой зависимости отъ навыка, усердія и добросовѣст-

томъ. Обложены пошлиной также все продукты, приготовленные изъ рыбы, напримѣръ, удобрительный тукъ, селедочный и тресковый жиръ, но доходъ со всехъ этихъ пошлинъ не достигаетъ и 20 тысячъ, и это почти единственный доходъ, получаемый нами отъ эксплуатаціи сахалинскихъ богатствъ.

Кромѣ кэты, въ сахалинскія рѣки періодически заходятъ также родственная ей горбуша, кунджа или гои и чевица; постоянно живутъ въ прѣсныхъ водахъ Сахалина форель, щука, чебакъ, карась, пескарь и корюшка, которая называется огуречникомъ, такъ какъ сильно пахнетъ свѣжимъ огурцомъ. Изъ морскихъ рыбъ, кромѣ сельди, ловятся треска, камбала, осетръ, бычокъ, который здѣсь такъ великъ, что глотаетъ корюшку цѣликомъ. Въ Александровскѣ одинъ каторж-ный промысляетъ длиннохвостыми раками, очень вкусными, которые называются здѣсь чиримсами или шримсами.

Изъ морскихъ млекопитающихъ у береговъ Сахалина водятся въ громадномъ количествѣ киты, сивучи или морскіе львы, тюлени и котикаи. Подходя на *Байкал* къ Александровску, я видѣлъ много китовъ, которые гуляли парочками по проливу и рѣзались. Близъ западнаго берега Сахалина возвышается надъ моремъ одинокая скала, называемая «Камнемъ Опасности». Очевидецъ, находившійся на шкунѣ *Ермакъ* и хотѣвшій изслѣдовать этотъ камень, писалъ: «Еще за 1½ мили отъ камня, намъ стало очевиднымъ, что скала занята сплошь громадными сивучами. Ревъ этого громаднаго дикаго стада поразилъ насъ; звѣри достигали баснословной величины, такъ что издали казались цѣлыми скалами... Сивучи были величиною около 2 сажени и болѣе... Кромѣ сивучей, какъ скала, такъ и море вокругъ камня кишѣли морскими котиками» (*Владивостокъ* 1886 г., № 29). О томъ, какихъ размѣровъ могутъ въ нашихъ сѣверныхъ моряхъ достигать китоловный и тюлений промыслы, видно изъ страшной

ности, — качества, которыми обладает далеко не всякій ссыльный, потому и не всякій ходитъ въ Мауку *).

Среди ссыльныхъ много плотниковъ, столяровъ, портныхъ и проч., но большинство ихъ сидитъ безъ дѣла или занимается хлѣбопашествомъ. Одинъ каторжный слесарь дѣлаетъ берданки и уже четыре продалъ на материкъ, другой — дѣлаетъ оригинальныя цѣпочки изъ стали, третій — лѣпитъ изъ гипса; но всѣ эти берданки, цѣпочки и очень дорогія шкатулки такъ же мало рисуютъ экономическое положеніе колоніи, какъ и то, что одинъ поселенецъ на югѣ собираетъ по берегу китовую кость, а другой — добываетъ трепангу. Все это случайно. Тѣ изящныя и дорогія подѣлки изъ дерева, которыя были на тюремной выставкѣ, показываютъ только, что на каторгу попадаютъ иногда очень хорошіе столяры; но онѣ не имѣютъ никакого отношенія къ тюрьмѣ, такъ

цифры, приводимой однимъ изъ авторовъ: по вычисленіямъ американскихъ китоловныхъ арматоровъ, въ продолженіе 14 лѣтъ (до 1861 г.) вывезено изъ Охотскаго моря жиру и уса на двѣсти милліоновъ рублей (*В. Збышевскій: «Замѣчанія о китоловномъ промыслѣ въ Охотскомъ морѣ». Морской Сборникъ 1863 г., № 4*). Но, несмотря на ихъ, повидному, блестящее будущее, эти промыслы не обогащаютъ ссыльной колоніи, потому именно, что она ссыльная. По свидѣтельству Брэма, «охота за тюленями есть повальная, безпощадная бойня, гдѣ грубость соединяется съ совершенною безчувственностью. Поэтому и не говорятъ — охотиться за тюленями, а бить тюленей». И «самыя дикія племена поступаютъ при этой охотѣ гораздо человѣчнѣе цивилизованнаго европейца». А когда убиваютъ палками котиковъ, то мозгъ брызжетъ во всѣ стороны и глаза у бѣдныхъ животныхъ выскакиваютъ изъ орбитъ. Ссыльныхъ, особенно тѣхъ, которые присланы за убійство, должно беречь отъ подобныхъ зрѣлищъ.

*) Благодаря морской капустѣ и сравнительно мягкому климату, юго-западное побережье я считаю единственнѣмъ пока мѣстомъ на Сахалинѣ, гдѣ ссыльная колонія возможна. Въ 1885 г. въ одномъ изъ засѣданій «общества изученія Амурскаго края» было прочитано интересное сообщеніе о морской капустѣ теперешняго владѣльца промысла Я. Л. Семенова. Сообщеніе это напечатано во *Владивостокѣ* 1885 г., №№ 47 и 48.

какъ не тюрьма находить имъ сбытъ и не тюрьма обучаетъ каторжныхъ мастерствамъ; до послѣдняго времени она пользовалась трудомъ уже готовыхъ мастеровъ. Предложеніе труда мастеровъ значительно превышаетъ спросъ. «Тутъ даже фальшивыхъ бумажекъ сбывать негдѣ»,—сказалъ мнѣ одинъ каторжный. Плотники работаютъ по 20 коп. въ день на своихъ харчахъ, а портные шьютъ за водку *).

Если теперь подвести итогъ доходамъ, какіе получаетъ въ среднемъ ссыльный отъ продажи зерна въ казну, охоты, рыболовства и проч., то получится довольно жалкая цифра: 29 руб. 21 коп. **). Между тѣмъ, каждое хозяйство должно въ казну въ среднемъ 31 р. 51 к. Такъ какъ въ сумму дохода вошли также кормовыя и пособія отъ казны и деньги, полученныя по почтѣ, и такъ какъ доходъ ссыльнаго составляетъ, главнымъ образомъ, изъ заработковъ, которые даетъ ему казна, платя ему подчасъ умышленно высокую цѣну, то добрая половина дохода оказывается фикціей, и долгъ въ казну, на самомъ дѣлѣ, выше, чѣмъ онъ показанъ.

XIX.

Пища ссыльных.—Что и какъ ѣдятъ арестанты.—Одежда.—Церковь.—Школа.—Грамотность.

Сахалинскій ссыльный, пока состоитъ на казенномъ довольствіи, получаетъ ежедневно: 3 ф. печенаго хлѣба, 40 зол. мяса, около 15 зол. круны и разныхъ приварочныхъ про-

*) До сихъ поръ мастера находили себѣ заработокъ только въ постахъ у чиновниковъ и богатыхъ ссыльныхъ. Къ чести мѣстной интеллигенціи сказать, за услуги мастеровъ она платитъ всегда щедро. О такихъ случаяхъ, какъ докторъ, кладущій въ околодокъ сапожника подъ видомъ больного, что бы тотъ шилъ для его сына сапоги, или чиновникъ, записывающій къ себѣ въ прислуги модистку, которая шьетъ даромъ на его жену и дѣтей,—о такихъ случаяхъ говорятъ здѣсь какъ о печальныхъ исключеніяхъ.

***) По даннымъ инспектора сельскаго хозяйства.

дуктовъ на 1 копейку; въ постный же день мясо замѣняется 1 фунтомъ рыбы. Для опредѣленія, насколько эта дача согласуется съ истинными потребностями ссыльнаго, далеко недостаточно общепринятаго кабинетнаго приѣма, заключающагося въ сравнительной и, притомъ, чисто-внѣшней оцѣнкѣ цифровыхъ данныхъ, относящихся къ пищевому довольствію разныхъ группъ населенія за границей и въ Россіи. Если въ саксонскихъ и прусскихъ тюрьмахъ заключенные получаютъ мясо только три раза въ недѣлю, каждый разъ въ количествѣ, не достигающемъ и $\frac{1}{2}$ фунта, и если тамбовскій крестьянинъ съѣдаетъ 4 ф. хлѣба въ день, то это не значитъ, что сахалинскій ссыльный получаетъ много мяса и мало хлѣба, а значитъ только, что германскіе тюремвѣды боятся быть заподозрѣнными въ ложной филантропіи и что пища тамбовскаго мужика отличается большимъ содержаніемъ хлѣба. Очень важно въ практическомъ отношеніи, чтобы оцѣнка пищевыхъ порціоновъ какой-либо группы населенія начиналась не съ количественнаго, а качественнаго ихъ анализа, и при этомъ изучались бы естественныя и бытовыя условія, при которыхъ эта группа живетъ; безъ строгой же индивидуализаціи рѣшеніе вопроса будетъ односторонне и убѣдительно, пожалуй, для однихъ только формалистовъ.

Однажды я и инспекторъ сельскаго хозяйства г. фонъ-Фрикенъ возвращались изъ Краснаго Яра въ Александровскъ: я въ тарантасѣ, онъ верхомъ. Было жарко, а въ тайгѣ душно. Арестанты, работавшіе на дорогѣ между постомъ и Краснымъ Яромъ безъ шапокъ и въ мокрыхъ отъ поту рубахахъ, когда я поровнялся съ ними, неожиданно, принявъ меня, вѣроятно, за чиновника, остановили моихъ лошадей и обратились ко мнѣ съ жалобой на то, что имъ выдаютъ хлѣбъ, котораго нѣтъ возможности ѣсть. Когда я сказалъ, что лучше бы имъ обратиться къ начальству, то мнѣ отвѣтили:

— Мы говорили старшему надзирателю Давыдову, а онъ намъ: вы—бунтовщики.

Хлѣбъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, ужасный. При взломѣ онъ отсвѣчивалъ на солнцѣ мельчайшими капельками воды, прилипалъ къ пальцамъ и имѣлъ видъ грязной, осклизлой массы, которую неприятно было держать въ рукахъ. Мнѣ было поднесено нѣсколько порцій, и весь хлѣбъ былъ одинаково недопечень, изъ дурно смолотой муки и, очевидно, съ невѣроятнымъ припекомъ. Пекли его въ Ново-Михайловкѣ подъ наблюдениемъ старшаго надзирателя Давыдова.

3 фунта хлѣба, входящія въ пищевой пай, очень часто, вслѣдствіе злоупотребленій припекомъ, содержатъ муки гораздо меньше, чѣмъ слѣдуетъ по табели *). Хлѣбопеки-каторжные въ только-что упомянутой Ново-Михайловкѣ свою порцію хлѣба продавали, а сами питались избыткомъ, который получался отъ припека. Въ Александровской тюрьмѣ тѣ, которые довольствуются изъ котла, получаютъ порядочный хлѣбъ, живущимъ же по квартирамъ выдается хлѣбъ похуже, а работающимъ внѣ поста—еще хуже; другими словами, хорошъ только тотъ хлѣбъ, который можетъ попасться на глаза начальнику округа или смотрителю. Чтобы увеличить припекъ, хлѣбопеки и надзиратели, прикосновенные къ пищевому довольствію, пускаются на разныя ухищренія, выработанныя еще сибирскою практикой, изъ которыхъ, на примѣръ, обвариваніе муки кипяткомъ—одно изъ самыхъ невинныхъ; чтобъ увеличить вѣсъ хлѣба, когда-то въ Тымовскомъ округѣ муку мѣшали съ просѣянной глиной. Злоупотребленія подобнаго рода совершаются тѣмъ легче, что чиновники не могутъ цѣлый день сидѣть въ пекарнѣ и сторожить или осматри-

**) Табелъ о довольствіи ссыльно-каторжныхъ мужчинъ и женщинъ пищею составлена на основаніи Высочайше утвержденнаго 31 іюля 1871 г. положенія о провіантскомъ и приварочномъ довольствіи войскъ.*

вать каждую порцію, а жалобъ со стороны арестантовъ почти никогда не бываетъ *).

Независимо отъ того, хорошъ хлѣбъ или плохъ, съѣдается обыкновенно не весь паекъ. Арестантъ ѣстъ его съ расчетомъ, такъ какъ, по обычаю, давно уже установившемуся въ нашихъ тюрьмахъ и въ ссылкѣ, казенный хлѣбъ служитъ чѣмъ-то въ родѣ ходячей размѣнной монеты. Хлѣбомъ арестантъ платитъ тому, кто убираетъ камеру, кто работаетъ вмѣсто него, кто мирволитъ его слабостямъ; хлѣбомъ онъ платитъ за иголки, нитки и мыло; чтобы разнообразить свою скудную, крайне однообразную, всегда соленую пищу, онъ копитъ хлѣбъ и потомъ мѣняетъ въ майданѣ на молоко, бѣлую булку, сахаръ, водку... Кавказскіе уроженцы въ большинствѣ болѣютъ отъ чернаго хлѣба и стараются поэтому спустать его. И такимъ образомъ, если слѣдующее по табели три фунта кажутся вполне достаточными въ количествен-

*) Припекъ — это демонъ-искуситель, передъ чарами котораго устоять, какъ оказывается, очень трудно. Благодаря ему, очень многіе потеряли совѣсть и даже жизнь. Смотритель Селивановъ, о которомъ я упоминалъ уже, палъ жертвой припека, такъ какъ былъ убитъ хлѣбопекомъ-каторжнымъ, котораго распекалъ за то, что у того выходило мало припеку. Въ самомъ дѣлѣ, есть изъ-за чего хлопотать. Положимъ, что въ Александровской тюрьмѣ пекутъ хлѣбъ для 2.870 человекъ. Если удержатъ съ каждаго пайка только по 10 зол., то получится около 300 фунтовъ въ день. Вообще, операции съ хлѣбомъ очень выгодны. Такъ напримѣръ, чтобы сдѣлать растрату 10 тысячъ пудовъ муки и потомъ покрыть ее исподоволь мукою же, удерживаемою по золотникамъ съ арестантскихъ пайковъ, достаточно 2—3 лѣтъ.

Поляковъ писалъ: «Хлѣбъ въ Мало-Тымовскомъ поселеніи былъ до такой степени плохъ, что не всякая собака рѣшается ѣсть его; въ немъ была масса неперемолотыхъ, пѣлыхъ зеренъ, мякины и соломъ; одинъ изъ присутствовавшихъ при осмотрѣ хлѣба моихъ сотоварищей справедливо замѣтилъ: «Да, этимъ хлѣбомъ такъ же легко завязать всѣ зубы, какъ и найти въ нихъ зубочистку для ихъ очистки».

номъ отношеніи, то, при знакомствѣ съ качествомъ хлѣба и съ бытовыми условіями тюрьмы, это достоинство пайка становится призрачнымъ и цифры уже теряютъ свою силу. Мясо употребляется въ пищу только соленое, рыба также *); даютъ ихъ въ вареномъ видѣ, въ супѣ. Тюремный супъ или похлебка представляетъ полужидкую кашицу отъ разварившейся крупы и картофеля, въ которой плаваютъ красные кусочки мяса или рыбы и которую хвалятъ нѣкоторые чиновники, но сами не рѣшаются ѣсть. Супъ, даже тотъ, который варятъ для больныхъ, имѣетъ очень соленый вкусъ. Ожидаютъ ли въ тюрьмѣ посѣтителей, виденъ ли на горизонтѣ парходный дымокъ, поругались ли въ кухнѣ надзиратели или кашевары,—все это обстоятельства, которыя имѣютъ вліяніе на вкусъ супа, его цвѣтъ и запахъ; послѣдній часто бываетъ противенъ, и даже перецъ и лавровый листъ не помогаютъ. Особенно дурною славою въ этомъ отношеніи пользуется супъ изъ соленой рыбы—и понятно почему; во-первыхъ, этотъ продуктъ легко портится и потому обыкновенно спѣшать пускать въ дѣло ту рыбу, которая уже начала портиться; во-вторыхъ, въ котель поступаетъ и та большая рыба, которую въ верховьяхъ ловятъ каторжные поселенцы. Въ Корсаковской тюрьмѣ одно время кормили арестантовъ супомъ изъ соленой селедки; по словамъ завѣдующаго медицинскою частью, супъ этотъ отличался безвкусіемъ, селедка очень скоро разваривалась на мелкіе кусочки, присутствіе мелкихъ костей затруд-

*) Случается, въ тюрьмѣ варятъ похлебку изъ свѣжаго мяса; это значитъ, что медвѣдь задралъ корову или произошло какое-нибудь несчастье съ казеннымъ быкомъ или коровой. Но къ подобной убойнѣ арестанты часто относятся какъ къ падали и отказываются ѣсть ее. Вотъ еще строки изъ Полякова: «Очень нехороша была также и мѣстная солонина; она готовилась изъ мяса казенныхъ быковъ, истощенныхъ работой на плохихъ и трудныхъ дорогахъ и убитыхъ перѣдко наканунѣ погибели, если имъ не перерѣзывалось горло полувдохшимъ». Во время хода періодической рыбы арестантовъ кормятъ свѣжею рыбой, отпуская по одному фунту на человѣка.

няло проглатываніе и производило катарры желудочно-кишечнаго канала. Какъ часто арестанты выплескиваютъ изъ мисокъ супъ, за невозможностью ѣсть его, неизвѣстно, но это бываетъ *).

Какъ ѣдятъ арестанты? Столовыхъ нѣтъ. Въ полдень къ бараку или пристройкѣ, въ которой помѣщается кухня, тянутся арестанты гусемъ, какъ къ желѣзно-дорожной кассѣ. У каждаго въ рукахъ какая-нибудь посуда. Къ этому времени супъ обыкновенно бываетъ уже готовъ и, разваренный, «прѣтеть» въ закрытыхъ котлахъ. У кашевара къ длинной палкѣ придѣланъ «бочокъ», которымъ онъ черпаетъ изъ котла и каждому подходящему наливаетъ порцію, причемъ онъ можетъ зачерпнуть бочкомъ сразу двѣ порціи мяса или ни одного кусочка, смотря по желанію. Когда, наконецъ, подходятъ самые задніе, то супъ уже не супъ, а густая, тепловатая масса на днѣ котла, которую приходится разбавлять водой **). Получивъ свои порціи, арестанты идутъ прочь; одни ѣдятъ на ходу, другіе сидя на землѣ, третьи у себя на нарахъ. Надзора за тѣмъ, чтобы всѣ непременно ѣли, не продавали и не мѣняли своихъ порцій, нѣтъ. Никто не спрашиваетъ о томъ, всѣ ли обѣдали, не заснулъ ли кто;

*) Все это администраціи извѣстно. По крайней мѣрѣ, вотъ мѣтніе на этотъ счетъ самого начальника острова: «Въ мѣстныхъ операціяхъ по приварочному довольствію каторжныхъ есть обстоятельства, невольно набрасывающія на это дѣло сомнительную тѣнь» (приказъ № 314-й, 1888 г.). Если чиновникъ говорить, что онъ цѣлую недѣлю или мѣсяцъ питался арестантскою пищею и чувствовалъ себя прекрасно, то это значить, что въ тюрьмѣ для него готовили особо.

**) Какъ легко кашеварамъ ошибиться и приготовить по объему больше или меньше порцій, видно изъ тѣхъ количествъ, которыя кладутся въ котель. Въ Александровской тюрьмѣ 3 мая 1890 г. довольствовалось изъ котла 1.279 чел.; въ котлы было положено: 13½ пуд. мяса, 5 пуд. рису, 1½ пуд. муки на подболтку, 1 п. соли, 24 п. картофеля, 1/3 ф. лавроваго листу и 2/3 ф. перцу; въ той же тюрьмѣ 29 сентября для 675 человекъ: 17 п. рыбы, 3 п. крупы, 1 п. муки, 1/2 п. соли, 12½ п. картофеля, 1/6 ф. листу и 1/2 ф. перцу.

и если тѣмъ, которые распоряжаются въ кухнѣ, сказать, что на каторгѣ, въ средѣ угнетенныхъ и нравственно исковерканныхъ людей, не мало такихъ, за которыми надо слѣдить, чтобы они ѣли, и даже кормить ихъ насильно, то это замѣчаніе вызоветъ только недоумѣлое выраженіе на лицахъ и отвѣтъ: «Не могу знать, ваше высокоблагородіе!»

Изъ тѣхъ, которые получаютъ казенный пай, довольствуются изъ тюремнаго котла только 25—40% *), остальнымъ же провизія выдается на руки. Это большинство дѣлится на двѣ категоріи: одни сѣдаютъ пай у себя на квартирахъ со своими семьями или половинщиками, другіе, командированные на работы далеко за предѣлы тюрьмы, сѣдаютъ его тамъ, гдѣ работаютъ. Каждый рабочій изъ второй категоріи, по окончаніи рабочаго урока, варитъ для себя обѣдъ отдѣльно въ жестяномъ котелкѣ, если не мѣшаетъ дождь и если послѣ тяжелой работы не клонитъ ко сну; онъ усталъ, голоденъ, и часто, чтобы не хлопотать долго, сѣдаетъ соленое мясо и рыбу въ сырѣмъ видѣ. Если онъ уснулъ во время обѣда, продалъ или проигралъ въ карты свой пай, или испортилась у него провизія, размокъ на дождѣ хлѣбъ, то все это не касается надзора. Случается, нѣкоторые сѣдаютъ трехъ- и четырехдневную дачу въ одинъ день, а затѣмъ ѣдятъ только хлѣбъ или голодаютъ, причемъ, по словамъ заведующаго медицинскою частью, работая на берегу моря и рѣкѣ, не брезгаютъ выброшенными ракушками и рыбой, а тайга даетъ различные корни, подчасъ ядовитые. Работавшіе въ рудникахъ, по свидѣтельству горнаго инженера Кепшена, ѣли сальныя свѣчи **).

*) 3 мая въ Александровской тюрьмѣ изъ 2.870 ч. довольствовались изъ котла 1.279, а 29 сентября изъ 2.432 ч. только 675.

**) Администрація и мѣстные врачи находятъ довольствіе, получаемое арестантами, недостаточнымъ и въ количественномъ отношеніи. По даннымъ, взятымъ мною изъ медицинскаго отчета, пай содержитъ въ граммахъ: бѣла — 142,9, жировъ — 37,4, углеводовъ — 659,9 въ

Поселенцы въ первые два и рѣдко три года по увольне-
ніи отъ работъ получаютъ довольствіе отъ казны и затѣмъ
кормятся на свой счетъ и свой страхъ. Цифръ или какихъ-
нибудь документальныхъ данныхъ, относящихся къ питанію
поселенцевъ, нѣтъ, ни въ литературѣ, ни въ канцеляріяхъ;
но если судить по личнымъ впечатлѣніямъ и тѣмъ отрывоч-
нымъ свѣдѣніямъ, какія можно собрать на мѣстѣ, то глав-
ную пищу въ колоніи составляетъ картофель. Онъ и еще
корнеплоды, какъ рѣпа и брюква, часто бываютъ единствен-
ною пищей семьи въ теченіе очень долгаго времени. Свѣжую
рыбу ѣдятъ только во время хода ея, соленая же доступна

скоромные дни и 164,3, 40,0 и 671,4—въ постные. По Эрисману,
скоромная пища нашихъ фабричныхъ содержитъ жировъ 79,3, а
постная—67,4 гр. Чѣмъ больше человекъ работаетъ, чѣмъ сильнѣе и
продолжительнѣе физическое напряженіе, тѣмъ больше, по правиламъ
гигіены, онъ долженъ получать жировъ и углеводовъ. О томъ, какъ
мало надежды можно возлагать въ этомъ отношеніи на хлѣбъ и супъ,
читатель можетъ судить по всему вышесказанному. Рудничные аре-
станты въ четыре лѣтніе мѣсяца получаютъ усиленное довольствіе,
состоящее изъ 4 ф. хлѣба, и 1 ф. мяса и 24 золотн. крупы; по хода-
тайству мѣстной администраціи, такую же порцію стали назначать и
тѣмъ рабочимъ, которые заняты на дорожныхъ работахъ. Въ 1887 г.
на Сахалинѣ, по мысли начальника главнаго тюремнаго управленія,
былъ поднятъ вопросъ «о возможности измѣненія существующей на
о. Сахалинѣ табели съ цѣлью удешевленія стоимости продовольствія
ссылно-каторжныхъ безъ ущерба для питанія организма», и были
произведены опыты продовольствія по способу, рекомендованному
Доброславинимъ. Покойный профессоръ, какъ видно изъ его рапорта,
находилъ неудобнымъ «ограничивать размѣръ пищи, уже столько
лѣтъ выдаваемый ссыльно-каторжнымъ, не входя въ ближайшее
изученіе тѣхъ условій работы и содержанія, въ которыя эти арестанты
поставлены, такъ какъ едва ли можно составить здѣсь точное понятіе
о качествахъ того мяса и хлѣба, которые на мѣстѣ выдаются»; тѣмъ
не менѣе, все-таки онъ находилъ возможнымъ ограниченіе въ году
употребленія дорогихъ мясныхъ порцій и предложилъ три табели:
двѣ скоромныхъ и одну постную. На Сахалинѣ эти табели были
предложены на разсмотрѣніе комиссіи, назначенной подъ предѣ-
дательствомъ завѣдующаго медицинскою частью. И сахалинскіе врачи,

по цѣнѣ только болѣе зажиточнымъ *). О мясѣ и говорить нечего. Тѣ, которые имѣютъ коровъ, предпочитаютъ продавать молоко, чѣмъ ѣсть его; держатъ они его не въ глиняной посудѣ, а въ бутылкахъ—признакъ, что оно продается. Вообще, продукты своего хозяйства поселенецъ продаетъ очень охотно, даже въ ущербъ своему здоровью, такъ какъ, по его соображеніямъ, деньги ему нужнѣе здоровья: не скопивши денегъ, не уѣдешь на материкъ, а наѣсться досыта и поправить здоровье можно будетъ со временемъ, на волѣ. Изъ некультурныхъ растений употребляются въ пищу черемша и разныя ягоды, какъ морошка, голубика, клюква, моховка и проч. Можно сказать, что ссыльные, живущіе въ колоніи, ѣдятъ исключительно растительную пищу, и это справедливо, по крайней мѣрѣ, для громаднаго большинства. Во всякомъ случаѣ, пища ихъ отличается скуднымъ содержаніемъ жировъ, и въ этомъ отношеніи они едва ли сча-

участвовавшіе въ ней, оказались на высотѣ своего призванія. Они, не обинуясь, заявили, что, въ виду условій работы на Сахалинѣ, суроваго климата, усиленнаго труда во всякое время года и при всякой погодѣ, отпускаемаго теперь довольствія недостаточно, что продовольствіе по табелямъ проф. Доброславина, несмотря даже на сокращеніе мясныхъ порцій, обойдется гораздо дороже, чѣмъ по существующей табели. Отвѣчая на главный пунктъ вопроса, касающійся удешевленія порцій, они предложили свои собственныя табели, которыя, однако, обѣщали совсѣмъ не тѣ сбереженія, какихъ хотѣло тюремное вѣдомство. «Сбереженія матеріальнаго не будетъ,—писали они,—но взагнѣнъ того можно ожидать улучшенія количества и качества арестантскаго труда, уменьшенія числа больныхъ и слабосильныхъ, подымется общее состояніе здоровья арестантовъ, что отразится благоприятно и на колонизаціи Сахалина, давъ для этой цѣли полныхъ силъ и здоровья поселенцевъ». Это *Дѣло канцелярїи начальника о-ва Сахалина* объ измѣненіи табели съ цѣлью удешевленія содержитъ въ себѣ 20 всевозможныхъ рапортовъ, отношеній и актовъ и заслуживаетъ, чтобы съ нимъ короче познакомились лица, интересующіяся тюремною гигиеной.

*) Въ лавочкахъ копченая кѣта продается по 30 к. за штуку.

стливѣ тѣхъ, которые довольствуются изъ тюремнаго котла *).

Одежды и обуви арестанты, повидимому, получаютъ достаточно. Каторжнымъ, какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ, выдается по армяку и полушубку ежегодно, между тѣмъ, солдатъ, который работаетъ на Сахалинѣ не меньше каторжнаго, получаетъ мундиръ на три, а шинель на два года; изъ обуви арестантъ изнашиваетъ въ годъ четыре пары чирковъ и двѣ пары бродней, солдатъ же—одну пару голенищъ и 2½ подошвъ. Но солдатъ поставленъ въ лучшія санитарныя условія, у него есть постель и мѣсто, гдѣ можно въ дурную погоду обсушиться, каторжный же поневолѣ долженъ гнить свое платье и обувь, такъ какъ, за неимѣніемъ постели, спитъ на армякѣ и на всякихъ обноскахъ, гниющихъ и своими испареніями портящихъ воздухъ, а обсушиться ему негдѣ; зачастую онъ и спитъ въ мокрой одеждѣ, такъ что, пока каторжнаго не поставятъ въ болѣе человѣческія условія, вопросъ, насколько одежда и обувь удовлетворяютъ въ количественномъ отношеніи, будетъ открытымъ. Что касается качества, то тутъ повторяется та же исторія, что съ хлѣбомъ: кто живетъ передъ глазами у начальства, тотъ получаетъ лучшее платье, кто же въ командировкѣ, тотъ—худшее **).

*) Здѣшніе инородцы, какъ я уже говорилъ, употребляютъ въ пищу очень много жировъ, и это, несомнѣнно, помогаетъ имъ въ борьбѣ съ низкою температурой и чрезмѣрною влажностью. Мнѣ говорили, что гдѣ-то по восточному побережью или на сосѣднихъ островахъ промышленники-русскіе тоже уже начинаютъ мало-по-малу употреблять въ пищу китовый жиръ.

***) Когда капитанъ Машинскій дѣлалъ просьбу для телеграфа вдоль Поронная, то его рабочимъ-каторжнымъ были присланы короткія рубахи, которые были впору только дѣтямъ. Арестантское платье отличается рутиннымъ, неуклюжимъ покроемъ, который стѣсняетъ въ движеніяхъ рабочаго человѣка, и потому во время нагрузки парохода или на дорожныхъ работахъ вы не встрѣтите каторжнаго, одѣтаго въ длинно-

Теперь о духовной жизни, объ удовлетвореніи потребностей высшаго порядка. Колонія называется исправительной; но такихъ учреждений или лицъ, которыя спеціально занимались бы исправленіемъ преступниковъ, на Сахалинѣ нѣтъ; нѣтъ также на этотъ счетъ какихъ-либо инструкцій и статей въ *Уставѣ о ссыльныхъ*, кромѣ немногихъ указаній на случаи, когда конвойный офицеръ или унтеръ-офицеръ можетъ употребить противъ ссыльнаго оружіе, или когда священникъ долженъ «назидать въ обязанностяхъ вѣры и нравственности», объяснять ссыльнымъ «важность даруемаго облегченія» и т. п.; нѣтъ на этотъ счетъ и какихъ-либо опредѣленныхъ воззрѣній; но принято думать, что первенство въ дѣлѣ исправленія принадлежитъ церкви и школѣ, а затѣмъ свободной части населенія, которая своимъ авторитетомъ, тактомъ и личнымъ примѣромъ значительно можетъ способствовать смягченію нравовъ.

Въ церковномъ отношеніи Сахалинъ составляетъ часть епархіи епископа камчатскаго, курильскаго и благовѣщенскаго *). Епископы неоднократно посѣщали Сахалинъ, путешествуя съ такою же простотою и претерпѣвая на пути такія же неудобства и лишенія, какъ обыкновенные священники. Въ свои пріѣзды, при закладкѣ церквей, освященіи различныхъ зданій **) и обходѣ тюремъ, они обращались къ ссыльнымъ со словами утѣшенія и надежды. О характерѣ ихъ направляющей дѣятельности можно судить по слѣдующей выдержкѣ изъ резолюціи преосвященнаго

полый армякъ или халатъ; но неудобства отъ покроя на практикѣ легко устроятся продажей и мѣной. Такъ какъ самымъ удобнымъ для работы и вообще для жизни является обыкновенный крестьянскій покрой, то большинство ссыльныхъ ходитъ въ вольномъ платьѣ.

*) Такъ какъ Курильскіе острова отошли къ Японіи, то епископу правильнѣе именоваться теперь Сахалинскимъ.

**) Объ освященіи еписк. Мартиніаномъ Крильонскаго маяка см. *Владивостокъ* 1883 г., № 28.

Гурія на одномъ изъ актовъ, хранящихся въ корсаковской церкви: «Если не во всѣхъ у нихъ (т.-е. ссыльныхъ) имѣются вѣра и раскаяніе, то, во всякомъ случаѣ, у многихъ, что мною лично было усмотрѣно; не что иное, а именно чувство раскаянія и вѣра заставляли ихъ горько плакать, когда я поучалъ ихъ въ 1887 и 1888 гг. Назначеніе тюрьмы, кромѣ кары за преступленія, состоитъ и въ возбужденіи нравственно-добрыхъ чувствъ въ заключенныхъ, особенно, чтобы они, въ такой своей участи, не дошли до совершеннаго отчаянія». Этотъ взглядъ былъ присущъ и младшимъ представителямъ церкви; сахалинскіе священники всегда держались въ сторонѣ отъ наказанія и относились къ ссыльнымъ не какъ къ преступникамъ, а какъ къ людямъ, и въ этомъ отношеніи проявляли больше такта и пониманія своего долга, чѣмъ врачи или агрономы, которые часто вмѣшивались не въ свое дѣло.

Въ исторіи сахалинской церкви до сихъ поръ самое видное мѣсто занимаетъ о. Симеонъ Казанскій, или, какъ его называло населеніе, попъ Семень, бывшій въ семидесятыхъ годахъ священникомъ анивской или корсаковской церкви. Онъ работалъ въ тѣ еще «доисторическія» времена, когда въ Южномъ Сахалинѣ не было дорогъ и русское населеніе, особенно военное, было разбросано небольшими группами по всему югу. Почти все время попъ Семень проводилъ въ пустынѣ, передвигаясь отъ одной группы къ другой на собакахъ и оленяхъ, а лѣтомъ по морю на парусной лодкѣ, или пѣшкомъ, черезъ тайгу; онъ замерзалъ, заносило его снѣгомъ, захватывали по дорогѣ болѣзни, донимали комары и медвѣди, опрокидывались на быстрыхъ рѣкахъ лодки и приходилось купаться въ холодной водѣ; но все это переносилъ онъ съ необыкновенною легкостью, пустыню называлъ любезной и не жаловался, что ему тяжело живется. Въ личныхъ сношеніяхъ съ чиновниками и офицерами онъ держалъ себя какъ отличный товарищъ, никогда не отказы-

вался отъ компаніи и среди веселой бесѣды умѣлъ кстати вставить какой-нибудь церковный текстъ. О каторжныхъ онъ судилъ такъ: «Для Создателя міра мы всѣ равны», и это — въ официальной бумагѣ *). Въ его время сахалинскія церкви были бѣдно обставлены. Какъ-то, освѣщая иконостасъ въ анивской церкви, онъ такъ выразился по поводу этой бѣдности: «У насъ нѣтъ ни одного колокола, нѣтъ богослужебныхъ книгъ, но для насъ важно то, что есть Господь на мѣстѣ семь». Я уже упоминалъ о немъ при описаніи Поповскихъ Юртъ. Слухъ о немъ черезъ солдатъ и ссыльныхъ прошелъ по всей Сибири и поѣтъ Семенъ теперь на Сахалинѣ и далеко кругомъ — легендарная личность.

Въ настоящее время на Сахалинѣ четыре приходскихъ церкви: въ Александровскѣ, Дуэ, Рыковскомъ и Корсаковскѣ **). Церкви вообще не бѣдны, священникамъ полагается жалованья по тысячѣ рублей въ годъ, въ каждомъ приходѣ есть хоръ пѣвчихъ, поющихъ по нотамъ и одѣтыхъ въ парадные кафтаны. Служба бываетъ только по воскресеньямъ и большимъ праздникамъ; наканунѣ служатъ всенощную и затѣмъ въ 9 часовъ утра обѣдно; вечерни не

*) Оригиналенъ тонъ его бумагъ. Прося у начальства себѣ на помощь каторжнаго для исполненія должности причетника, онъ писалъ: «Что же касается до того, почему у меня нѣтъ штатнаго причетника, то это объясняется тѣмъ, что ихъ въ консисторіи налицо нѣтъ, да если бы и были, то при условіяхъ житія-бытія здѣшняго духовенства псаломщику невозможно существовать. Прежнее миновалось. Скоро, кажется, и мнѣ придется изъ Корсакова удалиться въ мою любезную пустыню и сказать вамъ: се оставляю домъ вашъ пустъ».

**) Въ районѣ Рыковского прихода есть еще церковь въ Малотымовѣ, гдѣ бываетъ служба только въ храмовой праздникъ въ день Антонія Великаго, и въ районѣ Корсаковского — три часовни: во Владиміровкѣ, Крестахъ и Галкинѣ-Враскомъ. Всѣ сахалинскія церкви и часовни построены на тюремныя средства, трудами ссыльныхъ, только одна корсаковская — на средства, пожертвованныя командами *Всадника* и *Востока* и военными, жившими въ посту.

бываетъ. Какихъ-либо особыхъ обязанностей, обусловленныхъ исключительнымъ составомъ населенія, мѣстные батюшки не несутъ и ихъ дѣятельность такъ же обычна, какъ нашихъ сельскихъ священниковъ, т.-е. заключается только въ церковныхъ службахъ по праздникамъ, требахъ и школьныхъ занятіяхъ. О какихъ-либо собесѣдованіяхъ, увѣщаніяхъ и т. п. мнѣ не приходилось слышать *).

Въ великомъ посту каторжные говѣютъ; на это дается имъ три утра. Когда говѣютъ кандалные или живущіе въ Воеводской и Дуйской тюрьмахъ, то вокругъ церкви стоятъ часовые, и это, говорятъ, производитъ удручающее впечатлѣніе. Каторжные чернорабочіе обыкновенно въ церковь не ходятъ, такъ какъ каждымъ праздничнымъ днемъ пользуются для того, чтобы отдохнуть, починиться, сходить по ягоды; къ тому же, церкви здѣшнія тѣсны и какъ-то само собою установилось, что ходить въ церковь могутъ только одѣтые въ вольное платье, т.-е. одна такъ-называемая чистая публика. При мнѣ, напримѣръ, въ Александровскѣ всякій разъ во время обѣдни переднюю половину церкви занимали чиновники и ихъ семьи; затѣмъ слѣдовалъ пестрый рядъ солдатокъ, надзирательскихъ женъ и женщинъ свобод-

*) Проф. Владиміровъ въ своемъ учебникѣ уголовного права говоритъ, что каторжникамъ о переводѣ ихъ въ разрядъ исправляющихся объявляется съ нѣкоторою торжественностью. Вѣроятно, онъ имѣетъ въ виду 301 ст. *Устава о ссыльныхъ*, по которой каторжному о переводѣ его въ названный разрядъ объявляется въ присутствіи высшаго тюремнаго начальства и приглашеннаго къ тому духовнаго лица, которое и проч. Но на практикѣ эта статья неудобноисполнима, такъ какъ духовное лицо пришлось бы приглашать каждый день; да и подобнаго рода торжественность какъ-то не вяжется съ рабочею обстановкой. Также не исполняется на практикѣ законъ объ освобожденіи арестантовъ отъ работъ въ праздники, по которому исправляющіеся должны быть чаще освобождены, чѣмъ испытуемые. Такое дѣленіе каждый разъ требовало бы много времени и хлопотъ.

наго состоянія съ дѣтьми, затѣмъ надзиратели и солдаты, и уже позади всѣхъ у стѣны поселенцы, одѣтые въ городское платье, и каторжные писаря. Можетъ ли, если пожелаетъ, каторжный съ бритою головой, съ однимъ или двумя тузами на спинѣ, закованный въ кандалы или прикованный къ тачкѣ пойти въ церковь? Одинъ изъ священниковъ, которому я задалъ этотъ вопросъ, отвѣтилъ мнѣ: «Не знаю».

Поселенцы говѣютъ, вѣнчаются и дѣтей крестятъ въ церквахъ, если живутъ близко. Въ дальнія селенія ѣздятъ сами священники и тамъ «постятъ» ссыльныхъ и кстати ужъ исполняютъ другія требы. У о. Ираклія были «викаріи» въ Верхнемъ Армуданѣ и въ Мало-Тымовѣ, каторжные Воронинъ и Яковенко, которые по воскресеньямъ читали часы. Когда о. Ираклій пріѣзжалъ въ какое-нибудь селеніе служить, то мужикъ ходилъ по улицамъ и кричалъ во все горло: «Вылазь на молитву!» Гдѣ нѣтъ церкви и часовень, тамъ служатъ въ казармахъ или избахъ.

Когда я жилъ въ Александровскѣ, какъ-то вечеромъ зашелъ ко мнѣ здѣшній священникъ, о. Егоръ, и, посидѣвши немного, отправился въ церковь вѣнчать. И я пошелъ съ нимъ. Въ церкви уже зажигали паникадило и пѣвчіе съ

Необычно въ дѣятельности мѣстныхъ священниковъ развѣ лишь то, что нѣкоторые изъ нихъ несутъ миссіонерскія обязанности. При мнѣ еще на Сахалинѣ находился іеромонахъ Ираклій, родомъ бурятъ, безъ бороды и усовъ, изъ Посольскаго монастыря, что въ Забайкальѣ; онъ пробылъ на Сахалинѣ 8 лѣтъ и въ послѣдніе годы былъ священникомъ въ Рыковскомъ приходѣ. По обязанности миссіонера онъ ѣздилъ разъ или два въ годъ къ Ныйскому заливу и по Поронаю крестить, приобщать и вѣнчать инородцевъ. Имъ было просвѣщено до 300 орочей. Конечно, въ путешествіяхъ по тайгѣ, да еще зимою, о какихъ-либо удобствахъ нельзя было и думать. На ночь о. Ираклій залязалъ обыкновенно въ мѣшокъ изъ бараньей шкуры; въ мѣшкѣ у него были и табакъ, и часы. Спутники его раза два-три въ ночь зажигали костеръ и согрѣвались чаемъ, а онъ спалъ въ мѣшкѣ всю ночь.

равнодушными лицами стояли на клиросѣ въ ожиданіи молодыхъ. Было много женщинъ, каторжныхъ и свободныхъ, съ нетерпѣніемъ поглядывавшихъ на двери. Слышалось шушуканье. Вотъ кто-то у дверей взмахнулъ рукой и шепнулъ встревоженно: «Бдутъ!» Пѣвчіе стали откашливаться. Отъ дверей хлынула волна, кто-то строго крикнуть, и, наконецъ, вошли молодые: наборщикъ-каторжный, лѣтъ 25, въ пиджакѣ, съ накрахмаленными воротничками, загнутыми на углахъ, и въ бѣломъ галстукѣ, и женщина-каторжная, года на 3—4 старше, въ синемъ платьѣ съ бѣлыми кружевами и съ цвѣткомъ на головѣ. Постлали на коврѣ платокъ; женихъ первый ступилъ на него. Шафера, наборщики, тоже въ бѣлыхъ галстукахъ. О. Егоръ вышелъ изъ алтаря, долго перелистывалъ на аналоѣ книжку. «Благословенъ Богъ нашъ...»—возгласилъ онъ, и вѣнчаніе началось. Когда священникъ возлагалъ на головы жениха и невѣсты вѣнцы и просилъ Бога, чтобы Онъ вѣнчалъ ихъ славою и честью, то лица присутствовавшихъ женщинъ выражали умиленіе и радость, и, казалось, было забыто, что дѣйствіе происходитъ въ тюремной церкви, на каторгѣ, далеко-далеко отъ родины. Священникъ говорилъ жениху: «Возвеличися, женише, якоже Авраамъ...» Когда же послѣ вѣнчанія церковь опустѣла и запахло гарью отъ свѣчей, которыя спѣшили тушить сторожъ, то стало грустно. Вышли на паперть. Дождь. Около церкви, въ потемкахъ, толпа, два тарантаса: на одномъ молодые, другой—порожнемъ.

— Батюшка, пожалуйте!—раздаются голоса, и къ о. Егору протягиваются изъ потемокъ десятки рукъ, какъ бы для того, чтобы схватить его.—Пожалуйте! Удостойте!

О. Егора посадили въ тарантасъ и повезли къ молодымъ. 8 сентября, въ праздникъ, я послѣ обѣдни выходилъ изъ церкви съ однимъ молодымъ чиновникомъ, и какъ разъ въ это время несли на носилкахъ покойника; несли четверо каторжныхъ, оборванные, съ грубыми испитыми лицами,

похожіе на нашихъ городскихъ нищихъ; слѣдомъ шли двое такихъ же, запасныхъ, женщина съ двумя дѣтьми и черныи грузинъ Келбокіани, одѣтый въ вольное платье (онъ служить писаремъ и зовуть его княземъ), и всѣ, повидимому, спѣшили, боясь не застать въ церкви священника. Отъ Келбокіани мы узнали, что умерла женщина свободнаго состоянія Ляликова, мужъ которой, поселенецъ, уѣхалъ въ Николаевскъ; послѣ нея осталось двое дѣтей, и теперь онъ, Келбокіани, жившій у этой Ляликовой на квартирѣ, не знаетъ, что ему дѣлать съ дѣтьми.

Мнѣ и моему спутнику дѣлать было нечего и мы пошли на кладбище впередъ, не дожидаясь, пока отдохнутъ. Кладбище въ верстѣ отъ церкви, за слободкой, у самага моря, на высокой крутой горѣ. Когда мы поднимались на гору, похоронная процессія уже догоняла насъ: очевидно, на отпѣваніе потребовалось всего 2—3 минуты. Сверху намъ было видно, какъ вздрагивалъ на носилкахъ гробъ, и мальчикъ, котораго вела женщина, отставалъ, оттягивая ей руку.

Съ одной стороны широкій видъ на постъ и его окрестности, съ другой — море, спокойное, сіяющее отъ солнца. На горѣ очень много могилъ и крестовъ. Вотъ два высокихъ креста рядомъ: это могилы Мицуля и смотрителя Селиванова, убитаго арестантомъ. Маленькіе кресты, стоящіе на могилахъ каторжниковъ, — всѣ подъ одинъ образецъ, и всѣ нѣмы. Мицуля будутъ еще помнить нѣкоторое время, всѣхъ же этихъ, лежащихъ подъ маленькими крестами, убивавшихъ, бѣгавшихъ, бряцавшихъ кандалами, никому нѣтъ надобности помнить. Развѣ только гдѣ-нибудь въ русской степи у костра или въ лѣсу старый обозчикъ станетъ рассказывать отъ скуки, какъ въ ихъ деревнѣ разбойничалъ такой-то; слушатель, взглянувъ на потемки, вздрогнетъ, крикнетъ при этомъ ночная птица, — вотъ и всѣ поминки. На крестѣ, гдѣ похороненъ ссыльный фельдшеръ, стихи:

Прохожій! Пусть тебѣ напомнитъ этотъ стихъ,
Что все на часъ подѣ небесами, и т. д.

А въ концѣ:

Прости, товарищъ мой, до радостнаго утра!

Е. Федоровъ.

Въ свѣже-вырытой могилѣ на четверть вода. Каторжные, запыхавшись, съ потными лицами, громко разговаривая о чемъ-то, что не имѣло никакого отношенія къ похоронамъ, наконецъ, принесли гробъ и поставили его у края могилы. Гробъ дощатый, на-скоро сбитый, некрашенный.

— Ну?—сказалъ одинъ.

Быстро опущенный гробъ хлопнулъ въ воду. Комья глины стучать по крышкѣ, гробъ дрожить, вода брызжетъ, а каторжные, работая лопатами, продолжаютъ говорить про что-то свое, и Келбокіани, съ недоумѣніемъ глядя на насъ и разводя руками, жалуется:

— Куда я теперь ребягъ дѣну? Возись съ ними! Ходилъ къ смотрителю, просилъ, чтобы далъ бабу,—не даетъ!

Мальчикъ Алешка 3—4 лѣтъ, котораго баба привела за руку, стоитъ и глядитъ внизъ въ могилу. Онъ въ кофть не по росту, съ длинными рукавами и въ полинявшихъ синихъ штанахъ; на колѣняхъ ярко-синія латки.

— Алешка, гдѣ мать?—спросилъ мой спутникъ.

— За-а-копали!—сказалъ Алешка, засмѣялся и махнулъ рукой на могилу *).

*) Изъ всего числа записанныхъ мною, православные составляютъ 86,5%, католики и лютеране вмѣстѣ—9%, магометане—2,7%, остальные—юдеи и армяно-григоріане. Разъ въ годъ прѣзжаетъ изъ Владивостока ксендзъ, и тогда ссыльныхъ католиковъ изъ обоихъ сѣверныхъ округовъ «гоняютъ» въ Александровскъ, и это бываетъ какъ разъ въ весеннюю распутицу. Католики жаловались мнѣ, что ксендзъ прѣзжаетъ очень рѣдко; дѣти подолгу остаются некрещеными, и многіе родители, чтобы ребенокъ не умеръ безъ крещенія, обращаются къ православному священнику. И мнѣ, въ самомъ дѣлѣ,

На Сахалинѣ 5 школъ, не считая Дербинской, въ которой, за неимѣніемъ учителя, занятій не было. Въ 1889—90 гг. обучалось въ нихъ 222 человекъ: 144 мальчика и 78 дѣвочекъ, въ среднемъ по 44 на каждую. Я былъ на островѣ въ каникулярное время, при мнѣ занятій не было и потому внутренняя жизнь здѣшнихъ школъ, вѣроятно, оригинальная и очень интересная, осталась для меня неизвѣстной. Общій голосъ таковъ, что сахалинскія школы бѣдны, обставлены нищенски, существованіе ихъ случайно необязательно и положеніе крайне неопредѣленно, такъ какъ никому неизвѣстно, будутъ онѣ существовать или нѣтъ. Завѣдуетъ ими одинъ изъ чиновниковъ канцеляріи начальника острова, образованный молодой человекъ, но это король, который царствуетъ, но не управляетъ, такъ какъ, въ сущности, школами завѣдуютъ начальники округовъ и смотрители тюремъ, отъ которыхъ зависитъ выборъ

приходилось встрѣчать православныхъ дѣтей, у которыхъ отецъ и мать—католики. Когда умираетъ католикъ, то, за неимѣніемъ своего, приглашаютъ русскаго священника, чтобы онъ пропѣлъ «Святый Боже». Въ Александровскѣ приходилъ ко мнѣ одинъ лютеранинъ, судившійся когда-то въ Петербургѣ за поджогъ; онъ говорилъ, что лютеране на Сахалинѣ составляютъ общество, и въ доказательство показывалъ мнѣ печать, на которой было вырѣзано: «Печать общества лютеранъ на Сахалинѣ»; въ его домѣ лютеране собираются для молитвы и обмѣна мыслей. Татары выбираютъ изъ своей среды муллу, еврей — раввина, но не официально. Въ Александровскѣ строится мечеть. Мулла Васъ-Хасанъ-Маметъ, красивый брюнетъ лѣтъ 38, уроженецъ Дагестанской области, строить ее на свой счетъ. Онъ спрашивалъ меня, пустятъ ли его по окончаніи срока въ Мекку. Въ Пейсиковской слободкѣ въ Александровскѣ стоитъ вѣтряная мельница, совершенно заброшенная: рассказываютъ, будто построилъ ее какой-то татаринъ съ женой. Оба супруга сами рубили деревья, таскали бревна и пилили доски, никто имъ не помогалъ и работа ихъ продолжалась три года. Получивъ званіе крестьянина, татаринъ переѣхалъ на материкъ, мельницу же отдалъ въ казну, а не своимъ татарамъ, такъ какъ былъ сердитъ на нихъ за то, что они не избрали его въ муллы.

и назначеніе учителей. Преподаютъ въ школахъ ссыльные, которые на родинѣ не были учителями, люди мало знакомые съ дѣломъ и безъ всякой подготовки. Получаютъ они за свой трудъ по 10 руб. въ мѣсяць; платить дороже администрація находить невозможнымъ и не приглашаетъ лицъ свободнаго состоянія, потому что этимъ пришлось бы платить не меньше 25 руб. Очевидно, преподаваніе въ школахъ считается занятіемъ неважнымъ, такъ какъ надзиратели изъ ссыльныхъ, которые часто несутъ неопредѣленныя обязанности и состоятъ только на побѣгушкахъ у чиновниковъ, получаютъ по 40 и даже по 50 руб. въ мѣсяць *).

Среди мужского населенія грамотные, считая взрослыхъ и дѣтей, составляютъ 29%, среди женскаго—9%. Да и эти 9% относятся исключительно къ школьному возрасту, такъ что о взрослой сахалинской женщинѣ можно сказать, что

*) Въ своемъ рапортѣ отъ 27 февраля 1890 г. начальникъ Александровскаго округа, во исполненіе предписанія начальника острова о подысканіи благонадежныхъ лицъ свободнаго состоянія или поселенцевъ для замѣны ими ссыльно-каторжныхъ, несущихъ въ настоящее время обязанности учителей въ сельскихъ школахъ, доноситъ, что во вѣренномъ ему округѣ не имѣется ни среди людей свободнаго состоянія, ни среди поселенцевъ никого, кто удовлетворялъ бы учительскому назначенію. «Такимъ образомъ,—пишетъ онъ,—встрѣчая непреодолимыя затрудненія въ наборѣ лицъ, по образованію своему хоть сколько-нибудь подходящихъ для школьнаго дѣла, я не рѣшаюсь указать на кого-либо изъ проживающихъ во вѣренномъ мнѣ округѣ изъ поселенцевъ или изъ крестьянъ изъ ссыльныхъ, коимъ возможно было бы поручить учительское дѣло». Хотя г. начальникъ округа и не рѣшается поручить ссыльнымъ учительское дѣло, но они все-таки продолжаютъ быть учителями, съ его вѣдома и по его назначенію. Во избѣжаніе подобнаго рода противорѣчій, казалось бы, проще всего пригласить настоящихъ учителей изъ Россіи или Сибири и назначить имъ такое жалованье, какое получаютъ надзиратели, но для этого понадобилось бы кореннымъ образомъ измѣнить свой взглядъ на преподавательское дѣло и не считать его менѣе важнымъ, чѣмъ дѣло надзирателя.

она грамотѣ не знаетъ; просвѣщеніе не коснулось ея, она поражаетъ своимъ грубымъ невѣжествомъ, и, мнѣ кажется, нигдѣ въ другомъ мѣстѣ я не видѣлъ такихъ безтолковыхъ и мало понятливыхъ женщинъ, какъ именно здѣсь, среди преступнаго и порабощеннаго населенія. Среди дѣтей, прибывшихъ изъ Россіи, грамотные составляютъ 25%, среди же родившихся на Сахалинѣ только 9% *).

XX.

Свободное населеніе.— Нижніе чины мѣстныхъ воинскихъ командъ.—
Надзиратели.—Интеллигенція.

Солдаты называютъ «піонерами» Сахалина, потому что они жили здѣсь до учрежденія каторги **). Начиная съ пятидесятихъ годовъ, когда Сахалинъ былъ занятъ, и почти до восьмидесятихъ, солдаты, кромѣ того, что лежало по уставу на ихъ прямой обязанности, исполняли еще всѣ

*) Если судить по нѣкоторымъ отрывочнымъ даннымъ, по намекамъ, то грамотные благополучнѣе отбываютъ наказаніе, чѣмъ неграмотные; повидимому, среди послѣднихъ относительно больше рецидивистовъ, а первые легче получаютъ крестьянскія права; въ Сянцахъ записано мною 18 грамотныхъ мужчинъ, и изъ нихъ 13, т. е. почти всѣ взрослые грамотные, имѣютъ крестьянское званіе. Въ тюрьмахъ нѣтъ еще обычая учить взрослыхъ грамотѣ, хотя зимою бывають дни, когда арестанты, по случаю дурной погоды, сидятъ безвыходно въ тюрьмѣ и томятся безъ дѣла; въ такіе дни они охотно обучались бы грамотѣ.

По безграмотству ссыльныхъ, письма на родину пишутъ обыкновенно писаря. Они описываютъ здѣшнюю печальную жизнь, бѣдность и горе, просятъ мужей о расторженіи брака и проч., но такимъ тономъ, какъ будто описываютъ вчерашнюю попойку: «Ну, вотъ, наконецъ, пишу я вамъ письмишко... Освободите меня отъ брачныхъ узъ» и т. п., или же философствуютъ, такъ что трудно бываетъ понять смыслъ письма. Одного писаря въ Тымовскомъ округѣ за вѣтватость другіе писаря прозвали бакалавромъ.

***) См. *Н. В. Буссе*: «Островъ Сахалинъ и экспедиція 1853—1854 гг.».

тѣ работы, которыя несутъ теперь каторжные. Островъ былъ пустыней; на немъ не было ни жилищъ, ни дорогъ, ни скота, и солдаты должны были строить казармы и дома, рубить просѣки, таскать на себѣ грузы. Если прїѣзжалъ на Сахалинъ командированный инженеръ или ученый, то въ его распоряженіе давалось нѣсколько солдатъ, которые замѣняли ему лошадей. «Мнѣ, — пишетъ горный инженеръ Лопатинъ, — имѣвшему въ виду ходить въ глубь сахалинской тайги, нечего было и думать о ѣздѣ верхомъ и перевозѣ тяжестей вьючными. Даже пѣшкомъ я съ трудомъ перелѣзаль черезъ крутыя горы Сахалина, покрытыя то густымъ валежнымъ лѣсомъ, то мѣстнымъ бамбукомъ. Такимъ образомъ мнѣ пришлось пройти болѣе 1.600 верстъ пѣшкомъ» *). А за нимъ шли солдаты и тащили на себѣ его тяжелый грузъ.

Все небольшое количество солдатъ было разбросано по западному, южному и юго-восточному побережьямъ; пункты, въ которыхъ они жили, назывались постами. Теперь уже брошенные и забытые, тогда эти посты играли такую же роль, какъ теперь поселенія, и на нихъ смотрѣли, какъ на задатки будущей колоніи. Въ Муравьевскомъ посту стояла стрѣлковая рота, въ Корсаковскомъ три роты 4 сибирскаго батальона и взводъ горной батареи, въ прочихъ же постахъ, какъ, на примѣръ, Мануйскій или Сортунайскій, было только по шести солдатъ. Шестъ человѣкъ, отдѣленные отъ своей роты пространствомъ въ нѣсколько сотъ верстъ, отданные подъ начало унтера или даже штатскаго человѣка, жили совершенными Робинзонами. Жизнь была дикая, крайне однообразная и скучная. Лѣтомъ, если постъ находился на берегу, приходило судно, оставляло солдатамъ провіантъ и уходило; зимою прїѣзжалъ «попостить» ихъ священникъ,

*) Лопатинъ: «Репортъ къ г. генераль-губернатору Восточной Сибиря». *Горный Журналъ* 1810 г., № 10.

одѣтый въ мѣховую куртку и штаны и по виду похожіи больше на гиляка, чѣмъ на священника. Разнообразилась жизнь только несчастіями: то солдата уносило на сѣно-плавкѣ въ море, то задирали его медвѣдь, то заносило снѣгомъ, нападали бѣглые, подкрадывалась цынга... Или же солдатъ, соскучившись сидѣть въ сараѣ, занесенномъ снѣгомъ, или ходить по тайгѣ, начиналъ проявлять «буйство, нетрезвость, дерзость», или попадался въ кражѣ, растратѣ амуниціи, или попадалъ подъ судъ за неуваженіе, оказанное имъ чьей-нибудь содержанкѣ-каторжной *).

При разнообразіи своихъ занятій, солдатъ не успѣвалъ научиться военному дѣлу и забывалъ то, чему былъ наученъ, а вмѣстѣ съ нимъ отставали и офицеры, и строевая часть находилась въ самомъ плачевномъ состояніи. Смотры всякій разъ сопровождались недоразумѣніями и выраженіемъ неудовольствія со стороны начальства **).

*) Въ Корсаковскомъ полицейскомъ управленіи я видѣлъ слѣдующій, относящійся къ 1870 г. «Списокъ нижнимъ чинамъ, находящимся въ постѣ при Путятинскихъ каменноугольныхъ копяхъ, на р. Сортунѣ»: Василий Ведерниковъ—за старшаго, онъ же сапожникъ и за хлѣбопека и кашевара.

Лука Пылковъ. Смѣненъ со старшаго, за нерадѣніе и былъ арестованъ за пьянство и дерзость.

Харитонъ Мыльниковъ. Не попался ни въ чемъ, но лѣнивъ.

Евграфъ Распоповъ—идіотъ и ни къ какой работѣ не способенъ.

Федоръ Чеглоковъ } Попались въ кражѣ денегъ и при мнѣ замѣ-

Григорій Ивановъ } чены въ буйствѣ, нетрезвости и ослушаніи.

Завѣдующій постомъ при Путятинскихъ каменноугольныхъ ломкахъ на о. Сахалинѣ.

Губернскій секретарь *Ө. Литке.*

**) Н. См—ій рассказываетъ, что еще такъ недавно, въ 1885 г., генералъ, принимая въ свое вѣдѣніе сахалинскія войска, спросилъ у одного солдата-надзирателя:

— Для чего у тебя револьверъ?

— Для сокращенія (укрощенія) ссыльно-каторжныхъ, ваше пр!

— Стрѣляй изъ револьвера въ этого пень,—приказалъ генералъ.

Служба была тяжкая. Люди смѣнившіеся съ караула, тотчас же шли въ конвой, съ конвоя опять въ карауль, или на сѣнокосъ, или на выгрузку казенныхъ грузовъ; не было отдыха ни днемъ, ни ночью. Жили они въ тѣсныхъ, холодныхъ и грязныхъ помѣщеніяхъ, которыя мало отличались отъ тюремъ. Въ Корсаковскомъ посту до 1875 года карауль помѣщался въ ссыльно-каторжной тюрьмѣ; тутъ же была и военная гауптвахта въ видѣ темныхъ конуръ. «Можетъ-быть, — пишетъ врачъ Синцовскій — для ссыльно-каторжныхъ такая стѣснительная обстановка допускается, какъ мѣра наказанія, но карауль солдатъ тутъ не причемъ, и за что онъ долженъ испытывать подобное наказаніе — неизвѣстно» *). Ъли они такъ же скверно, какъ арестанты, одѣты были въ лохмотья, потому что при ихъ работѣ не хватало никакой одѣжи. Солдаты, гонясь въ тайгѣ за бѣглыми, до такой степени истрепывали свою одежду и обувь, что однажды въ Южномъ Сахалинѣ сами были приняты за бѣглыхъ и по нимъ стрѣляли.

Въ настоящее время военная охрана острова состоитъ изъ четырехъ командъ: александровской, дуйской, тимовской и корсаковской. Къ январю 1890 г. нижнихъ чиновъ во всѣхъ командахъ было 1.548. Солдаты по-прежнему несутъ тяжелый трудъ, несоизмѣрный съ ихъ силами, развитіемъ и требованіями воинскаго устава. Правда, они уже не рубятъ просѣкъ и не строятъ казармъ, но, какъ и въ прежнее время, возвращающійся съ караула или съ

Тутъ произошло большое замѣшательство. Солдатъ никакъ не могъ высвободить револьверъ изъ кобуры и сдѣлать это лишь при посторонней помощи, а павлекши револьверъ, онъ такъ неумѣло началъ съ нимъ обращаться, что приказаніе было отмѣнено: а то вмѣсто пня онъ могъ свободно пустить пулю въ кого-нибудь изъ публики. *Кронштадтскій Вѣстникъ* 1890 г., № 23.

*) *Синцовскій*: «Гигіеническая обстановка ссыльно-каторжныхъ». *Здоровье* 1875 г., № 16.

ученья солдатъ не можетъ рассчитывать на отдыхъ: его сейчасъ же могутъ послать въ конвой, или на сѣнокосъ, или въ погоню за бѣглецами. Хозяйственныя надобности отвлекаютъ значительное число солдатъ, такъ что чувствуется постоянный недостатокъ въ конвоѣ, и караулы не могутъ быть рассчитаны на три очереди. Въ началѣ августа, когда я былъ въ Дуэ, 60 человекъ дуйской команды косили сѣно, и изъ нихъ половина отправилась для этого пѣшкомъ за 109 верстъ.

Сахалинскій солдатъ кротокъ, молчаливъ, послушенъ и трезвъ; пьяныхъ солдатъ, которые шумѣли бы на улицѣ, я видѣлъ только въ Корсаковскомъ посту. Поетъ онъ рѣдко и всегда одно и то же: «Десять дѣвокъ, одинъ я, куда дѣвки, туда я... Дѣвки въ лѣсъ, я за ими»,—веселая пѣсня, которую, однако, онъ поетъ съ такою скукой, что подъ звуки его голоса начинаешь тосковать по родинѣ и чувствовать всю неприглядность сахалинской природы. Онъ покорно переноситъ всѣ лишения и равнодушенъ къ опасностямъ, которыя такъ часто угрожаютъ его жизни и здоровью. Но онъ грубъ, неразвитъ и безтолковъ, и за недосугомъ не успѣваетъ проникнуться сознаниемъ воинскаго долга и чести, и потому бываетъ не чуждъ ошибокъ, дѣлающихъ его часто такимъ же врагомъ порядка, какъ тѣ, кого онъ сторожить и ловить *). Эти свои недостатки онъ обнаруживаетъ особенно рельефно, когда на него возлагаются обязанности,

*) Въ Воеводской тюрьмѣ мнѣ указывали одного каторжника, бывшаго конвойнаго, который въ Хабаровкѣ помогъ бродягамъ бѣжать и самъ бѣжалъ съ ними. Лѣтомъ 1890 г. въ Рыковской тюрьмѣ содержалась женщина свободнаго состоянія, обвиняемая въ поджогѣ; сосѣдь ея по карцеру, арестантъ Андреевъ, жаловался, что по ночамъ ему мѣшаютъ спать конвойные, которые то и дѣло ходятъ къ этой женщинѣ и шумятъ. Окружной начальникъ распорядился запереть ее карцеръ другимъ замкомъ, а ключъ взять къ себѣ. Конвойные, однако, ключъ подобрали, и окружной начальникъ *ничего* не могъ подѣлать съ ними, и ночныя оргіи продолжались.

не соответствующія его развитію, когда онъ, напримѣръ, становится тюремнымъ надзирателемъ.

По 27 ст. *Устава о ссыльныхъ* на Сахалинѣ, «тюремный надзоръ образуютъ старшіе и младшіе надзиратели, число коихъ, полагая одного старшаго на сорокъ человѣкъ и одного младшаго на двадцать человѣкъ каторжныхъ, опредѣляется ежегодно главнымъ тюремнымъ управленіемъ». Три надзирателя, одинъ старшій и два младшихъ, приходятся на 40 человѣкъ, т. е. 1 на 13. Если представить себѣ, что 13 человѣкъ работаютъ, ѣдятъ, проводятъ время въ тюрьмѣ и проч. подъ постояннымъ наблюденіемъ одного добросовѣстнаго и умѣлаго человѣка, и что надъ этимъ, въ свою очередь, стоитъ начало въ лицѣ смотрителя тюрьмы, а надъ смотрителемъ—начальникъ округа и т. д., то можно успокоиться на мысли, что все идетъ прекрасно. На самомъ же дѣлѣ, надзоръ до сихъ поръ былъ самымъ больнымъ мѣстомъ сахалинской каторги.

Въ настоящее время на Сахалинѣ старшихъ надзирателей около 150, а младшихъ вдвое больше. Мѣста старшихъ заняты грамотными унтеръ-офицерами и рядовыми, кончившими службу въ мѣстныхъ командахъ, и разночинцами; послѣднихъ, впрочемъ, очень мало. Нижніе чины, состоящіе на дѣйствительной службѣ, составляютъ 6% всего комплекта старшихъ, зато должности младшихъ надзирателей исправляютъ почти одни только рядовые, командируемые отъ мѣстныхъ командъ. Въ случаѣ неполноты опредѣленнаго комплекта надзирателей, *Уставъ* разрѣшаетъ назначать для исполненія надзирательскихъ обязанностей нижнихъ чиновъ мѣстныхъ воинскихъ командъ, и, такимъ образомъ, молодые сибиряки, призванные неспособными даже къ службѣ въ конвоѣ, призываются къ исполненію служебныхъ обязанностей надзирателя, правда, «временно» и «въ предѣлахъ крайней необходимости», но это «временно» продолжается уже десятки лѣтъ, а «предѣлы крайней необходимости» все

расширяются, такъ что нижніе чины мѣстныхъ командъ составляютъ уже 73% всего состава младшихъ надзирателей, и никто не поручится, что черезъ 2—3 года эта цифра не вырастетъ до 100. Надо замѣтить при этомъ, что въ надзиратели командируются не лучшіе солдаты, такъ какъ начальники командъ, въ интересахъ строевой службы, отпускаютъ въ тюрьму менѣе способныхъ, а лучшихъ удерживаютъ при частяхъ *).

Въ тюрьмахъ много надзирателей, но нѣтъ порядка, и надзиратели служатъ лишь постояннымъ тормазомъ для администраціи, о чемъ свидѣтельствуетъ самъ начальникъ острова. Почти каждый день въ своихъ приказахъ онъ штрафуетъ ихъ, смѣщаетъ на низшіе оклады или же совсѣмъ увольняетъ: одного за неблагонадежность и неисполнительность, другого—за безнравственность, недобросовѣстность и неразвитіе, третьяго—за кражу казеннаго провіанта, ввѣреннаго его храненію, а четвертаго—за укрывательство; пятый, будучи назначенъ на баржу, не только не смотрѣлъ за порядкомъ, но даже самъ подавалъ примѣръ къ расхищенію на баржѣ грецкихъ орѣховъ; шестой—состоитъ подъ слѣдствіемъ за продажу казенныхъ топоровъ и гвоздей;

*) И это даетъ поводъ къ явной несправедливости: лучшіе солдаты, остающіеся въ командахъ, получаютъ одинъ только солдатскій пай, а худшіе, служащіе въ тюрьмѣ,—и пай, и жалованье. Кн. Шаховской въ своемъ *Днѣ* жаловался: «Главный контингентъ надзирателей (66%) составляютъ рядовые мѣстныхъ воинскихъ командъ, получающіе на казенномъ содержаніи по 12 р. 50 к. въ мѣсяць. Ихъ безграмотность, низкій уровень развитія, спускательный взглядъ на возможное въ ихъ кругу дѣйствій взяточничество, отсутствіе прежней воинской строгости въ ихъ содержаніи и несравненно большая свобода дѣйствій, за немногими исключеніями, ведутъ или къ незаконному произволу въ обращеніи съ преступниками, или къ неумѣстному униженію передъ ними». А нынѣшній начальникъ острова того мнѣнія, что «долголѣтній опытъ показалъ всю ненадежность надзора, командируемаго отъ мѣстныхъ командъ».

седьмой—замѣченъ неоднократно въ недобросовѣстномъ завѣдываніи фуражнымъ довольствіемъ казеннаго скота, восьмой—въ предосудительныхъ сдѣлкахъ съ каторжными. Изъ приказовъ мы узнаемъ, что одинъ старшій надзиратель изъ рядовыхъ, будучи дежурнымъ въ тюрьмѣ, позволилъ себѣ войти въ женскій баракъ черезъ окно, отогнувъ предварительно гвозди, съ цѣлями романтическаго свойства, а другой, во время своего дежурства, въ часъ ночи допустилъ рядового, тоже надзирателя, въ одиночное помѣщеніе, гдѣ содержатся арестованныя женщины. Любовныя похождения надзирателей не ограничиваются одною только тѣсною областью женскихъ бараковъ и одиночныхъ помѣщеній. Въ квартирахъ надзирателей я заставалъ дѣвушекъ-подростковъ, которыя на мой вопросъ, кто онѣ, отвѣчали: «Я—сожительница». Войдешь въ квартиру надзирателя; онъ, плотный, сытый, мясистый, въ разстѣгнутой жилеткѣ и въ новыхъ сапогахъ со скрипомъ, сидитъ за столомъ и «кушаетъ» чай; у окна сидитъ дѣвочка лѣтъ 14 съ поношеннымъ лицомъ, блѣдная. Онъ называетъ себя обыкновенно унтеръ-офицеромъ, старшимъ надзирателемъ, а про нее говоритъ, что она дочь каторжнаго, и что ей 16 лѣтъ, и что она его сожительница.

Надзиратели, во время своего дежурства въ тюрьмѣ, допускаютъ арестантовъ къ картежной игрѣ и сами участвуютъ въ ней; они пьянствуютъ въ обществѣ ссыльныхъ, торгуютъ спиртомъ. Въ приказахъ мы встрѣчаемъ также буйство, непослушаніе, крайне дерзкое обращеніе со старшими въ присутствіи каторжныхъ и, наконецъ, побои, наносимые каторжному палкой по головѣ, послѣдствіемъ чего образовались раны.

Люди грубые, неразвитые, пьянствующие и играющіе въ карты вмѣстѣ съ каторжными, охотно пользующіеся любовью и спиртомъ каторжныхъ женщинъ, недисциплинированные, недобросовѣстные могутъ имѣть авторитетъ лишь

отрицательнаго свойства. Ссылное населеніе не уважаетъ ихъ и относится къ нимъ съ презрительною небрежностью. Оно въ глаза величаетъ ихъ «сухарниками» и говоритъ имъ *ты*. Администрація же нисколько не заботится о томъ, чтобы поднять ихъ престижъ, находя, вѣроятно, что заботы объ этомъ не привели бы ни къ чему. Чиновники говорятъ надзирателю *ты* и бранять его какъ угодно, не стѣсняясь присутствіемъ каторжныхъ. То и дѣло слышишь: «Что же ты, дуракъ, смотришь?» Или: «Ничего ты не понимаешь, болванъ!» Какъ мало уважаютъ здѣсь надзирателей, видно изъ того, что многіе изъ нихъ назначаются на «несоотвѣтствующіе служебному ихъ положенію наряды», то-есть, по-просту, состоятъ при чиновникахъ въ качествѣ лакеевъ и и разсылныхъ. Надзиратели изъ привилегированныхъ, какъ бы стыдясь своей должности, стараются выдѣлиться изъ массы своихъ сотоварищей хотя чѣмъ-нибудь: одинъ носитъ на плечахъ жгуты потолка, другой — офицерскую кокарду, третій, коллежскій регистраторъ, называетъ себя въ бумагахъ не надзирателемъ, а «завѣдующимъ работами и рабочими».

Такъ какъ сахалинскіе надзиратели никогда не возвышались до пониманія цѣлей надзора, то съ теченіемъ времени, по естественному порядку вещей, сами цѣли надзора должны были мало-по-малу сузиться до тепершняго своего состоянія. Весь надзоръ теперь сводится къ тому, что рядовой сидитъ въ камерѣ, смотритъ за тѣмъ, «чтобы не шумѣли», и жалуется начальству; на работахъ онъ, вооруженный револьверомъ, изъ котораго, къ счастью, не умѣетъ стрѣлять, и пашкою, которую трудно вытянуть изъ заржавленныхъ ноженъ, стоитъ, смотритъ безучастно на работы, куритъ и скушаетъ. Въ тюрьмѣ онъ — прислуга, открывающая и запирающая двери, а на работахъ лишній человекъ. Хотя на каждые сорокъ каторжныхъ приходится три надзирателя — одинъ старшій и два младшихъ, но постоянно

приходится видѣть, какъ 40—50 человекъ работаютъ подъ надзоромъ только одного, или же совсѣмъ безъ надзора. Если изъ трехъ надзирателей одинъ находится при работахъ, то другой въ это время стоитъ около казенной лавки и отдаетъ проходящимъ чиновникамъ честь, а третій—томится въ чьей-нибудь передней или безъ всякой надобности стоитъ на-вытяжку въ приемной лазарета *).

Объ интеллигенціи придется сказать немного. Наказывать по долгу службы и присяги своего ближняго, быть способнымъ каждый часъ насиловать въ себѣ отвращеніе и ужасъ, отдаленность мѣста служенія, ничтожное жалованье, скука, постоянная близость бритыхъ головъ, кандаловъ, палачей, грошевые расчеты, дразги, а, главное, сознание своего полного безсилія въ борьбѣ съ окружающимъ зломъ, — все это, взятое вмѣстѣ, всегда дѣлало службу по управленію каторгой и ссылкой исключительно тяжелой и непривлекательной. Въ прежнее время на каторгѣ служили по преимуществу люди нечистоплотные, небрезгливые, тяжелые, которымъ было все равно, гдѣ ни служить, лишь бы ѣсть, пить, спать да играть въ карты; порядочные же люди шли сюда по нуждѣ и потомъ бросали службу при

*) Жалованья старшіе надзиратели получаютъ 480, а младшіе по 216 руб. въ годъ. Черезъ опредѣленные сроки этотъ окладъ увеличивается на одну и двѣ трети и даже вдвое. Такое жалованье считается хорошимъ и служить соблазномъ для мелкихъ чиновниковъ, напримѣръ телеграфистовъ, которые уходятъ въ надзиратели при первой возможности. Существуетъ опасеніе, что школьные учителя, если ихъ когда-нибудь назначать на Сахалинъ и дадутъ имъ обычные 20—25 р. въ мѣсяць, непременно уйдутъ въ надзиратели.

За невозможностью найти на мѣстѣ людей свободнаго состоянія на должности надзирателей или брать ихъ изъ мѣстныхъ войскъ, не ослабляя состава послѣднихъ, начальникъ острова въ 1888 г. разрѣшилъ зачислять на должность надзирателей благонадежныхъ въ поведеніи и испытанныхъ уже въ усердіи поселенцевъ и крестьянъ изъ ссыльныхъ. Но эта мѣра не привела къ добру.

первой возможности, или спивались, сходили съ ума, убивали себя, или же мало-по-малу обстановка затягивала ихъ въ свою грязь, подобно спруту-осьминогу, и они тоже начинали красть, жестоко съчь...

Если судить по официальнымъ отчетамъ и корреспонденціямъ, то въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ сахалинская интеллигенція отличалась полнѣйшимъ нравственнымъ ничтожествомъ. При тогдашнихъ чиновникахъ тюрьмы обращались въ пріюты разврата, въ игорные дома, людей развращали, ожесточали, засѣкали домертва. Самымъ яркимъ администраторомъ въ этомъ смыслѣ является нѣкій майоръ Николаевъ, бывший въ продолженіе семи лѣтъ начальникомъ Дуйскаго поста. Имя его часто упоминается въ корреспонденціяхъ *). Онъ былъ изъ крѣпостныхъ сдаточныхъ. О томъ, какія способности проложили этому грубому, неотесанному человѣку дорогу къ майорскому чину, свидѣній нѣтъ. Когда одинъ корреспондентъ спросилъ у него, бывалъ ли онъ когда-нибудь въ средней части острова и что тамъ видѣлъ, то майоръ отвѣтилъ: «Гора да долина — долина да опять гора; извѣстно, почва вулканическая, извергательная». Онъ же на вопросъ, что за вещь черемша, отвѣтилъ: «Во-первыхъ, это не вещь, а растеніе, и, во-вторыхъ, растеніе преползное и вкусное; брюхо пучить отъ него, правда, да намъ это наплевать, мы съ дамами не бываемъ». Тачки для перевозки угля онъ замѣнилъ бочками, чтобы удобнѣе было катать по мосткамъ; сажалъ въ эти бочки провинившихся каторжныхъ и приказывалъ катать ихъ по берегу. «Съ часъ покатаютъ сердечнаго, глядишь, точно шелковый станеть». Желая выучить солдатъ числамъ, онъ прибѣгалъ къ игрѣ въ лото. «За перегиличку номеровъ, кто самъ не можетъ, долженъ платить

*) Между прочимъ, см. *Лукашевича*: «Моя знакомцы въ Дуэ, на Сахалинѣ» *Кронштадтскій Вѣстникъ* 1868 г., №№ 47 и 49.

по гривеннику; разъ заплатить, другой разъ заплатить, а тамъ и пойметъ, что это невыгодно. Глядишь, туго возьмется за номера, да въ недѣлю и выучить». Подобныя благоглупости дѣйствовали на дуйскихъ солдатъ развращающимъ образомъ: случалось, что они продавали каторжнымъ свои ружья. Приступая къ наказанію одного каторжника, майоръ заранѣ объявилъ ему, что онъ живъ не останется, и дѣйствительно, преступникъ умеръ тотчасъ послѣ наказанія. Майоръ Николаевъ послѣ этого случая былъ преданъ суду и приговоренъ къ каторжнымъ работамъ.

Когда спросишь какого-нибудь старика-поселенца, были ли въ его время на островѣ хорошіе люди, то онъ сначала помолчитъ немного, какъ бы припоминая, и потомъ ужъ отвѣтитъ: «Всякое бывало». Нигдѣ старое такъ скоро не забывается, какъ на Сахалинѣ, именно благодаря чрезвычайной подвижности ссыльнаго населенія, которое здѣсь мѣняется кореннымъ образомъ каждыя пять лѣтъ, и отчасти отсутствію въ здѣшнихъ канцеляріяхъ порядочныхъ архивовъ. То, что было 20—25 лѣтъ назадъ, считается глубокою стариной, уже забытою, погибшею для исторіи. Уцѣлѣли только кое-какія постройки, уцѣлѣлъ Микрюковъ, десятка два анекдотовъ, да остались еще цифры, не заслуживающія никакого довѣрія, такъ какъ ни одна канцелярія тогда не знала, сколько на островѣ арестантовъ, сколько бѣжало, умерло и проч.

«Доисторическія» времена продолжались на Сахалинѣ до 1878 года, когда завѣдующимъ ссыльно-каторжными Приморской области былъ назначенъ кн. Николай Шаховской, отличный администраторъ, умный и честный человекъ *).

*) До 1875 г. каторгой на Сѣв. Сахалинѣ управлялъ начальникъ Дуйскаго поста, офицеръ, начальство котораго жило въ Николаевскѣ. Съ 1875 г. Сахалинъ дѣлился на два округа: Сѣверо-Сахалинскій и Южно-Сахалинскій. Оба округа, входившіе въ составъ Приморской

Послѣ него осталось образцовое во многихъ отношеніяхъ «дѣло объ устройствѣ о. Сахалина», хранящееся теперь въ канцеляріи начальника острова. Это было по преимуществу кабинетный работникъ. Арестантамъ и при немъ жилось такъ же дурно, какъ и до него, но, несомнѣнно, его наблюденія, которыми онъ дѣлился съ начальствомъ и со своими подчиненными, и его «Дѣло», независимое и откровенное, быть можетъ, послужили началомъ для новыхъ, хорошихъ вѣяній.

Въ 1879 году началъ функционировать Добровольный флотъ, и мало-по-малу должности на Сахалинѣ стали занимать уроженцы Европейской Россіи. Въ 1884 г. на Сахалинѣ было введено новое положеніе, вызвавшее усиленный приливъ или, какъ здѣсь говорятъ, сплавъ новыхъ людей *). Въ настоящее время на Сахалинѣ мы имѣемъ

области, въ гражданскомъ отношеніи были подчинены военному губернатору, а въ военномъ, командуя войсками Приморской области. Мѣстное управленіе принадлежало начальникамъ округовъ, причемъ званіе начальника Сѣв.-Сахалинскаго округа было присвоено завѣдующему ссыльно-каторжными на о. Сахалинѣ и Приморской области, имѣющему мѣстопробываніе въ Дуэ, а званіе начальника Южнаго округа—командиру 4-го восточнаго сибирскаго линейнаго батальона, имѣющему мѣстопробываніе въ п. Корсаковскомъ. Въ лицѣ окружныхъ начальниковъ сосредоточивалось мѣстное, какъ военное, такъ и гражданское, управленіе. Администрація была сплошь военная.

*) По этому положенію, главное управленіе Сахалиномъ принадлежить пріамурскому генераль-губернатору, а мѣстное—начальнику острова, назначаемому изъ военныхъ генераловъ. Островъ раздѣленъ на три округа. Тюрьмы и селенія въ каждомъ округѣ находятся въ единоличномъ завѣдываніи окружныхъ начальниковъ, которые соотвѣтствуютъ нашимъ исправникамъ. Они председательствуютъ въ полицейскихъ управленіяхъ. Каждую тюрьмой и селеніями въ ея районѣ завѣдуетъ смотритель тюрьмы; если селеніями завѣдуетъ особый чиновникъ, то онъ называется смотрителемъ поселеній; объ эти должности соотвѣтствуютъ нашему становому приставу. При начальникѣ острова состоитъ управляющій

уже три уѣздныхъ города, въ которыхъ живутъ чиновники и офицеры съ семьями. Общество уже настолько разнообразно и интеллигентно, что въ Александровскѣ, напримѣръ, въ 1888 г. могли въ любительскомъ спектаклѣ поставить *Женитбу*; когда здѣсь же, въ Александровскѣ, въ большіе праздники, по взаимному соглашенію, чиновники и офицеры замѣняютъ визиты денежными взносами въ пользу бѣдныхъ семейныхъ каторжныхъ или дѣтей, то на подписномъ листѣ обыкновенно число подписей доходитъ до 40. На пріѣзжаго человѣка сахалинское общество производитъ благопріятное впечатлѣніе. Оно радушно, гостепріимно и во всѣхъ отношеніяхъ выдерживаетъ сравненіе съ нашими уѣздными обществами, а въ районѣ восточнаго побережья оно считается самымъ живымъ и интереснымъ; по крайней мѣрѣ, чиновники отсюда неохотно переводятся, напримѣръ, въ Николаевскъ или въ де-Кастри. Но какъ въ Татарскомъ проливѣ бываютъ сильныя бури и моряки говорятъ, что это отголоски циклона, бушующаго въ Китайскомъ и Японскомъ моряхъ, такъ и въ жизни этого общества нѣтъ-нѣтъ, да и отзвучатъ недавнее прошлое и близость Сибири. Какіе молодцы попадали сюда на службу уже послѣ реформы 1884 г., видно изъ приказовъ о смѣщеніи съ должностей, о преданіи суду или изъ официальныхъ заявленій о безпорядкахъ по службѣ, доходившихъ «до наглаго разврата» (прик. № 87-й 1890 г.), или изъ

его канцеляріей, бухгалтеръ и казначей, инспекторъ сельскаго хозяйства, землемѣръ, архитекторъ, переводчикъ айского и гилацкаго языковъ, смотритель центральныхъ складовъ и завѣдующій медицинскою частью. Въ каждой изъ четырехъ воинскихъ командъ долженъ быть штабъ-офицеръ, два оберъ-офицера и врачъ; кромѣ того, адъютантъ управленія войскъ о. Сахалина, его помощникъ и аудиторъ. Остается еще упомянуть четырехъ священниковъ и тѣхъ служащихъ, которые не имѣютъ прямого отношенія къ тюрьмѣ, какъ напримѣръ, начальникъ почтово-телеграфной конторы, его помощникъ, телеграфисты и смотрители двухъ маяковъ.

анекдотовъ и разказовъ, въ родѣ хотя бы разказа о каторжномъ Золотаревѣ, человѣкѣ зажиточномъ, который водилъ компанію съ чиновниками, кутилъ съ ними и игралъ въ карты; когда жена этого каторжника заставляла его въ обществѣ чиновниковъ, то начинала срамить его за то, что онъ водить компанію съ людьми, которые могутъ дурно повліять на его нравственность. И теперь встрѣчаются чиновники, которымъ ничего не стоитъ размахнуться и ударить кулакомъ по лицу ссыльнаго, даже привилегированнаго, или приказать человѣку, который не снялъ въ-торопяхъ шапки: «Пойди къ смотрителю и скажи, чтобы онъ далъ тебѣ тридцать розогъ». Въ тюрьмѣ до сихъ поръ еще возможны такіе безпорядки, что два арестанта почти годъ считаются въ безвѣстной отлучкѣ, между тѣмъ, все это время они получаютъ довольствіе изъ котла и даже употребляютъ на работы (приказъ № 87-й 1890 г.). Не всякій смотритель знаетъ навѣрное, сколько въ данное время у него въ тюрьмѣ живетъ арестантовъ, сколько дѣйствительно довольствуется изъ котла, сколько бѣжало и проч. Самъ начальникъ острова находитъ, что «вообще положеніе дѣлъ въ Александровскомъ округѣ по всѣмъ отраслямъ управленія оставляетъ тяжелое впечатлѣніе и требуетъ многихъ серьезныхъ улучшеній; что же касается собственно дѣлопроизводства, то оно слишкомъ ужъ было предоставлено на волю писарей, которые «распоряжались безконтрольно, судя по нѣкоторымъ, случайно обнаружившимся подлогамъ» (приказъ № 314-й 1888 г.) *).

*) Достаточно одинъ день порыться въ канцелярскомъ матеріалѣ чтобы придти въ отчаяніе отъ дутыхъ цифръ, невѣрныхъ итоговъ и «спраздныхъ вымысловъ» разныхъ помощниковъ смотрителей, старшихъ надзирателей и писарей. Я никакъ не могъ найти «вѣдомостей» за 1886 г. Попадаются «вѣдомости», гдѣ внизу карандашомъ въ видѣ резолюціи написано: «очевидно, неправда». Особенно сильно наврано въ отдѣлахъ, касающихся семейнаго положенія ссыльныхъ,

положеніи находится здѣсь слѣдственная часть, я буду говорить въ своемъ мѣстѣ. Въ почтово-телеграфной конторѣ обращаются съ народомъ грубо, простымъ смертнымъ выдаютъ корреспонденцію только на четвертый и пятый день по приходѣ почты; телеграфисты безграмотны, телеграфная тайна не соблюдается. Я не получилъ ни одной телеграммы, которая не была бы искажена самымъ варварскимъ образомъ, и когда однажды по какому-то случаю въ мою телеграмму вошелъ кусокъ чьей-то чужой и я, чтобы возстановить смыслъ обѣихъ телеграммъ, попросилъ исправить ошибку, то мнѣ сказали, что это можно сдѣлать не иначе, какъ только за мой счетъ.

Въ новой исторіи Сахалина играютъ замѣтную роль представители позднѣйшей формаціи, смѣсь Держиморды и Яго,—господа, которые въ обращеніи съ низшими не признаютъ ничего, кромѣ кулаковъ, розогъ и извозчицѣй брани, а высшихъ умиляютъ своею интеллигентностью и даже либерализмомъ.

Но, какъ бы то ни было, «Мертваго дома» уже нѣтъ. На Сахалинѣ среди интеллигенціи, управляющей и работающей въ канцеляріяхъ, мнѣ приходилось встрѣчать раз-

дѣтей, состава ссыльныхъ по роду преступленій. Начальникъ острова говорилъ мнѣ, что когда ему однажды понадобилось узнать, сколько ежегодно прибывало изъ Россіи арестантовъ на пароходахъ Добровольнаго флота, начиная съ 1879 г., то пришлось обращаться за свѣдѣніями въ главное тюремное управленіе, такъ какъ въ мѣстныхъ канцеляріяхъ нужныхъ цифръ не оказалось. «За 1886 г., несмотря на неоднократныя требованія, никакихъ вѣдомостей представляемо не было,—жалуется начальникъ округа въ одномъ изъ своихъ рапортовъ.—Я поставленъ въ еще болѣе невыгодныя условія вслѣдствіе невозможности возстановить точно требуемыя свѣдѣнія за отсутствіемъ какихъ-либо данныхъ, которыя въ предыдущіе годы собираемы вовсе не были. Такъ, напримѣръ, въ настоящее время чрезвычайно трудно привести въ извѣстность наличный составъ къ 1 января 1887 г. даже поселенцевъ и крестьянъ».

умныхъ, добрыхъ и благородныхъ людей, присутствіе которыхъ служить достаточной гарантіей, что возвращеніе прошлаго уже невозможно. Теперь уже не катаютъ каторжныхъ въ бочкахъ и нельзя засѣчь человѣка или довести его до самоубійства безъ того, чтобы это не возмутило здѣшняго общества и объ этомъ не заговорили бы по Амуру и по всей Сибири. Всякое мерзкое дѣло рано или поздно всплываетъ наружу, становится гласнымъ, доказательствомъ чему служитъ мрачное онорское дѣло, которое, какъ ни старались скрыть его, возбудило много толковъ и попало въ газеты, благодаря самой же сахалинской интеллигенціи. Хорошіе люди и хорошія дѣла уже не составляютъ рѣдкости. Недавно въ Рыковскомъ скончалась фельдшерица, служившая много лѣтъ на Сахалинѣ ради идеи— посвятить свою жизнь людямъ, которые страдаютъ. При мнѣ въ Корсаковскѣ однажды унесло каторжнаго въ море на сѣноплавкѣ; смотритель тюрьмы майоръ Ш. отправился въ море на катерѣ и, несмотря на бурю, подвергая свою жизнь опасности, плавалъ съ вечера до двухъ часовъ ночи, пока ему не удалось отыскать въ потемкахъ сѣноплавку и снять съ нея каторжнаго *).

*) Здѣшніе чиновники при исполненіи своихъ обязанностей часто подвергаются серьезнымъ опасностямъ. Начальникъ Тымовскаго округа г. Бутаковъ, когда ходилъ пѣшкомъ вдоль всего Пороная и обратно, заболѣлъ кровавымъ поносомъ и едва не погибъ. Начальникъ Корсаковскаго округа г. Бѣлый плылъ однажды на вельботѣ изъ Корсаковска въ Мауку; на пути захватила буря, пришлось уходить подальше отъ берега въ море. Носило по волнамъ и мотало чуть ли не двое сутокъ, и самъ г. Бѣлый, каторжный рулевой и солдатъ, случайно находившіеся на вельботѣ, рѣшили, что имъ пришелъ конецъ. Но ихъ выбросило на берегъ около Крильонскаго маяка. Когда г. Бѣлый, придя къ смотрителю маяка, поглядѣлъ на себя въ зеркало, то замѣтилъ на головѣ сѣдину, которой раньше не было; солдатъ уснулъ и его никакъ не могли разбудить въ продолженіе 40 часовъ.

Реформа 1884 г. показала, что чѣмъ многочисленнѣе въ ссыльной колоніи администрація, тѣмъ лучше. Сложность и разбросанность дѣла требуютъ сложнаго механизма, участія многихъ лицъ. Необходимо, чтобы маловажныя дѣла не отвлекали чиновниковъ отъ ихъ главныхъ обязанностей. Между тѣмъ, начальникъ острова, за неимѣніемъ секретаря или чиновника, который постоянно находился бы при немъ, большую часть дня бываетъ занятъ составленіемъ приказовъ и разныхъ бумагъ, и эта сложная, кропотливая канцелярщина отнимаетъ у него почти все время, необходимое для посѣщенія тюремъ и объѣзда селеній. Окружные начальники, помимо предсѣдательства въ полицейскихъ управленіяхъ, сами должны раздавать бабамъ кормовья, участвовать въ разнаго рода комиссіяхъ, осмотрахъ и т. п. На смотрителей тюремъ и ихъ помощниковъ возложена слѣдственная и полицейская часть. При такихъ условіяхъ сахалинскій чиновникъ долженъ или работать черезъ силу, какъ говорится, до ошалѣнія, или же, махнувъ рукой, взвалить громадную часть своей работы на писарей-каторжныхъ, какъ оно и бываетъ чаще всего. Въ мѣстныхъ канцеляріяхъ писаря-каторжные заняты не только перепиской, но и сами составляютъ важныя бумаги. Такъ какъ нерѣдко они бываютъ опытнѣе и энергичнѣе чиновниковъ, особенно новичковъ, то случается, что каторжный или поселенецъ несетъ на своихъ плечахъ всю канцелярію, всю отчетность и даже слѣдственную часть. Въ продолженіе многихъ лѣтъ писарь, по невѣжеству или недобросовѣстности, запутываетъ всѣ канцелярскіе концы, и такъ какъ онъ одинъ можетъ разобраться въ этой путаницѣ, то становится необходимымъ, незамѣнимымъ, и уже начальство, даже самое строгое, бываетъ не въ состояніи обходиться безъ его услугъ. Избавиться отъ такого всесильнаго писаря можно только однимъ способомъ: посадить на его мѣсто одного или двухъ настоящихъ чиновниковъ.

Гдѣ многочисленная интеллигенція, тамъ неизбежно существуетъ общественное мнѣніе, которое создаетъ нравственный контроль и предъявляетъ всякому этическія требованія, уклониться отъ которыхъ уже нельзя безнаказанно никому, даже майору Николаеву. Несомнѣнно также, что, съ развитіемъ общественной жизни, здѣшняя служба мало-по-малу теряетъ свои непривлекательныя особенности, и процентъ сумасшедшихъ, пьяницъ и самоубійцъ понижается *).

*) Теперь все-таки уже возможны такія развлечения, какъ любительскіе спектакли, пикники, вечеринки; въ былое же время трудно было составить даже партію въ преферансъ. И духовные интересы удовлетворяются съ большею легкостью. Выписываются журналы, газеты и книги, каждый день получаютъ телеграммы съвернаго агентства; во многихъ домахъ есть рояли. Здѣшніе поэты находятъ себѣ читателей и слушателей; одно время въ Александровскѣ издавался рукописный журналъ *Бутончикъ*, который, впрочемъ, прекратился на 7 №. Старшіе чиновники живутъ въ хорошихъ казенныхъ квартирахъ, просторныхъ и теплыхъ, держатъ поваровъ и лошадей, а тѣ, что чиномъ ниже, нанимаютъ квартиры у поселенцевъ, занимая цѣлые дома или отдѣльныя комнаты съ мебелью и всею обстановкой. Молодой чиновникъ, поэтъ, о которомъ я упоминалъ вначалѣ, снималъ комнату со множествомъ образовъ, парадною кроватью съ пологомъ и даже съ ковромъ на стѣнѣ, на которомъ изображенъ всадникъ, стрѣляющій въ тигра.

Начальникъ острова получаетъ 7.000 руб., завѣдующій медицинскою частью—4.000 р., инспекторъ сельскаго хозяйства—3.500 р., архитекторъ—3.100 р., окружные начальники—по 3.500 р. Черезъ каждые 3 года чиновникъ получаетъ полугодовой отпускъ съ сохраненіемъ содержанія. Черезъ 5 лѣтъ прибавка въ размѣръ 25% жалованья. Черезъ 10 лѣтъ—пенсія. 2 года считается за 3. Прогонны тоже не маленькіе. Помощникъ смотрителя тюрьмы, не имѣющій чина, получаетъ прогоновъ отъ Александровска до Петербурга 1.945 р. 68³/₄ к., т. е. сумму, которой было бы достаточно, чтобы совершить кругосвѣтное путешествіе съ полнымъ комфортомъ (Приказы №№ 302 и 305-й 1889 г.). Прогонны выдаются уходящимъ въ отставку, а также берущимъ отпускъ по истеченіи 5—10 лѣтъ со дня поступленія на службу; послѣдніе могутъ не увѣзжать, такъ что

XXI.

Правственность ссыльнаго населенія. — Преступность. — Слѣдствіе и судъ. — Наказанія. — Розги и плети. — Смертная казнь.

Одни ссыльные несутъ наказаніе мужественно, охотно сознаются въ своей винѣ и, когда ихъ спрашиваешь, за что они присланы на Сахалинъ, то обыкновенно отвѣчаютъ такъ: «За хорошія дѣла сюда не присылаютъ». Другіе же поражаютъ своимъ малодушіемъ и унылымъ видомъ, ропщутъ, плачутъ, приходятъ въ отчаяніе и клянутся, что они не виновны. Одинъ считаетъ наказаніе благомъ, такъ какъ, по его словамъ, онъ только на каторгѣ узналъ Бога, другой же старается убѣжать при первой возможности и, когда его ловятъ, отмахивается дубиной. Вмѣстѣ съ законорѣшными, неисправимыми злодѣями и извергами живутъ

прогоны играютъ роль пособія или награды. Священникамъ выдаются прогоны на всѣхъ членовъ ихъ семей. Чиновникъ, уходящій въ отставку, требуетъ себѣ прогоновъ обыкновенно до Петропавловска по зимнему времени—13 тысячъ верстъ, или до Холмогорскаго уѣзда—11 тысячъ верстъ; одновременно, подавая прошеніе объ отставкѣ, онъ посылаетъ въ главное тюремное управленіе телеграмму съ просьбой о бесплатномъ проѣздѣ со всею семьей до Одессы на пароходѣ Добровольнаго флота. Остается еще прибавить, что, пока чиновникъ служитъ на Сахалинѣ, дѣти его воспитываются на казенный счетъ.

И, все-таки, здѣшніе чиновники недовольны жизнью. Они раздражены, ссорятся между собою изъ-за пустяковъ и скучаютъ. У нихъ и членовъ ихъ семействъ замѣчается предрасположеніе къ чахоткѣ, къ нервнымъ и психическимъ заболѣваніямъ. При мнѣ въ Александровскѣ одинъ молодой чиновникъ, добрейшій человекъ, ходилъ все время, даже днемъ, съ громаднымъ револьверомъ. На мой вопросъ, зачѣмъ онъ таскаетъ въ карманѣ это громоздкое оружіе, онъ отвѣтилъ серьезно:

— А меня тутъ два чиновника собираются побить и уже разъ нападали.

— Что же вы можете сдѣлать револьверомъ?

— Очень просто, убью, какъ собаку, не поцеремонюсь.

подъ одною крышей случайные преступники, «несчастные», невинно-осужденные *). И потому ссыльное население, когда затрогивается вопросъ объ его нравственности вообще, производитъ чрезвычайно смѣшанное и спутанное впечатлѣніе, такъ что при существующихъ способахъ изслѣдованія едва ли возможны по этому вопросу какія-либо серьезныя обобщенія. О нравственности населенія судятъ обыкновенно по цифрамъ, опредѣляющимъ преступность, но въ отношеніи къ ссыльной колоніи даже этотъ обычный и простой способъ оказывается непригоднымъ. У ссыльнаго населенія, живущаго при ненормальной, исключительной обстановкѣ, своя особая, условная преступность, свой *устагъ*, и преступления, которыя мы считаемъ легкими, здѣсь относятся къ тяжелымъ, и, наоборотъ, большое число уголовныхъ преступленій совсѣмъ не регистрируется, такъ какъ они считаются въ тюремной сферѣ явленіями обычными, почти необходимыми **).

*) Г. Каморскій, тюремный инспекторъ при здѣшнемъ генералъ-губернаторѣ, сказалъ мнѣ: «Если, въ концѣ-концовъ, изъ 100 каторжныхъ выходитъ 15—20 порядочныхъ, то этимъ мы обязаны не столько исправительнымъ мѣрамъ, которыя мы употребляемъ, сколько нашимъ русскимъ судамъ, присылающимъ на каторгу такъ много хорошаго, надежнаго элемента».

**) Естественное и непобѣдимое стремленіе къ высшему благу—свободѣ, здѣсь разсматривается, какъ преступная наклонность, и побѣгъ наказывается каторжными работами и плетями, какъ тяжкое уголовное преступленіе; поселенецъ, изъ самыхъ чистыхъ побужденій, Христа ради, пріютившій на ночь бѣгло, наказывается за это каторжными работами. Если поселенецъ лѣнится, или ведетъ нетрезвую жизнь, то начальникъ острова можетъ сослать его въ рудникъ на одинъ годъ. На Сахалинѣ и долги считаются уголовнымъ преступленіемъ. Въ наказаніе за долги поселенцевъ не перечисляютъ въ крестьяне. Постановленіе полиціи объ отдачѣ въ работы поселенца, за лѣность и нерадѣніе къ устройству своего домообзаводства и за умышенное уклоненіе отъ платежа состоящаго за нимъ въ казну долга, срокомъ на одинъ годъ, начальникъ острова утверждаетъ съ

У ссыльныхъ наблюдаются пороки и извращения, свойственныя по преимуществу людямъ подневольнымъ, поработеннымъ, голоднымъ и находящимся въ постоянномъ страхѣ. Лживость, лукавство, трусость, малодушіе, наущничество, кражи, всякаго рода тайные пороки—вотъ арсеналь, который выставляетъ приниженное населеніе, или, по крайней мѣрѣ, громадная часть его, противъ начальниковъ и надзирателей, которыхъ оно не уважаетъ, боится и считаетъ своими врагами. Чтобы избавиться отъ тяжелой работы или тѣлеснаго наказанія и добыть себѣ кусокъ хлѣба, шепотку чаю, соли, табаку, ссыльный прибѣгаетъ къ обману, такъ какъ опытъ показалъ ему, что въ борьбѣ за существованіе обманъ — самое вѣрное и надежное средство. Кражи здѣсь обычны и похожи на промыселъ. Арестанты набрасываются на все, что плохо лежитъ, съ упорствомъ и жадностью голодной саранчи, и при этомъ отдаютъ преимущество съѣстному и одеждѣ. Воруютъ они въ тюрьмѣ, другъ у друга, у поселенцевъ, на работахъ, во время нагрузки пароходовъ, и при этомъ по виртуозной ловкости, съ какою совершаются кражи, можно судить, какъ часто приходится упражняться здѣшнимъ ворами. Однажды въ Дуэ украли съ парохода живого барана и кадку съ квашней; баржа еще не отходила отъ парохода, но покражи найти не могли. Въ другой разъ обокрали командира, отвинтили иллюминаторы и компасъ; въ третій разъ забра-

тѣмъ, чтобы этотъ поселенецъ былъ отданъ предварительно для работковъ на пополненіе долга въ работу въ общество «Сахалинъ» (приказъ № 45-й 1890 г.). Короче, ссыльному часто полагаются важныя работы и плети за проступки, которые при обыкновенныхъ условіяхъ повлекли бы выговоръ, арестъ, или тюремное заключеніе. Съ другой же стороны, кражи, совершаемыя такъ часто въ тюрьмахъ и селеніяхъ, рѣдко даютъ поводъ къ судебному разбирательству, и, если судить по официальнымъ цифрамъ, то можно придти къ совершенно ложному выводу, что ссыльные относятся къ чужой собственности даже съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ свободные.

лись въ каюты иностраннаго парохода и утащили столовое серебро. Во время выгрузки пропадают цѣлые тюки и бочки *).

Ссылный развлекается тайно, воровскимъ образомъ. Чтобы добыть стаканъ водки, который при обыкновенныхъ условіяхъ обходится только въ пятакъ, онъ долженъ тайно обратиться къ контрабандисту и отдать ему, если нѣтъ денегъ, свой хлѣбъ или что-нибудь изъ одежды. Единственное духовное наслажденіе — игра въ карты — возможно только ночью, при свѣтѣ огарковъ, или въ тайгѣ. Всякое же тайное наслажденіе, часто повторяемое, обращается мало-помалу въ страсть; при слишкомъ большой подражательности ссыльныхъ, одинъ арестантъ заражаетъ другого, и, въ концѣ-концовъ, такіе, казалось бы, пустяки, какъ контрабандная водка и игра въ карты, ведутъ къ невѣроятнымъ беспорядкамъ. Какъ я говорилъ уже, кулаки изъ ссыльныхъ на тайной торговлѣ спиртомъ и водкой наживаются состоянія; это значитъ, что рядомъ съ ссыльнымъ, имѣющимъ 30—50 тысячъ, надо искать людей, которые систематически растрачиваютъ свою пищу и одежду. Картежная игра, какъ эпидемическая болѣзнь, овладѣла уже всѣми тюрьмами; тюрьмы представляютъ собою большіе игорные дома, а селенія и посты—ихъ филиальныя отдѣленія. Дѣло поставлено очень широко, и говорятъ даже, что здѣшніе картежники-организаторы, у которыхъ при случайныхъ обыскахъ находятъ сотни и тысячи рублей, ведутъ правильныя дѣловыя сношенія съ сибирскими тюрьмами, на-

*) Мѣшки съ мукой каторжные бросаютъ въ воду и достаютъ ихъ потомъ со дна, вѣроятно, ночью. Помощникъ командира на одномъ пароходѣ говорилъ мнѣ: «Не успѣешь оглянуться, какъ уже разокрали цѣлое мѣсто. Напримѣръ, когда разгружаютъ бочки съ соленою рыбой, то каждый старается набить себѣ рыбой карманы, рубаху, штаны... И влетаетъ же имъ за это! Возьмешь рыбину за хвостъ—и по мордѣ, и по мордѣ...»

примѣръ съ иркутской, гдѣ, какъ выражаются каторжные, идетъ «настоящая» игра. Въ Александровскѣ уже нѣсколько игорныхъ домовъ; въ одномъ изъ нихъ, на 2-й Кирпичной улицѣ, произошелъ даже скандалъ, характерный для притоновъ подобнаго рода: застрѣлился проигравшійся надзиратель. Игра въ штоссъ туманитъ головы, какъ дурманъ, и каторжный, проигрывая пищу и одежду, не чувствуетъ голода и холода и, когда его сбьютъ, не чувствуетъ боли, и, какъ это ни странно, даже во время такой работы, какъ нагрузка, когда баржа съ углемъ стучитъ бортомъ о парходъ, плещутъ волны, и люди зеленѣютъ отъ морской болѣзни, въ баржѣ происходитъ игра въ карты и дѣловой разговоръ мѣшается съ картежнымъ: «Отваливай! Два съ боку! Есть!»

А подневольное состояніе женщины, ея бѣдность и униженіе служатъ развитію проституціи. Когда я спросилъ въ Александровскѣ, есть ли здѣсь проститутки, то мнѣ отвѣтили: «Сколько угодно!» *). Въ виду громаднаго спроса, занятію проституціей не препятствуютъ ни старость, ни безобразіе, ни даже сифилисъ въ третичной формѣ. Не препятствуетъ и ранняя молодость. Мнѣ приходилось встрѣчать на улицѣ въ Александровскѣ дѣвушку 16-ти лѣтъ, которая, по рассказамъ, стала заниматься проституціей съ 9 лѣтъ. У дѣвушки этой есть мать, но семейная обстановка на Сахалинѣ далеко не всегда спасаетъ дѣвушекъ отъ гибели. Рассказываютъ про цыгана, который продаетъ своихъ дочерей и при этомъ самъ торгуется. Одна женщина свободнаго состоянія въ Александровской слободкѣ держитъ «заведеніе», въ которомъ оперируютъ только однѣ ея родныя дочери. Въ Александровскѣ вообще развратъ носить городской характеръ. Есть даже «семейныя бани»,

*) Полицейское управленіе, впрочемъ, дало мнѣ списокъ, въ которомъ было только 30 проституттокъ, свидѣтельствуемыхъ ежедневно врачомъ.

содержимыя жидомъ, и уже называютъ людей, которые промышляютъ сводничествомъ.

Рецидивисты, т.-е. вновь осужденные окружнымъ судомъ, къ 1 января 1890 г., по даннымъ казенныхъ вѣдомостей, среди каторжныхъ, составляли 8%. Были въ числѣ рецидивистовъ осужденные въ 3-й, 4, 5 и даже 6-й разъ, и такихъ, которые, благодаря рецидивамъ, тянули каторжную лямку уже 20—50 лѣтъ, было 175 человѣкъ, т.-е. 3% всего числа. Но все это, такъ сказать, дутые рецидивы, такъ какъ въ числѣ рецидивистовъ показаны, главнымъ образомъ, осужденные за побѣги. Да и относительно бѣглыхъ эти цифры невѣрны, такъ какъ возвращенныхъ съ бѣговъ не всегда отдають подъ судъ, а чаще всего управляются съ ними домашнимъ порядкомъ. Въ какой мѣрѣ ссыльное населеніе преступно, или, иначе говоря, склонно къ рецидиву, пока неизвѣстно. Правда, здѣсь судять за преступленія, но многія дѣла прекращаются за ненахожденіемъ виновныхъ, многія возвращаются для дополненія или разъясненія подсудности, или останавливаются въ производствѣ, за неполученіемъ необходимыхъ справокъ изъ разныхъ сибирскихъ присутственныхъ мѣстъ, и, въ концѣ-концовъ, послѣ долгой волокиты поступаютъ въ архивъ за смертью обвиняемаго, или за невозвращеніемъ его изъ бѣговъ, а, главное, едва ли можно положиться на данныя слѣдствія, которое ведутъ молодые люди, нигдѣ не получившіе образованія, и хабаровскаго окружного суда, который судить сахалинцевъ заочно, по однимъ только бумагамъ.

Въ теченіе 1889 г. подъ слѣдствіемъ и судомъ состояло 243 каторжныхъ, т.-е. 1 подсудимый приходился на 25 каторжныхъ. Поселенцевъ подъ судомъ и слѣдствіемъ было 69, т.-е. 1 на 55, крестьянъ же подсудимыхъ только 4, одинъ на 115. Изъ этихъ отношеній видно, что съ облегченіемъ участи, съ переходомъ ссыльнаго въ болѣе свобод-

ное состояніе, шансы его попасть подъ судъ всякій разъ уменьшаются вдвое. Всѣ эти цифры означаютъ находженіе подъ судомъ и слѣдствіемъ, а не преступность за 1889 г., такъ какъ въ числѣ дѣлъ за этотъ годъ показаны также дѣла, начатыя много лѣтъ назадъ и еще не оконченныя. Эти цифры могутъ дать читателю понятіе о томъ, какое громадное число людей на Сахалинѣ томится ежегодно подъ судомъ и слѣдствіемъ, благодаря тому, что дѣла тянутся по многу лѣтъ, и читатель можетъ себѣ представить, какъ губительно долженъ этотъ порядокъ отзываться на экономическомъ состояніи населенія и его психикѣ *).

*) Подъ судомъ и слѣдствіемъ за побѣгъ въ 1889 г. находились 171 каторжный. Дѣло о побѣгѣ нѣкоего Колосовскаго начато въ іюль 1887 г. и остановилось вслѣдствіе неявки къ допросу свидѣтелей. Дѣла о побѣгѣ со взломомъ тюрьмы начаты въ сентябрь 1883 г. и предложены г. прокуроромъ на рѣшеніе приморскаго окружнаго суда въ іюль 1889 г. Дѣло Лѣсникова начато въ мартъ 1885 г. и кончено въ февраль 1889 г. и т. д. Наибольшее число дѣлъ въ 1889 г. дали побѣги—70%, затѣмъ убійства и вообще прикосновенность къ убійству—14%. Если бы можно было не считать побѣговъ, то половина всѣхъ дѣлъ относилась бы къ убійствамъ. Убійство—одно изъ самыхъ частыхъ преступленій на Сахалинѣ, вѣроятно, потому, что половину ссыльныхъ составляютъ осужденные за убійство. Здѣшніе убійцы совершаютъ убійства съ необыкновенною легкостью. Когда я былъ въ Рыковскомъ, тамъ на казенныхъ огородахъ одинъ каторжный хватилъ другого по шеѣ ножомъ для того, какъ объяснилъ онъ, чтобы не работать, такъ какъ подслѣдственные сидятъ въ карцерахъ и ничего не дѣлаютъ. Въ Голомъ Мысу молодой столляръ Плаксинъ убилъ своего друга изъ-за нѣсколькихъ серебряныхъ монетъ. Въ 1885 г. бѣглые каторжные напали на айское селеніе и, повидимому, только ради сильныхъ ощущеній занялись истязаніемъ мужчинъ и женщинъ, послѣднихъ изнасиловали,—и въ заключеніе повѣсили дѣтей на перекладинахъ. Большинство убійствъ поражаютъ своимъ безмысліемъ и жестокостью. Дѣла объ убійствахъ тянутся страшно долго. Такъ, одно дѣло было начато въ сентябрь 1881 г., а кончено лишь въ апрѣль 1888 г.; другое дѣло начато въ апрѣль 1882 г., а кончено въ августъ 1889 г. Не кончено даже еще только-

Слѣдствіе поручается обыкновенно помощнику смотрителя тюрьмы или секретарю полицейскаго управленія. По словамъ начальника острова, «слѣдственные дѣла начинаются безъ достаточныхъ поводовъ, ведутся вяло и немѣло, а прикосновенные арестанты содержатся безъ вся-

что рассказанное мною дѣло объ убійствѣ айскихъ семействъ: «Дѣло объ убійствѣ айновъ рѣшено военно-полевымъ судомъ, и 11 человекъ обвиняемыхъ съильно-каторжныхъ казнены смертною казною, о рѣшеніи же военно-полевого суда по отношенію къ остальнымъ пяти подсудимымъ полицейскому управленію неизвѣстно. Сдѣланы представленія г. начальнику о. Сахалина рапортами отъ 13 іюня и 23 октября 1889 г.». Особенно долго тянутся дѣла о «перемѣнѣ имени и фамиліи». Такъ, одно дѣло началось въ мартѣ 1880 г. и продолжается до сихъ поръ, такъ какъ еще не получены изъ якутскаго губернскаго правленія справки; другое дѣло начато въ 1881 г., третье въ 1882 г. Подъ судомъ и слѣдствіемъ «за поддѣлку и сбытъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ»—8 каторжныхъ. Говорятъ, что фальшивыя бумажки фабрикуются на самомъ Сахалинѣ. Арестанты, разгружая иностранные пароходы, покупаютъ здѣсь у буфетчиковъ табакъ и водку и платятъ обыкновенно фальшивыми бумажками. Тотъ еврей, у котораго украли на Сахалинѣ 56 тысячъ, былъ присланъ за фальшивыя бумажки; онъ уже отбылъ сроки и гуляетъ по Александровску въ шляпѣ, пальто и съ золотою цѣпочкой; съ чиновниками и надзирателями онъ всегда говоритъ вполголоса, полупрошепотоу, и, благодаря, между прочимъ, доносу этого гнуснаго человека, былъ арестованъ и закованъ въ кандалы многосемейный крестьянинъ, тоже еврей, который былъ осужденъ когда-то военнымъ судомъ «за бунтъ» въ безсрочную каторгу, но на пути черезъ Сибирь въ его статейномъ спискѣ посредствомъ подлога срокъ наказанія былъ сокращенъ до 4 лѣтъ. Въ *Вѣдомости о состоявшихся подъ слѣдствіемъ и судомъ въ теченіи минушаго 1889 г.*, между прочимъ, названы дѣла «о кражѣ изъ цейхгауза корсаковской мѣстной команды»; обвиняемый находится подъ судомъ съ 1884 г., но «свѣдѣній о времени начатія и окончанія слѣдственнаго дѣла въ дѣлахъ бывшаго начальника Южно-Сахалинскаго округа не имѣется, когда дѣло окончено производствомъ—неизвѣстно»; и дѣло это, по предписанію начальника острова, въ 1889 г. передано въ окружной судъ. И по смыслу выходитъ такъ, будто виновнаго будутъ судить во второй разъ.

кихъ основаній». Подозрѣваемаго или обвиняемаго берутъ подъ стражу и сажаютъ въ карцеръ. Когда въ Голомъ Мысу былъ убитъ поселенецъ, то было заподозрѣно и взято подъ стражу четыре человѣка *); ихъ посадили въ темные, холодные карцеры. Черезъ нѣсколько дней тронхъ выпустили и оставили только одного; этого заковали въ кандалы и приказали выдавать ему горячую пищу только черезъ два дня въ третій; затѣмъ, по жалобѣ надзирателя, велѣно было дать ему 100 розогъ, и такъ держали его въ темнотѣ, впроголодь и подъ страхомъ, пока онъ не сознался. Въ это время въ тюрьмѣ содержалась также женщина свободного состоянія Гаранина, подозрѣваемая въ убійствѣ мужа; она тоже сидѣла въ темномъ карцерѣ и получала горячую пищу черезъ два дня въ третій. Когда одинъ чиновникъ допрашивалъ ее при мнѣ, то она заявила, что она давно уже больна и что ее не хотятъ почему-то показать доктору. Когда чиновникъ спросилъ у надзирателя, приставленнаго къ карцерамъ, почему до сихъ поръ не позаботились насчетъ доктора, то онъ отвѣтилъ буквально такъ:

— Я докладывалъ господину смотрителю, но они сказали: пусть издыхаетъ!

Это неумѣнье отличать предварительное заключеніе отъ тюремнаго (да еще въ темномъ карцерѣ каторжной тюрьмы!), неумѣнье отличать свободныхъ отъ каторжныхъ удивило меня тѣмъ болѣе, что здѣшній окружной начальникъ кончилъ курсъ по юридическому факультету, а смотритель тюрьмы служилъ когда-то въ петербургской полиціи.

Въ другой разъ я былъ въ карцерахъ уже съ начальникомъ округа, рано утромъ. Когда выпустили изъ карцеровъ четырехъ ссыльныхъ, подозрѣваемыхъ въ убійствѣ, то они

*) По Уставу о ссыльныхъ, для взятія ссыльнаго подъ стражу начальство не стѣсняется правилами, изложенными въ законахъ судопроизводства; ссыльный можетъ быть задержанъ во всякомъ случаѣ, коль скоро есть на него подозрѣніе (ст. 484).

дрожали отъ холода. Гаранина была въ чулкахъ безъ башмаковъ, тоже дрожала и шурилась отъ свѣта. Начальникъ округа приказалъ перевести ее въ свѣтлое помѣщеніе. Между прочимъ, на этотъ разъ и тутъ замѣтилъ грузина, который бродилъ, какъ тѣнь, около входовъ въ карцеры; онъ уже пять мѣсяцевъ сидитъ здѣсь, въ темныхъ сѣняхъ, какъ подозрѣваемый въ отравленіи, и ждетъ разслѣдованія, которое до сихъ поръ еще не началось.

Товарищъ прокурора на Сахалинѣ не живетъ и за ходомъ слѣдствія наблюдать некому. Направленіе и быстрота слѣдствія поставлены въ полную зависимость отъ разныхъ случайностей, не имѣющихъ никакого отношенія къ самому дѣлу. Въ одной вѣдомости я прочелъ, что убійство нѣкоей Яковлевой совершено «съ цѣлью грабежа съ предварительнымъ покушеніемъ на изнасилованіе, на что указываетъ сдвинутая на кровати постель и свѣжія царапины и отпечатки гвоздей отъ каблуковъ на задней стѣнѣ кровати». Такое соображеніе предрѣшаетъ судьбу всего дѣла, вскрытіе же въ подобныхъ случаяхъ не считается необходимымъ. Въ 1888 г. одинъ бѣгло-каторжный убилъ рядового Хроматыхъ, и вскрытіе было произведено только въ 1889 г., по требованію прокурора, когда уже слѣдствіе было окончено и дѣло препровождено въ судъ *).

*) Въ прежнее время, случалось, дѣла таинственно исчезали или прекращались вдругъ «по загадочной причинѣ» (см. *Владивостокъ*, 1885 г., № 43). Между прочимъ, разъ даже украли дѣло, рѣшенное полевымъ судомъ. Г. Власовъ, въ своемъ отчетѣ упоминаетъ о безсрочно-каторжномъ Айзикѣ Шапирѣ. Этотъ еврей жилъ въ Дуэ и торговалъ здѣсь водкой. Въ 1870 г. онъ обвинялся въ растлѣніи 5-лѣтней дѣвочки, но дѣло, несмотря на существованіе подличнаго и уликъ, было затушено. Слѣдствіе по этому дѣлу производилъ офицеръ полевой команды, который заложилъ тому же Шапирѣ ружье и состоялъ у него въ денежной зависимости; когда дѣло было отобрано отъ офицера, то не оказалось документовъ, изобличившихъ

Ст. 469 *Устава* даетъ право мѣстному начальству безъ формальнаго полицейскаго изслѣдованія опредѣлять и приводить въ исполненіе наказанія за такія преступленія и проступки ссыльныхъ, за которые по общимъ уголовнымъ законамъ полагаются наказанія, не превосходящія лишенія всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ съ заключеніемъ въ тюрьмѣ. Вообще же, маловажныя дѣла на Сахалинѣ вѣдаетъ формальная полицейская расправа, которая принадлежитъ здѣсь полицейскимъ управленіямъ. Несмотря на такую широкую компетенцію этого мѣстнаго суда, которому подсудны всѣ маловажныя дѣла, а также множество дѣлъ, которыя считаются маловажными только условно, населеніе здѣшнее не знаетъ правосудія и живетъ безъ суда. Гдѣ чиновникъ имѣетъ право по закону безъ суда и разслѣдованія наказывать розгами и посадить въ тюрьму, и даже послать въ рудникъ, тамъ существованіе суда имѣетъ лишь формальное значеніе *).

Наказанія за важныя преступленія опредѣляются приморскимъ окружнымъ судомъ, который рѣшаетъ дѣла по однимъ лишь бумагамъ, не допрашивая подсудимыхъ и свидѣтелей. Рѣшеніе окружного суда всякій разъ представляется на утвержденіе начальника острова, который, въ случаѣ несогласія съ приговоромъ, разрѣшаетъ дѣло своею

Шапиру. Последний пользовался въ Дуэ большимъ почетомъ. Когда однажды начальникъ поста спросилъ, гдѣ Шапира, то ему отвѣтили: «Они пошли чай пить».

*) Въ селеніи Андрее-Ивановскомъ въ дождливую ночь у С. украли свинью. Подозрѣніе пало на З., у котораго панталоны были опачканы въ свиной калъ. Сдѣлали у него обыскъ, но свиньи не нашли; тѣмъ не менѣе, все-таки сельское общество приговорило отобрать свинью, принадлежащую его квартирохозяину А., который могъ быть виновенъ въ укрывательствѣ. Начальникъ округа утвердилъ этотъ приговоръ, хотя находилъ его несправедливымъ. «Если мы не будемъ утверждать сельскіе приговоры,—сказалъ онъ мнѣ:—то Сахалинъ тогда совсѣмъ останется безъ суда».

властью, причѣмъ, о всякомъ измѣненіи приговора доносить правительствующему сенату. Въ случаѣ, если какое-нибудь преступленіе кажется администраціи изъ ряда вонъ выходящимъ, а наказаніе, слѣдующее за него по *Уставу о ссыльныхъ*, недостаточно высокимъ, то она ходатайствуетъ о преданіи виновнаго военно-полевому суду.

Наказанія, которыя полагаются каторжнымъ и поселенцамъ за преступленія, отличаются чрезмѣрною суровостью, и если нашъ *Уставъ о ссыльныхъ* находится въ полномъ несоотвѣтствіи съ духомъ времени и законовъ, то это прежде всего замѣтно въ той его части, которая трактуетъ о наказаніяхъ. Наказанія, унижающія преступника, ожесточающія его и способствующія огрубѣнію нравовъ и давно уже признанныя вредными для свободнаго населенія, оставлены для поселенцевъ и каторжныхъ, какъ будто ссыльное населеніе подвержено меньшей опасности огрубѣть, ожесточиться и окончательно потерять человѣческое достоинство. Розги, плети, прикованіе къ телѣжкѣ, — наказанія, позорящія личность преступника, причиняющія его тѣлу боль и мученія, — примѣняются здѣсь широко. Наказаніе плетями или розгами полагается за всякое преступленіе, будь то уголовное или маловажное; примѣняется ли оно, какъ дополнительное, въ соединеніи съ другими наказаніями или самостоятельно, оно все равно составляетъ необходимое содержаніе всякаго приговора.

Самое употребительное наказаніе — розги *). Какъ пока-

*) Тузы на спинѣ, бритые половины головы и оковы, служившіе въ прежнее время для предупрежденія побѣговъ и для удобнѣйшаго распознаванія ссыльныхъ, утратили свое прежнее значеніе и сохраняются теперь лишь какъ позорящія наказанія. Тузы, четырехугольный лоскутъ, до двухъ вершковъ во всѣ стороны, долженъ по *Уставу* быть отличнаго цвѣта отъ самой одежды; до послѣдняго времени онъ былъ желтымъ, но такъ какъ это цвѣтъ амурскихъ и забайкальскихъ казаковъ, то бар. Корфъ приказалъ дѣлать тузы изъ чернаго сукна. Но на Сахалинѣ тузы утратили всякое значеніе, такъ какъ къ нимъ

зано въ *Вѣдомости*, въ Александровскомъ округѣ въ теченіе 1889 г. было наказано административнымъ порядкомъ 282 каторжныхъ и поселенцевъ: тѣлесно, т.-е. розгами, 265 и иными мѣрами 17. Значитъ, изъ 100 случаевъ въ 94 администрація прибѣгаетъ къ розгамъ. На самомъ дѣлѣ, далеко не все число наказанныхъ тѣлесно попадаетъ въ вѣдомость: въ вѣдомости Тымовскаго округа показано за 1889 г. только 57 каторжныхъ, наказанныхъ розгами, а въ Корсаковскомъ только 3, между тѣмъ, какъ въ обоихъ округахъ сбѣгутъ каждый день по нѣскольکو человекъ, а въ Корсаковскомъ иногда по десятку. Поводомъ къ тому, чтобы дать человеку 30 или 100 розогъ, служить обыкновенно всякая провинность: неисполненіе дневнаго урока (например, если сапожникъ не сшилъ положенныхъ трехъ паръ

давно уже приглядѣлись и не замѣчаютъ ихъ. То же самое можно сказать и о бритыхъ головахъ. На Сахалинѣ бреютъ головы очень рѣдко, только возвращеннымъ съ бѣговъ, подслѣдственнымъ и прикованнымъ къ тачкамъ, а въ Корсаковскомъ округѣ вовсе не бреютъ. По *Уставу о содержащихся подъ стражей*, всѣхъ кандаловъ долженъ быть отъ пяти до пяти съ половиною фунтовъ. Изъ женщинъ при мнѣ была закована только одна Золотая Ручка, на которой были ручные кандалы. Для испытуемыхъ ношеніе оковъ обязательно, но *Уставъ* разрѣшаетъ снимать оковы, когда это необходимо для производства работъ, а такъ какъ почти на всякой работѣ кандалы служатъ помѣхой, то громадное большинство каторжныхъ освобождено отъ нихъ. Даже далеко не всѣ безсрочные закованы, хотя по *Уставу* должны содержаться въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ. Какъ ни легки кандалы, но все же они до извѣстной степени стѣсняють движеніе. Къ нимъ тоже привыкають, хотя далеко не всѣ. Мнѣ случалось видѣть арестантовъ, уже немолодыхъ, которые при постороннихъ прикрывали кандалы полами халатовъ; у меня есть фотографія, гдѣ изображена толпа дуйскихъ и воеводскихъ каторжныхъ на раскомандировкѣ, и большинство закованныхъ постаралось стать такъ, чтобы кандалы на фотографіи не вышли. Очевидно, какъ позорящее наказаніе, цѣли во многихъ случаяхъ достигаютъ цѣли, но то чувство униженія, которое онѣ вызываютъ въ преступникъ, едва ли имѣетъ что-нибудь общаго со стыдомъ.

готовъ, то его съкутъ), пьянство, грубость, непослушаніе... Если не исполнили урока 20—30 рабочихъ, то съкутъ всѣхъ 20—30. Одинъ чиновникъ говоритъ мнѣ:

— Арестанты, особенно кандалные, любятъ подавать всякія вздорныя прошенія. Когда я былъ назначенъ сюда и въ первый разъ обходилъ тюрьму, то мнѣ было подано до 50 прошеній; я принялъ, но объявилъ просителямъ, что тѣ изъ нихъ, прошенія которыхъ окажутся незаслуживающими вниманія, будутъ наказаны. Только два прошенія оказались уважительными, остальные же—чепухой. Я велѣлъ высѣчь 48 человекъ. Затѣмъ въ другой разъ 25, потомъ все меньше и меньше, и теперь уже просьбы мнѣ не подають. Я отучилъ ихъ.

На югѣ у одного каторжнаго по доносу другого сдѣлали обыскъ и нашли дневникъ, который былъ принятъ за черновыя корреспонденціи; ему дали 50 розогъ и 15 дней продержали въ темномъ карцерѣ на хлѣбѣ и на водѣ. Смотритель поселеній, съ вѣдома окружного начальника, подвергъ тѣлесному наказанію почти всю Лютогу. Вотъ какъ описываетъ это начальникъ острова: «Начальникъ Корсаковскаго округа доложилъ мнѣ, между прочимъ, о крайне серьезномъ случаѣ превышенія власти, которое позволилъ себѣ (ими рекъ) и которое состояло въ жестокомъ тѣлесномъ наказаніи нѣкоторыхъ поселенцевъ и въ мѣрѣ, далеко превышающей закономъ установленную норму. Случай этотъ, возмутительный самъ по себѣ, представляется мнѣ еще болѣе рѣзкимъ при разборѣ обстоятельствъ, вызвавшихъ это наказаніе праваго и виноватаго, не исключая даже беременной женщины, безъ всякаго разсмотрѣнія дѣла, состоявшаго въ простой и безрезультатной дракѣ между ссыльно-поселенцами» (приказъ № 258-й 1888 г.).

Чаще всего провинившемуся даютъ 30 или 100 розогъ. Это зависитъ не отъ вины, а отъ того, кто распорядился наказать его, начальникъ округа или смотритель тюрьмы:

первый имѣть право дать до 100, а второй до 30. Одинъ смотритель тюрьмы всегда аккуратно давалъ по 30, когда же ему пришлось однажды исполнять должность начальника округа, то свою обычную порцію онъ сразу повысилъ до 100, точно эти сто розогъ были необходимымъ признакомъ его новой власти; и онъ не измѣнялъ этому признаку до самаго прїѣзда начальника округа, а потомъ опять, такъ же добросовѣстно и сразу, съѣхалъ на 30. Наказаніе розгами отъ слишкомъ частаго употребленія въ высшей степени опошлилось на Сахалинѣ, такъ что уже не вызываетъ во многихъ ни отвращенія, ни страха, и говорятъ, что между арестантами уже немало такихъ, которые во время экзекуціи не чувствуютъ даже боли.

Плети примѣняются гораздо рѣже, только вслѣдствіе приговоровъ окружныхъ судовъ. Изъ отчета завѣдующаго медицинскою частью видно, что въ 1889 г. «для опредѣленія способности перенести тѣлесное наказаніе по приговорамъ судовъ» было освидѣтельствовано врачами 67 человекъ. Это наказаніе изъ всѣхъ употребляемыхъ на Сахалинѣ самое отвратительное по своей жестокости и обстановкѣ, и юристы Европейской Россіи, приговаривающіе бродягъ и рецидивистовъ къ плетямъ, давно бы отказались отъ этого наказанія, если бы оно исполнялось въ ихъ присутствіи. Отъ позорнаго, оскорбляющаго чувство зрѣлища они однако ограждены 478 ст. *Устава*, по которой приговоры русскихъ и сибирскихъ судовъ приводятся въ исполненіе на мѣстѣ ссылки.

Какъ наказываютъ плетями, я видѣлъ въ Дуэ. Бродяга Прохоровъ, онъ же Мыльниковъ, человекъ лѣтъ 35—40, бѣжалъ изъ Воеводской тюрьмы и, устроивши небольшой плотъ, поплылъ на немъ къ матеріку. На берегу однако замѣтили во-время и послали за нимъ въ догонку катеръ. Началось дѣло о побѣгѣ, заглянули въ статейный списокъ и вдругъ сдѣлали открытіе: этотъ Прохоровъ, онъ

же Мыльниковъ, въ прошломъ году за убійство казака и двухъ внучекъ былъ приговоренъ хабаровскимъ окружнымъ судомъ къ 90 плетямъ и прикованію къ тачкѣ, наказаніе же это, по недосмотру, еще не было приведено въ исполненіе. Если бы Прохоровъ не вздумалъ бѣжать, то, быть можетъ, такъ бы и не замѣтили ошибки и дѣло обошлось бы безъ плетей и тачки, теперь же экзекуція была неизбѣжна. Въ назначенный день, 13 августа, утромъ, смотритель тюрьмы, врачъ и я подходили несѣпша къ канцеляріи; Прохоровъ, о приводѣ котораго было сдѣлано распоряженіе еще наканунѣ, сидѣлъ на крыльцѣ съ надзирателями, не зная еще, что ожидаетъ его. Увидавъ насъ, онъ всталъ и, вѣроятно, понявъ, въ чемъ дѣло, такъ какъ сильно поблѣднѣлъ.

— Въ канцелярію!—приказать смотритель.

Вошли въ канцелярію. Ввели Прохорова. Докторъ, молодой нѣмецъ, приказалъ ему раздѣться и выслушалъ сердце для того, чтобъ опредѣлить, *сколько* ударовъ можетъ вынести этотъ арестантъ. Онъ рѣшаетъ этотъ вопросъ въ одну минуту и затѣмъ съ дѣловымъ видомъ садится писать актъ осмотра.

— Ахъ, бѣдный!—говоритъ онъ жалобнымъ тономъ съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, макая перо въ чернильницу.—Тебѣ, небось, тяжело въ гандалахъ! А ты попроси вотъ господина смотрителя, онъ велитъ снять.

Прохоровъ молчитъ; губы у него блѣдны и дрожатъ.

— Тебя вѣдь понапрасну,—не унимается докторъ.—Всѣ вы понапрасну. Въ Россіи такіе подозрительные люди! Ахъ, бѣдный, бѣдный!

Актъ готовъ; его приобщаютъ къ слѣдственному дѣлу о побѣгѣ. Затѣмъ наступаетъ молчаніе. Писарь пишетъ, докторъ и смотритель пишутъ... Прохоровъ еще не знаетъ на вѣрно, для чего его позвали сюда: только по одному по-

бѣгу или же по старому дѣлу и побѣгу вмѣстѣ? Неизвѣстность томить его.

— Что тебѣ снилось въ эту ночь?—спрашиваетъ, наконецъ, смотритель.

— Забылъ, ваше высокоблагородіе.

— Такъ вотъ слушай, — говоритъ смотритель, глядя въ статейный списокъ.—Такого-то числа и года хабаровскимъ окружнымъ судомъ за убійство казака ты приговоренъ къ девяноста плетямъ... Такъ вотъ сегодня ты долженъ ихъ принять.

И, похлопавъ арестанта ладонью по лбу, смотритель говоритъ наставительно:

— А все отчего? Оттого, что хочешь быть умнѣ себя, голова. Все бѣгаеи, думаете лучше будетъ, а выходитъ хуже.

Идемъ всѣ въ «помѣщеніе для надзирателей» — старое старое зданіе барачнаго типа. Военный фельдшеръ, стоящій у входа, проситъ умоляющимъ голосомъ, точно милостыни:

— Ваше высокоблагородіе, позвольте посмотрѣть, какъ наказываютъ!

Посреди надзирательской стоитъ покатая скамья съ отверстіями для привязыванія рукъ и ногъ. Палачъ Толстыхъ, высокій, плотный человекъ, имѣющій сложеніе силача-акробата, безъ сюртука, въ разстегнутой жилеткѣ *), киваетъ головой Прохорову; тотъ молча ложится. Толстыхъ неспѣша, тоже молча, спускаетъ ему штаны до колѣнъ и начинаетъ медленно привязывать къ скамѣ руки и ноги. Смотритель равнодушно поглядываетъ въ окно, докторъ прохаживается. Въ рукахъ у него какія-то капли.

— Можетъ, дать тебѣ стаканъ воды?—спрашиваетъ онъ.

— Ради Бога, ваше высокоблагородіе.

*) Онъ былъ присланъ на каторгу за то, что отрубилъ своей женѣ голову.

Наконецъ, Прохоровъ привязанъ. Палачъ беретъ плеть съ тремя ременными хвостами и неспѣша расправляетъ ее.

— Поддержись! — говоритъ онъ негромко и, не размахиваясь, а какъ бы только примѣриваясь, наноситъ первый ударъ.

— Ра-азъ! — говоритъ надзиратель дьячковскимъ голосомъ.

Въ первое мгновеніе Прохоровъ молчитъ и даже выраженіе лица у него не мѣняется, но вотъ по тѣлу пробѣгаетъ судорога отъ боли и раздается не крикъ, а визгъ.

— Два! — кричитъ надзиратель.

Палачъ стоитъ сбоку и бьетъ такъ, что плеть ложится поперекъ тѣла. Послѣ каждаго пяти ударовъ онъ медленно переходитъ на другую сторону и даетъ отдохнуть полминуты. У Прохорова волосы прилипли къ лбу, шея надулась; уже послѣ 5—10 ударовъ тѣло, покрытое рубцами еще отъ прежнихъ плетей, побагровѣло, посинѣло; кожа лопается на немъ отъ каждаго удара.

— Ваше высокоблагородіе! — слышится сквозь визгъ и плачь. — Ваше высокоблагородіе! Пощадите, ваше высокоблагородіе!

И потомъ послѣ 20—30 удара Прохоровъ причитываетъ, какъ пьяный или точно въ бреду:

— Я человѣкъ несчастный, я человѣкъ убитый... За что же это меня наказываютъ?

Вотъ уже какое-то странное вытягиваніе шеи, звуки рвоты... Прохоровъ не произноситъ ни одного слова, а только мычить и хрипить; кажется, что съ начала наказанія прошла цѣлая вѣчность, но надзиратель кричитъ только: «Сорокъ два! Сорокъ три!» До девяноста далеко. Я выхожу наружу. Кругомъ на улицѣ тихо, и раздирающіе звуки изъ надзирательской, мнѣ кажется, проносятся по всему Дуэ. Вотъ прошелъ мимо каторжный въ вольномъ платьѣ, мелькомъ взглянулъ на надзирательскую, и на лицѣ его и даже въ походкѣ выразился ужасъ. Вхожу опять въ надзира-

тельскую, потомъ опять выхожу, а надзиратель все еще считаетъ.

Наконецъ, девяносто. Прохорову быстро распутываютъ руки и ноги и помогаютъ ему подняться. Мѣсто, по которому били, сине-багрово отъ кровоподтековъ и кровоточить. Зубы стучать, лицо желтое, мокрое, глаза блуждаютъ. Когда ему даютъ капель, онъ судорожно кусаетъ стаканъ... Помочили ему голову и повели въ околотокъ.

— Это за убійство, а за побѣгъ еще будетъ особо,—поясняютъ мнѣ, когда мы возвращаемся домой.

— Люблю смотрѣть, какъ ихъ наказываютъ! — говоритъ радостно военный фельдшеръ, очень довольный, что насытился отвратительнымъ зрѣлищемъ. — Люблю! Это такіе негодяи, мерзавцы... вѣшать ихъ!

Отъ тѣлесныхъ наказаній грубѣютъ и ожесточаются не одни только арестанты, но и тѣ, которые наказываютъ и присутствуютъ при наказаніи. Исключенія не составляютъ даже образованные люди. По крайней мѣрѣ, я не замѣчалъ, чтобы чиновники съ университетскимъ образованіемъ относились къ экзекуціямъ иначе, чѣмъ военные фельдшера или кончившіе курсъ въ юнкерскихъ училищахъ и духовныхъ семинаріяхъ. Иные до такой степени привыкаютъ къ плетямъ и розгамъ и такъ грубѣютъ, что, въ концѣ-концовъ, даже начинаютъ находить удовольствіе въ драньѣ. Про одного зрителя тюрьмы рассказываютъ, что, когда при немъ сѣкли, онъ насвистывалъ; другой, старикъ, говорилъ арестанту съ злорадствомъ: «Что ты кричишь, Господь съ тобой? Ничего, ничего, поддержишь! Всыпь ему, высыпь! Жигани его!» Третій велѣлъ привязывать арестанта къ скамьѣ за шею, чтобы тотъ хрипѣлъ, давалъ 5—10 ударовъ и уходилъ куда-нибудь на часъ-другой, потомъ возвращался и давалъ остальные *).

*) Ядрищевъ рассказываетъ про нѣкоего Демидова, который, чтобы раскрыть всѣ подробности одного преступленія, пыталъ че-

Въ составъ военно-полевого суда входятъ мѣстные офицеры по назначенію начальника острова; военно-судное дѣло вмѣстѣ съ приговоромъ суда посылается на конфирмацію генераль-губернатору. Въ прежнее время приговоренные по два, по три года томились въ карцерахъ, ожидая конфирмаціи, теперь же судьба ихъ рѣшается по телеграфу. Обычный приговоръ военно-полевого суда — смертная казнь черезъ повѣшеніе. Генераль-губернаторъ иногда смягчаетъ

резь палача жену убійцы, которая была женщина свободная, пришедшая въ Сибирь съ мужемъ добровольно и, слѣдовательно, избавленная отъ тѣлеснаго наказанія; потомъ онъ пыталъ 11-ти-лѣтнюю дочь убійцы; дѣвочку держали на воздухѣ и палачъ съѣлъ ее розгой съ головы до пятъ; ребенку даже было дано нѣсколько ударовъ плетью, и когда она попросила пить, ей подали соленого омуля. Плетей дано было бы и больше, если бы самъ палачъ не отказался продолжать бить. «И между тѣмъ, — говоритъ Ядринцевъ, — жестокость Демидова есть естественное послѣдствіе того воспитанія, которое онъ долженъ былъ получить, долго управляя ссыльною массою» (*Положеніе ссыльныхъ въ Сибири. Вѣстникъ Европы* 1875 г., кн. XI и XII). Власовъ рассказываетъ въ своемъ отчетѣ про поручика Евфопова, слабость котораго, «съ одной стороны, привела къ тому, что казарма, въ которой жили каторжные, обратилась въ кабакъ съ карточной игрой и вертечь преступленій разнаго рода, а съ другой — порывистая его жестокость вызвала ожесточеніе со стороны каторжныхъ. Одинъ изъ преступниковъ, желая избавиться отъ неумѣреннаго количества розогъ, убилъ надзирателя передъ наказаніемъ».

Теперешній начальникъ острова ген. Кононовичъ всегда противъ тѣлесныхъ наказаній. Когда ему представляютъ на утвержденіе приговоры полицейскихъ управленій и хабаровскаго суда, то онъ обыкновенно пишетъ: «Утверждаю, кромѣ тѣлеснаго наказанія». Къ сожалѣнію, за недосугомъ, онъ очень рѣдко бываетъ въ тюрьмахъ и не знаетъ, какъ часто у него на островѣ, даже въ 200—300 шагахъ отъ его квартиры, сѣкутъ людей розгами, и о числѣ наказанныхъ судить только по вѣдомостямъ. Однажды, когда я сидѣлъ у него въ гостиной, онъ въ присутствіи нѣкоторыхъ чиновниковъ и одного пріѣзжаго горнаго инженера сказалъ мнѣ:

— У насъ, на Сахалинѣ, прибѣгаютъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ чрезвычайно рѣдко, почти никогда.

приговоръ, замѣняя казнь ста плетями, пригованіемъ къ тачкѣ и содержаніемъ въ рязрядѣ испытуемыхъ безъ срока. Если приговоренъ къ казни убійца, то приговоръ смягчается очень рѣдко. «Убійца я вѣшаю», — сказали мнѣ генерал-губернаторъ.

Наканунѣ казни, вечеромъ и ночью, приговореннаго напутствуетъ священникъ. Напутствіе заключается въ исповѣди и бесѣдѣ. Одинъ священникъ разсказывалъ мнѣ:

«— Въ началѣ моей дѣятельности, когда мнѣ еще было 25 лѣтъ, пришлось мнѣ однажды напутствовать въ Воеводской тюрьмѣ двухъ приговоренныхъ къ повѣшенію за убійство поселенца изъ-за рубля сорока копеекъ. Вошелъ я къ нимъ въ карцеръ и струсилъ съ непривычки; велѣлъ не затворять за собой дверей и не уходить часовому. А они мнѣ:

— Не бойтесь, батюшка, мы васъ не убьемъ. Садитесь.

Спрашиваю: гдѣ же сѣсть? Указываютъ на нары. Я сѣлъ на боченюгъ съ водой, потомъ, набравшись духу, сѣлъ на нары между обоими преступниками. Спросилъ, какой губерніи, то да сѣ, потомъ сталъ напутствовать. Только во время исповѣди гляжу—пронесать мимо окна столбы для висѣлицы и всякія эти принадлежности.

— Что это?—спрашиваютъ арестанты.

— Это, говорю имъ, должно быть, у зрителя строить что-нибудь.

— Нѣтъ, батюшка, это насъ вѣшать. Вотъ что, батюшка, нельзя ли намъ водочки выпить?

— Не знаю, говорю, пойду спрошу.

Я пошелъ къ полковнику Л. и сказалъ ему, что приговоренные хотятъ выпить. Полковникъ далъ мнѣ бутылку и, чтобы разговоръ не было, приказалъ разводящему увести часового. Я досталъ рюмку у караульнаго и пошелъ въ карцеръ къ арестантамъ. Налилъ рюмку.

— Нѣтъ, говорятъ, батюшка, выкушайте вы сначала, а то мы пить не станемъ.

Пришлось выпить рюмку. А закусить нечѣмъ.

— Ну, говорятъ, отъ водки мысли прояснились.

Послѣ этого продолжаю ихъ напутствовать. Говорю съ ними часть-другой. Вдругъ команда:

— Выводить!

Потомъ, когда ихъ повѣсили, я съ непривычки долго боялся въ темную комнату входить».

Страхъ смерти и обстановка казни дѣйствуютъ на приговоренныхъ угнетающимъ образомъ. На Сахалинѣ еще не было случая, чтобы преступникъ шелъ на казнь бодро. У каторжного Черношея, убійцы лавочника Никитина, когда передъ казнью вели его изъ Александровска въ Дуэ, сдѣлались спазмы мочевого пузыря, и онъ то и дѣло останавливался; его товарищъ по преступленію Кинжаловъ сталъ заговариваться. Передъ казнью надѣваютъ саванъ, читаютъ отходную. Когда казнили убійцу Никитина, то одинъ изъ нихъ не вынесъ отходной и упалъ въ обморокъ. Самому молодому изъ убійцъ, Пазухину, уже послѣ того, какъ на него былъ надѣтъ саванъ и прочли ему отходную, было объявлено, что онъ помилованъ; казнь ему была замѣнена другимъ наказаніемъ. Но сколько долженъ былъ пережить въ короткое время этотъ человѣкъ! Всю ночь разговоръ со священниками, торжественность исповѣди, подъ утро полстакана водки, команда «выводи», саванъ, отходная, потомъ радость по случаю помилованія и тотчасъ же послѣ казни товарищей сто плетей, послѣ пятого удара обморокъ и, въ концѣ-концовъ, прикованіе къ тачкѣ.

Въ Корсаковскомъ округѣ за убійство айно было приговорено къ смертной казни 11 человѣкъ. Всю ночь наканунѣ казни чиновники и офицеры не спали, ходили другъ къ другу, пили чай. Было общее томленіе и никто не на-

ходилъ себѣ мѣста. Двое изъ приговоренныхъ отравились борцомъ—большая неприятность для военной команды, на отвѣтственности которой находились приговоренные. Начальникъ округа слышалъ ночью суматоху, и ему было доложено, что двое отравились, но все же передъ самою казнью, когда всѣ собрались около висѣлицъ, долженъ былъ задать начальнику команды вопросъ:

— Приговорено было къ смертной казни одиннадцать, а тутъ я вижу только девять. Гдѣ же остальные два?

Начальникъ команды, вмѣсто того, чтобы отвѣтить ему такъ же официально, забормоталъ нервно:

— Ну, повѣсьте меня самого. Повѣсьте меня...

Было раннее октябрьское утро, сѣрое, холодное, темное. У приговоренныхъ отъ ужаса лица желтыя и шевелятся волосы на головѣ. Чиновникъ читаетъ приговоръ, дрожитъ отъ волненія и заикается отъ того, что плохо видитъ. Священникъ въ черной ризѣ даетъ всѣмъ девяти поцѣловать крестъ и шепчетъ, обращаясь къ начальнику округа:

— Ради Бога, отпустите, не могу...

Длинная процедура: нужно надѣть на каждого саванъ, подвести къ эшафоту. Когда, наконецъ, повѣсили девять человекъ, то получилась въ воздухѣ «цѣлая гирлянда», какъ выразился начальникъ округа, рассказывавшій мнѣ объ этой казни. Когда сняли казненныхъ, то доктора наши, что одинъ изъ нихъ еще живъ. Эта случайность имѣла особое значеніе: тюрьма, которой извѣстны тайны всѣхъ преступленій, совершаемыхъ ея членами, въ томъ числѣ палачъ и его помощники, знали, что этотъ живой не виноватъ въ томъ преступленіи, за которое его вѣшали.

— Повѣсили въ другой разъ,—заклучилъ свой рассказъ начальникъ округа,—потомъ я не могъ спать цѣлый мѣсяць.

XXXII.

Бѣгле на Сахалинѣ.—Причины побѣговъ.—Составъ бѣглыхъ по происхожденію, разрядамъ и проч.

Какъ на одно изъ главныхъ и особенно важныхъ преимуществъ Сахалина, извѣстный комитетъ 1868 г. указывалъ на его островное положеніе. На островѣ, отдѣляемомъ отъ материка бурнымъ моремъ, казалось, не трудно было создать большую морскую тюрьму по плану: «кругомъ вода, а въ середкѣ бѣда», и осуществить римскую ссылку на островъ, гдѣ о побѣгѣ можно было бы только мечтать. На дѣлѣ же, съ самаго начала сахалинской практики, островъ оказался какъ бы островомъ, *quasi insula*. Проливъ, отдѣляющій островъ отъ материка, въ зимніе мѣсяцы замерзаетъ совершенно, и та вода, которая лѣтомъ играетъ роль тюремной стѣны, зимою бываетъ ровна и гладка, какъ поле, и всякій желающій можетъ пройти его пѣшкомъ или переѣхать на собакахъ. Да и лѣтомъ проливъ ненадеженъ: въ самомъ узкомъ мѣстѣ, между мысами Погоби и Лазарева, онъ не шире шести-семи верстъ, а въ тихую, ясную погоду нетрудно переплыть на плохой гилляцкой лодкѣ и сто верстъ. Даже тамъ, гдѣ проливъ широкъ, сахалинцы видятъ материковый берегъ довольно ясно; туманная полоса земли съ красивыми горными пиками изо-дня въ день манитъ къ себѣ и искушаетъ ссыльнаго, обѣщая ему свободу и родину. Комитетъ, кромѣ этихъ физическихъ условій, не предвидѣлъ еще, или упустилъ изъ виду, побѣги не на материкъ, а внутрь острова, причиняющіе хлопотъ не меньше, чѣмъ побѣги на материкъ, и, такимъ образомъ, островное положеніе Сахалина далеко не оправдало надеждъ комитета.

Но оно все-таки остается преимуществомъ. Изъ Сахалина бѣжать нелегко. Бродяги, на которыхъ въ этомъ отношеніи можно положиться, какъ на специалистовъ, за-

являютъ откровенно, что бѣжать изъ Сахалина гораздо труднѣе, чѣмъ, напримѣръ, изъ Карійской или Нерчинской каторги. При совершенной распущенности и всякихъ послабленіяхъ, какія имѣли мѣсто при старой администраціи, сахалинскія тюрьмы, все-таки, оставались полными, и арестанты бѣжали не такъ часто, какъ, быть можетъ, хотѣли того смотрители тюремъ, для которыхъ побѣги составляли одну изъ самыхъ доходныхъ статей. Нынѣшніе чиновники сознаются, что если бы не страхъ передъ физическими препятствіями, то, при разбросанности каторжныхъ работъ и слабости надзора, на островѣ оставались бы только тѣ, кому нравится здѣсь жить, то-есть никто.

Но среди препятствій, удерживающихъ людей отъ побѣговъ, страшно главнымъ образомъ не море. Непроходимая сахалинская тайга, горы, постоянная сырость, туманы, безлюдье, медвѣди, голодь, мошка, а зимою страшные морозы и метели—вотъ истинные друзья надзора. Въ сахалинской тайгѣ, гдѣ на каждомъ шагу приходится преодолевать горы валежнаго лѣса, жесткій, путающійся въ ногахъ ботульникъ или бамбукъ, тонуть по поясъ въ болотахъ и ручьяхъ, отмахиваться отъ ужасной мошки,—даже вольные сытые ходоки дѣлаютъ не больше 8 верстъ въ сутки, человекъ же, истощенный тюрьмой, питающійся въ тайгѣ гнилушками съ солью и не знающій, гдѣ сѣверъ, а гдѣ югъ, не дѣлаетъ въ общемъ и 3—5 верстъ. Къ тому же, онъ вынужденъ идти не прямою дорогою, а далеко въ обходъ, чтобы не попасть на кордонъ. Проходить въ бѣгахъ недѣля-другая, рѣдко мѣсяць, и онъ, изнуренный голодомъ, носеами и лихорадкой, искусанный мошкой, съ избитыми, опухшими ногами, мокрый, грязный, оборванный, погибаетъ гдѣ-нибудь въ тайгѣ, или же черезъ силу плетется назадъ и просить у Бога, какъ величайшаго счастья, встрѣчи съ солдатомъ или гилякомъ, который доставилъ бы его въ тюрьму.

Причиной, побуждающею преступника искать спасенія въ бѣгахъ, а не въ трудѣ и не въ покаяніи, служить главнымъ образомъ не засыпающее въ немъ сознаніе жизни. Если онъ не философъ, которому вездѣ и при всѣхъ обстоятельствахъ живется одинаково хорошо, то не хотѣть бѣжать онъ не можетъ и не долженъ.

Прежде всего, ссыльнаго гонить изъ Сахалина его страстная любовь къ родинѣ. Послушать каторжныхъ, то какое счастье, какая радость жить у себя на родинѣ! О Сахалинѣ, о здѣшней землѣ, людяхъ, деревьяхъ, о климатѣ говорятъ съ презрительнымъ смѣхомъ, отвращеніемъ и досадой, а въ Россіи все прекрасно и упоительно; самая смѣлая мысль не можетъ допустить, чтобы въ Россіи могли быть несчастные люди, такъ какъ жить гдѣ-нибудь въ Тульской или Курской губерніи, видѣть каждый день избы, дышать русскимъ воздухомъ само-по-себѣ есть уже высшее счастье. Пошли, Боже, нужду, болѣзни, слѣпоту, нѣмоту и срамъ отъ людей, но только приведи помереть дома. Одна старушка, каторжная, бывшая нѣкоторое время моею прислугой, восторгалась моими чемоданами, книгами, одѣяломъ и потому только, что все это не сахалинское, а изъ нашей стороны; когда ко мнѣ приходили въ гости священники, она, не шла подъ благословеніе и смотрѣла на нихъ съ усмѣшкой, потому что на Сахалинѣ не могутъ быть настоящіе священники. Тоска по родинѣ выражается въ формѣ постоянныхъ воспоминаній, печальныхъ и трогательныхъ, сопровождаемыхъ жалобами и горькими слезами, или въ формѣ несбыточныхъ надеждъ, поражающихъ часто евоею нелѣпостью и похожихъ на сумасшествіе, или же въ формѣ ясно выраженнаго, несомнѣннаго умопомѣшательства *).

*) Въ нашемъ Владивостокѣ среди чиновниковъ и моряковъ нѣрѣдко наблюдается ностальгія; я самъ видѣлъ тамъ двухъ сумасшедшихъ чиновниковъ—юриста и капельмейстера. Если эти случаи не-

Гонить ссыльных из Сахалина также стремление къ свободѣ, присущее человѣку и составляющее, при нормальныхъ условіяхъ, одно изъ его благороднѣйшихъ свойствъ. Пока ссыльный молодъ и крѣпокъ, то старается убѣжать возможно подале, въ Сибирь или Россію. Обыкновенно его доводятъ, судятъ, отправляютъ назадъ на каторгу, но это не такъ страшно; въ медленномъ, плѣзетапномъ ходеніи по Сибири, въ частой перемѣнѣ тюремъ, товарищей и конвойныхъ и въ дорожныхъ приключеніяхъ есть своя особенная поэзія и, все-таки, больше похожего на свободу, чѣмъ въ Воеводской тюрьмѣ или на дорожныхъ работахъ. Ослабѣвши съ годами, потерявъ вѣру въ свои ноги, онъ бѣжитъ уже куда-нибудь поближе, на Амуръ или даже въ тайгу, или на гору, только бы подале отъ тюрьмы, чтобы не видѣть постылыхъ стѣнъ и людей, не слышать бряцанья оковъ и каторжныхъ разговоровъ. Въ Корсаковскомъ посту живетъ ссыльно-каторжный Алтуховъ, старикъ лѣтъ 60 или больше, который убѣгаетъ такимъ образомъ: беретъ кусокъ хлѣба, запираетъ свою избу и, отойдя отъ поста не больше какъ на полверсты, садится на гору и смотреть на тайгу, на море и на небо; посидѣвъ такъ дня три, онъ возвращается домой, беретъ провизію и опять идетъ на гору. Прежде его сѣкли, теперь же надъ этими его побѣгами только смѣются. Одни бѣгутъ въ расчетъ погулять на свободѣ мѣсяцъ, недѣлю, другимъ бываетъ достаточно и одного дня. Хоть день, да мой. Тоска по свободѣ овладѣваетъ нѣкоторыми субъектами періодически и въ этомъ отношеніи напоминаетъ запой или падучую; рассказываютъ, будто она является въ извѣстное время года или мѣсяца, такъ что благонадежные каторжные, чувствуя приближеніе припадка, всякій разъ предупреждаютъ о своемъ побѣгѣ начальство.

рѣдки въ средѣ свободныхъ и живущихъ при сравнительно здоровой обстановкѣ людей, то на Сахалинѣ, понятно само собою, они должны быть очень часты.

Обыкновенно наказывают плетями или розгами всѣхъ бѣгуновъ безъ разбора, но ужъ одно то, что часто побѣги отъ начала до конца поражаютъ своею несообразностью, безсмыслицей, что часто благоразумные, скромные и семейные люди убѣгаютъ безъ одежды, безъ хлѣба, безъ дѣли, безъ плана, съ увѣренностью, что ихъ непременно поймаютъ, съ рискомъ потерять здоровье, довѣріе начальства, свою относительную свободу и иногда даже жалованье, съ рискомъ замерзнуть или быть застрѣленнымъ. — уже одна эта несообразность должна бы подсказывать сахалинскимъ врачамъ, отъ которыхъ зависитъ наказать или не наказать, что во многихъ случаяхъ они имѣютъ дѣло не съ преступленіемъ, а съ болѣзью.

Къ общимъ причинамъ побѣговъ слѣдуетъ отнести также пожизненность наказанія. У насъ, какъ извѣстно, каторжные работы сопряжены съ поселеніемъ въ Сибири навсегда; приговоренный къ каторгѣ удаляется изъ нормальной человѣческой среды безъ надежды когда-либо вернуться въ нее и, такимъ образомъ, какъ бы умираетъ для того общества, въ которомъ онъ родился и выросъ. Каторжные такъ и говорятъ про себя: «Мертвые съ погоста не возвращаются». Вотъ эта-то полная безнадежность ссыльнаго и его отчаяніе приводятъ его къ рѣшенію: уйти, перемѣнить судьбу, — хуже не будетъ! Если онъ бѣжитъ, то такъ про него и говорятъ: «Онъ пошелъ мѣнять судьбу». Если его ловятъ и возвращаютъ, то это называется такъ: не пофортунило, не пофортовало. При пожизненности ссылки, побѣги и бродяжество составляютъ неизбежное, необходимое зло и даже служатъ какъ бы предохранительнымъ клапаномъ. Если бы была какая-нибудь возможность отнять у ссыльнаго надежду на побѣгъ, какъ на единственный способъ измѣнить свою судьбу, вернуться съ погоста, то его отчаяніе, не находя выхода, быть можетъ, проявляло бы себя какъ-нибудь иначе и, конечно, въ болѣе жестокой и ужасной формѣ, чѣмъ побѣгъ.

Есть еще одна общая причина побѣговъ: это—вѣра въ легкость, безнаказанность и почти законность побѣговъ, хотя въ дѣйствительности они нележки, караются жестоко и считаются важнымъ уголовнымъ преступленіемъ. Эта странная вѣра воспитывалась въ людяхъ поколѣніями и начало ея теряется въ туманѣ того добраго стараго времени, когда бѣжать было въ самомъ дѣлѣ очень легко и побѣги даже поощрялись начальствомъ. Начальникъ завода или смотритель тюрьмы почиталъ для себя за наказаніе свыше, если его арестанты почему-либо не бѣгали, и радовался, когда они уходили отъ него цѣлыми толпами. Если передъ первымъ октября,—временемъ, когда выдается зимняя одежда,—убѣгало 30—40 человекъ, то это значило обыкновенно, что 30—40 полушубковъ поступало въ пользу зрителя. По словамъ Ядринцева, начальникъ завода, при приѣмѣ каждой новой партіи, обыкновенно выкрикивалъ: «Кто хочетъ оставаться, получай одежду, а кто въ бѣга, тому незначѣмь!». Начальство своимъ авторитетомъ какъ бы узаконивало побѣги, въ его духѣ воспитывалось все сибирское населеніе, которое и до сихъ поръ побѣгъ не считаетъ грѣхомъ. Сами ссыльные рассказываютъ о своихъ побѣгахъ не иначе, какъ со смѣхомъ или съ сожалѣніемъ, что побѣгъ не удался, и ждать отъ нихъ раскаянія или угрызений совѣсти было бы напрасно. Изъ всѣхъ бѣгавшихъ, съ которыми мнѣ приходилось говорить, только одинъ больной старикъ, прикованный къ тачкѣ за многократные побѣги, съ горечью упрекнулъ себя за то, что бѣгалъ, но при этомъ называлъ свои побѣги не преступленіемъ, а глупостью: «Когда помоложе былъ, дѣлалъ глупости, а теперь страдать долженъ».

Частныя причины побѣговъ многочисленны. Укажу на недовольство тюремными порядками, на дурную пищу въ тюрьмѣ, жестокость кого-либо изъ начальниковъ, лѣность, неспособность къ труду, болѣзни, слабость воли, склонность къ подражанію, любовь къ приключеніямъ... Случалось, что

каторжные цѣлыми партіями убѣгали для того только, чтобы «погулять» по острову, и гулянья сопровождались убійствами и всякими мерзостями, наводившими панику и озлоблявшими населеніе до крайности. Расскажу про побѣгъ ради мести. Рядовой Бѣловъ ранилъ при поимкѣ бѣгло-каторжнаго Клименко и конвоировалъ его въ Александровскую тюрьму. Клименко, выздоровѣвши, опять бѣжалъ, и на этотъ разъ съ единственною цѣлю—отомстить Бѣлову. Онъ пошелъ прямо на кордонъ и тамъ его задержали. «Веди опять своего крестника,—сказали Бѣлову товарищи,—твое счастье». Тотъ повелъ. Дорогою конвоиръ и арестантъ разговорились. Осень, вѣтеръ, холодно... Остановились покурить. Когда солдатъ поднялъ воротникъ, чтобы закурить трубку, Клименко выхватилъ у него ружье и убилъ его наповаль, потому, какъ ни въ чемъ не бывало, вернулся въ Александровскій постъ, гдѣ былъ задержанъ и вскорѣ повѣшенъ.

А вотъ и любовь. Ссылно-каторжный Артемъ,—фамиліи его не помню,—молодой человекъ лѣтъ 20, служилъ въ Найбучи сторожемъ при казенномъ домѣ. Онъ былъ влюбленъ въ аинку, жившую въ одной изъ юртъ на рѣкѣ Найбѣ, и, говорятъ, пользовался взаимностью. Его заподозрили какъ-то въ кражѣ и въ наказаніе перевели въ Корсаковскую тюрьму, т.-е. за 90 верстъ отъ аинки. Тогда онъ сталъ бѣгать изъ поста въ Найбучи для свиданія съ возлюбленной и бѣгалъ до тѣхъ поръ, пока его не подстрѣлили въ ногу.

Побѣги бываютъ также и предметомъ аферы. Вотъ одинъ изъ видовъ аферы, соединяющій въ себѣ жадность къ деньгамъ съ самымъ гнуснымъ предательствомъ. Старый, посѣдѣвшій въ бѣгахъ и приключеніяхъ бродяга высматриваетъ въ толпѣ новичковъ, кого побогаче (у новичковъ почти всегда бываютъ деньги), и сманиваетъ его бѣжать вмѣстѣ. Уговорить не трудно; новичокъ бѣжить, а бродяга гдѣ-нибудь въ тайгѣ убиваетъ его и возвращается назадъ въ тюрьму.

Другой видъ аферы, болѣе распространенный, рассчитанъ на тѣ три рубля, которые выдаетъ казна за поимку бѣглаго. Предварительно уговорившись съ рядовымъ или гилякомъ, нѣсколько человѣкъ каторжныхъ бѣгутъ изъ тюрьмы и въ условленномъ мѣстѣ, гдѣ-нибудь въ тайгѣ или на морскомъ берегу, встрѣчаются со своимъ конвоиромъ; тотъ ведетъ ихъ назадъ въ тюрьму, какъ пойманныхъ, и получаетъ по три рубля за cadaго; потомъ, конечно, происходитъ дѣлежъ. Бываетъ смѣшно смотрѣть, когда маленькій гидушный гилякъ, вооруженный одною только палкою, приводитъ сразу 6—7 плечистыхъ, внушительнаго вида бродягъ. При мнѣ однажды рядовой Л., тоже не отличающійся крѣпкимъ сложеніемъ, привелъ 11 человѣкъ.

Тюремная статистика до послѣдняго времени почти не касалась бѣглыхъ. Пока можно сказать только, что чаще всего бѣгутъ ссыльные, для которыхъ наиболѣе чувствительна разница климатовъ Сахалина и ихъ родины. Сюда относятся, прежде всего, уроженцы Кавказа, Крыма, Бессарабіи и Малороссіи. Случается видѣть списки бѣжавшихъ или возвращенныхъ, иногда человѣкъ въ 50—60, гдѣ нѣтъ ни одной русской фамиліи, а все Оглы, Сулейманы и Гасаны. Не подлежитъ также сомнѣнію, что безсрочные и долгосрочные бѣгаютъ чаще, чѣмъ каторжные третьяго разряда, и живущіе въ тюрьмѣ чаще, чѣмъ живущіе внѣ ея, молодые и новички чаще, чѣмъ старожилы. Женщины бѣгаютъ несравненно рѣже, чѣмъ мужчины, и это объясняется трудностями, какими обставленъ для женщины побѣгъ, и отчасти тѣмъ, что на каторгѣ она скоро обзаводится прочными привязанностями. Обязанности по отношенію къ женѣ и дѣтямъ удерживаютъ отъ побѣга, но случается, что убѣгаютъ и семейные. Законные супруги бѣгаютъ рѣже, чѣмъ незаконные. Бабы-каторжныя, когда я обходилъ избы, на мой вопросъ, гдѣ сожитель, часто мнѣ отвѣчали: «А кто-жь его знаетъ? Поди, сыщи».

На ряду со ссыльными изъ простаго званія, бѣгають и привилегированные. Перелистывая въ корсаковскомъ полицейскомъ управленіи алфавитъ, я нашель бывшаго дворянина, который и бѣгалъ, и былъ судимъ за убійство, совершенное во время побѣга, и принялъ 80 или 90 плетей. Извѣстный Лагіевъ, присланный за убійство ректора Тифлисской семинаріи и бывший въ Корсаковскѣ учителемъ, бѣжалъ въ пасхальную ночь 1890 г. вмѣстѣ съ каторжнымъ Никольскимъ, сыномъ священника, и еще съ какими-то тремя бродягами. Вскорѣ послѣ Пасхи разнесся слухъ, что будто видѣли трехъ бродягъ въ «цивильномъ» платьѣ, пробиравшихся берегомъ къ Муравьевскому посту, но уже Лагіева и Никольскаго съ ними не было; по всей вѣроятности, бродяги подговорили молодого Лагіева и его товарища бѣжать вмѣстѣ и дорогой убили ихъ, чтобы воспользоваться ихъ деньгами и платьемъ. Сынъ протоіерея К., присланный за убійство, бѣжалъ въ Россію, убилъ тамъ вновь и былъ возвращенъ на Сахалинъ. Какъ-то рано утромъ я его видѣлъ въ толпѣ каторжниковъ около рудника: необыкновенно тощій, сутулый, съ тусклыми глазами, въ старомъ лѣтнемъ пальто и въ порванныхъ брюкахъ на-выпускъ, заспанный, дрожа отъ утренняго холода, онъ подошелъ къ смотрителю, который стоялъ рядомъ со мной, и, снявши картузикъ, обнаживъ свою плѣшивую голову, сталъ просить о чемъ-то.

Для того, чтобы судить, въ какое время года чаще всего совершаются побѣги, я воспользуюсь немногими цифрами, какія успѣлъ найти и записать. Въ 1877, 1878, 1885, 1887, 1888 и 1889 гг. убѣжало 1.501 ссыльно-каторжныхъ. Это число распредѣляется по мѣсяцамъ такъ: январь—117, февраль—64, мартъ—20, апрѣль—20, май—147, июнь—290, июль—283, августъ—231, сентябрь—150, октябрь—44, ноябрь—35 и декабрь—100. Если начертить кривую побѣговъ, то высшія ея точки будутъ относиться къ лѣтнимъ мѣсяцамъ и къ тѣмъ зимнимъ, когда бываютъ наиболѣе

сильные морозы. Очевидно, благоприятствующими моментами для совершения побѣговъ служатъ теплая погода, работа въ тюрьмы, ходъ періодической рыбы, созрѣваніе въ тайгѣ ягодъ, а у поселенцевъ картофеля, затѣмъ море, покрытое льдомъ, когда Сахалинъ перестаетъ быть островомъ. Длительнымъ и зимнимъ повышеніямъ благоприятствуютъ также прибытія новыхъ партій въ весенній и осенній рейсы. Въ мартѣ и въ апрѣлѣ бѣгутъ менѣе всего, потому что въ эти мѣсяцы вскрываются рѣки и невозможно бываетъ добыть пищу ни въ тайгѣ, ни у поселенцевъ, которые обыкновенно къ веснѣ уже сидятъ безъ хлѣба.

Изъ Александровской тюрьмы въ 1889 году бѣжало 15,33% ея средняго годового состава; изъ Дуйской и Воеводской тюремъ, гдѣ, кромѣ надзирателей, стерегутъ арестантовъ часовые съ ружьями, бѣжало въ 1889 году 6,4%, а изъ тюремъ Тымовскаго округа—9%. Эти цифры относятся къ одному отчетному году, но если взять наличную массу каторжныхъ за все время ея пребыванія на островѣ, то отношеніе бѣгавшихъ въ разное время къ общему составу выразится не менѣе, какъ въ 60%, то-есть изъ каждыхъ пяти человѣкъ, которыхъ вы видите въ тюрьмѣ или на улицѣ, навѣрное, трое уже бѣгали. Изъ разговоровъ съ ссыльными я вынесъ такое впечатлѣніе: всѣ бѣгали. Рѣдко кто въ продолженіе своего каторжнаго срока не устраивалъ себѣ каникулъ *).

Обыкновенно побѣгъ задумывается еще въ парходномъ трюмѣ или въ амурской баржѣ, когда каторжныхъ везутъ на Сахалинъ; по пути старики-бродяги, уже бѣгавшіе съ

*) Помнится, когда я подходилъ однажды на катерѣ къ пароходу, отъ борта отчаливала баржа, биткомъ набитая бѣглыми; одни были мрачны, другіе хохотали; у одного изъ нихъ совсѣмъ не было ногъ—отморозилъ. Ихъ возвращали изъ Николаевска. Глядя на эту кипшащую народомъ баржу, я могъ вообразить, сколько еще каторжныхъ бродить по материку и по острову!

каторги, знакомятъ молодыхъ съ географіей острова, съ сахалинскими порядками, съ надзоромъ и съ тѣми благами и линіями, какія сулитъ побѣгъ изъ Сахалина. Если бы въ пересыльныхъ тюрьмахъ и затѣмъ въ пароходныхъ трюмахъ бродягъ держали отдѣльно отъ новичковъ, то послѣдніе, быть можетъ, не торопились бы такъ съ побѣгомъ. Новички убѣгаютъ обыкновенно вскорѣ и даже немедленно по сдачѣ ихъ съ парохода. Въ 1879 г. въ первые же дни по прибытіи бѣжало сразу 60 человѣкъ, перебивъ караульныхъ солдатъ. Для того, чтобы бѣжать, совсѣмъ нѣтъ надобности въ тѣхъ приготовленіяхъ и предосторожностяхъ, какія описаны въ прекрасномъ разсказѣ В. Г. Короленко *Соколинецъ*. Побѣги строго запрещены и уже не поощряются начальствомъ, но условія мѣстной тюремной жизни, надзора и каторжныхъ работъ, да и самый характеръ мѣстности таковы, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ помѣшать побѣгу бываетъ невозможно. Если сегодня не удалось уйти изъ тюрьмы черезъ открытыя ворота, то завтра можно будетъ бѣжать изъ тайги, когда выйдутъ на работу 20—30 человѣкъ подъ надзоромъ одного солдата; кто не бѣжалъ изъ тайги, тотъ подождетъ мѣсяць-другой, когда отдадутъ къ какому-нибудь чиновнику въ прислуги или къ поседенцу въ работники. Всякія предосторожности, обманъ начальства, взломы, подкопы и т. п. нужны бывають только тому меньшинству, которое сидитъ въ кандалныхъ, въ карцерахъ и въ Воеводской тюрьмѣ, и, пожалуй, тѣмъ еще, кто работаетъ въ рудникѣ, гдѣ почти по всей линіи отъ Воеводской тюрьмы до Дуэ стоятъ и ходять часовые. Здѣсь начало побѣга сопряжено съ опасностью; но все же благоприятные случаи представляются почти ежедневно. Къ передѣваньямъ и всякимъ фокусамъ, часто совершенно излишнимъ, прибѣгаютъ искатели и любители приключеній, въ родѣ Золотой Ручки, которая для того, чтобы бѣжать, передѣвалась въ солдатское платье.

Бѣгле большею частью пробираются къ сѣверу, къ узкому мѣсту пролива, что между мысами Погоби и Лазарева, или нѣсколько сѣвернѣе: здѣсь безлюдье, легко укрыться отъ кордона, и можно достать у гилияковъ лодку или самимъ сдѣлать плотъ и переправиться на ту сторону, а если уже зима, то при хорошей погодѣ для перехода достаточно двухъ часовъ. Чѣмъ сѣвернѣе переправа, тѣмъ ближе къ устью Амура и, значить, меньше опасности погибнуть отъ голода и мороза; у устья Амура много гилияцкихъ деревушекъ, не далеко городъ Николаевскъ, потомъ Маринскъ, Софійскъ и казацкія станицы, гдѣ на зиму можно наняться въ работники и гдѣ, какъ говорятъ, даже среди чиновниковъ есть люди, которые даютъ несчастнымъ пріютъ и кусокъ хлѣба. Случается, что бѣгле, не зная, гдѣ сѣверъ, начинаютъ кружить и попадаютъ обратно въ то мѣсто, изъ котораго вышли *).

*) Однажды бѣгле украли въ Дуэ компасъ, чтобъ отыскать сѣверъ и обойти кордонъ у мыса Погоби, и компасъ привелъ ихъ какъ разъ къ кордону. Миѣ рассказывали, что въ послѣднее время каторжные, чтобы не идти по охраняемому западному побережью, начинаютъ уже пробовать другой путь, а именно на востокъ, къ Ныйскому заливу, оттуда по берегу Охотскаго моря на сѣверъ къ мысу Маріи и Елизаветы, и затѣмъ къ югу, чтобы переплыть проливъ противъ мыса Пронге. Рассказывали, что такой путь избралъ, между прочимъ, извѣстный Богдановъ, который бѣжалъ незадолго до моего пріѣзда. Но это едва ли вѣроятно. Правда, на всемъ протяженіи Тыми есть гилияцкая тропинка и попадаютъ юрты, но круговой путь отъ Ныйскаго залива длиненъ и труденъ; надо вспомнить, сколько лишений претерпѣлъ Поляковъ, спускался отъ Ныйскаго залива къ югу, чтобъ оцѣнить весь рискъ путешествія отъ этого залива къ сѣверу.

О томъ, какъ жутко приходится бѣглымъ, я уже говорилъ. Бѣгле, особенно рецидивисты, мало-по-малу привыкають къ тайгѣ и къ тундрѣ, ноги ихъ приспособляются и нѣтъ ничего мудренаго, что нѣкоторые даже спятъ на ходу. Миѣ говорили, что долше всѣхъ могутъ находиться въ бѣгахъ китайскіе бродяги «хунхузы», которыхъ при-

Бываетъ нерѣдко, что бѣглецы пытаются переплыть проливъ гдѣ-нибудь по близости тюрьмы. Для этого нужны исключительная смѣлость, особенно счастливый случай, а, главное, многократный предварительный опытъ, научившій, какъ труденъ и рискованъ путь къ сѣверу черезъ тайгу. Убѣгающіе изъ Воеводской и Дуйской тюремъ бродяги-рецидивисты пускаются въ море немедленно, въ первый же или второй день послѣ побѣга. Тутъ ужъ никакихъ соображеній насчетъ бурь и опасностей, а одинъ лишь животный страхъ погони и жажда свободы: хотъ утонуть, да на волѣ. Обыкновенно они спускаются верстъ на 5—10 южнѣ Дуэ, къ Агнево, устраиваютъ тутъ плотъ и спѣшатъ уплыть къ туманному берегу, отдѣленному отъ нихъ 60—70 милями бурнаго, холоднаго моря. При мнѣ изъ Воеводской тюрьмы бѣжалъ такимъ образомъ бродяга Прохоровъ, онъ же Мыльниковъ, о которомъ я говорилъ въ предыдущей главѣ *).

Уплываютъ также на баржахъ-шаландахъ и на сѣноплавкахъ, но море всякій разъ безжалостно разбиваетъ эти баржи или выкидываетъ ихъ на берегъ. Былъ одинъ случай, когда каторжные бѣжали на катерѣ, принадлежащемъ горному

сылають на Сахалинъ изъ Приморской области, такъ какъ они будто бы могутъ по цѣлымъ мѣсяцамъ питаться одними только кореньями и травами.

*) 29 іюня 1886 г., съ военного судна *Тунгусъ*, не доходя 20 миль до Дуэ, замѣтили на поверхности моря черную точку; когда подошли поближе, то увидѣли слѣдующее: на четырехъ связанныхъ бревнахъ, сидя на возвышеніяхъ изъ древесной коры, плыли куда-то два чело-вѣка, около нихъ на плоту были ведро съ прѣсною водою, полтора каравай хлѣба, топоръ, около пуда муки, немножко рису, двѣ стеариновые свѣчи, кусокъ мыла и два кирпича чаю. Когда ихъ взяли на бортъ и спросили, кто они, то оказалось, что это арестанты Дуйской тюрьмы, бѣжавшіе 17 іюня (значитъ, бывшіе въ бѣгахъ уже 12 дней) и что плынуть они—«вонъ туда, въ Россію». Часа черезъ два поднялся сильный штормъ и пароходъ не могъ пристать къ Сахалину. Спрашивается, что случилось бы въ такую погоду съ бѣглецами, если бы ихъ не приняла на судно? См. объ этомъ *Владивостокъ* 1886 г., № 31

вѣдомству *). Случается, что каторжные убѣгаютъ на тѣхъ же самыхъ судахъ, которые они грузятъ. Въ 1883 году на пароходѣ *Триумфъ* бѣжалъ каторжный Францъ Кицъ, зарывшись въ угольную яму. Когда его нашли и вытащили изъ ямы, то онъ на всѣ вопросы отвѣчалъ только одно: «Дайте воды, я не пилъ пять дней».

Попавъ такъ или иначе на материкъ, бѣглецы держатъ путь къ западу, питааясь Христовымъ именемъ, занимаюсь, гдѣ можно, въ работники и ворую все, что плохо лежитъ. Крадутъ они скотъ, овощи, платье,—однимъ словомъ, все, что можно съѣсть, надѣть на себя, или продать. Ихъ ловятъ, долго держатъ въ тюрьмахъ, судятъ и отсылаютъ назадъ со страшными статейными списками, но многіе, какъ извѣстно читателямъ по судебнымъ процессамъ, доходятъ и до московскаго Хитрова рынка и даже до родной деревни. Въ

*) Въ июнѣ 1887 г. на Дуйскомъ рейдѣ нагружался углемъ пароходъ *Тира*. По обыкновенію, уголь доставлялся къ борту на баржахъ, которыя водилъ на буксирѣ паровой катеръ. Къ вечеру засвѣжало и начался штормъ. *Тира* не могла держаться на якоряхъ и ушла въ де-Кастри. Баржу вытащили на берегъ около Дуэ, а катеръ ушелъ въ Александровскій постъ и укрылся тамъ въ рѣчку. Ночью, когда погода нѣсколько утихла, катерная прислуга, состоявшая изъ каторжныхъ, предъявила надзирателю подложную телеграмму изъ Дуэ, въ которой было приказаніе немедленно отправиться на катерѣ въ море для спасенія баржъ съ людьми, будто бы унесенныхъ штормомъ отъ берега. Не подозрѣвая обмана, надзиратель выпустилъ катеръ изъ пристани. Но, вмѣсто того, чтобы идти на югъ къ Дуэ, катеръ пошелъ на сѣверъ. На немъ было семь мужчинъ и три женщины. Къ утру погода измѣнилась къ худшему. Около мыса Хоэ залило въ катеръ машину; девять человекъ утонули и были выброшены на берегъ, и спасся на доскѣ только одинъ, бывший на катерѣ рулевымъ. Этотъ единственный спасшійся, по фамиліи Кузнецовъ, служитъ теперь на рудникѣ въ Александровскомъ посту у горнаго инженера. Онъ мнѣ подавалъ чай. Это крѣпкій, смуглый, довольно красивый мужчина лѣтъ сорока, повидимому, гордый и дикій; онъ мнѣ напомнилъ Тома Айртона изъ *Дѣтей капитана Гранта*.

Палевъ хлѣбопекъ Горячій, простоватый, откровенный и, повидимому, добрый человекъ, рассказывалъ мнѣ, какъ онъ дошелъ до своей деревни, повидался съ женою и дѣтками и какъ опять былъ сосланъ на Сахалинъ, гдѣ кончается уже второй срокъ. Говорятъ, и въ печати, между прочимъ, высказывалось предположеніе, будто бѣглыхъ каторжныхъ принимаютъ на свои суда американскіе китобои и увозятъ ихъ въ Америку *). Это, конечно, возможно, но я не слыхалъ ни объ одномъ такомъ случаѣ. Американскіе китобои, промышленяющіе въ Охотскомъ морѣ, рѣдко подходятъ къ Сахалину и еще рѣже случается, чтобы они подходили именно въ то время, когда на пустынномъ восточномъ берегу находятся бѣглые. По словамъ г. Курбскаго (*Голосъ* 1875 г., № 312) въ Indian-Territory, на правой сторонѣ Миссисипи, живутъ цѣлыя партіи вачеро изъ сахалинскихъ каторжниковъ. Эти вачеро, если они существуютъ на самомъ дѣлѣ, пробрались въ Америку не на китобойныхъ судахъ, а, вѣроятно, черезъ Японію. Во всякомъ случаѣ побѣги не въ Россію, а за границу, хотя и рѣдко, но бывають, и это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Еще въ двадцатыхъ годахъ наши каторжные бѣгали изъ охотскаго солевареннаго завода на «теплые», т.-е. Сандвичевы острова **).

*) «Американскіе китобои принимали бѣглыхъ изъ Вотибибея,—говоритъ Нерчинскій Старожилъ:—будутъ принимать бѣглыхъ и на Сахалинѣ». *Москов. Вѣд.* 1875 г., № 67.

***) Э.....въ: «Ссылно каторжные въ Охотскѣ». *Русская Старина*, томъ XXII. А вотъ кстати интересный случай. Въ 1885 г. въ японскихъ газетахъ появилось извѣстіе, что близъ Саппоро потерпѣла крушеніе девять какихъ-то иностранцевъ. Власти послали въ Саппоро чиновниковъ, чтобы оказать имъ помощь. Иностранцы, какъ умѣли, объяснили посланнымъ, что они германцы, что шкуна ихъ потерпѣла крушеніе, и спаслись они на маленькой лодкѣ. Затѣмъ ихъ перевели изъ Саппоро въ Хокодате. Здѣсь съ ними заговорили по-англійски и по-русски, но ни того, ни другого языка они не понимали и отвѣчали только «жерманъ, жерманъ». Кое-какъ узнали, кто изъ нихъ

Страхъ передъ бѣглыми каторжниками великъ, и этимъ объясняется, почему наказаніе, налагаемое за побѣги, такъ серьезно и такъ поражаетъ своею суровостью. Когда изъ Воеводской тюрьмы или изъ кандалной бѣжить какой-нибудь извѣстный бродяга, то молва объ этомъ наводитъ страхъ не только на сахалинское населеніе, но даже на жителей материка; рассказываютъ, что когда однажды бѣжалъ Блоха, то слухъ объ этомъ навелъ на жителей г. Николаевска такой страхъ, что мѣстный исправникъ нашелъ нужнымъ запросить по телеграфу: правда ли, что бѣжалъ Блоха.*) Главная опасность, какую представляютъ для общества побѣги, заключается въ томъ, во-первыхъ, что они развиваютъ и поддерживаютъ бродяжество, и, во-вторыхъ, ставятъ почти каждого бѣглаго въ нелегальное положеніе, когда онъ, въ

капитанъ судна, и когда этому капитану предложили атласъ и попросили его указать мѣсто крушенія, то онъ долго водилъ пальцемъ по картѣ и не нашелъ Саппоро. Отвѣты вообще были не ясны. Тогда въ Хокодате стоялъ нашъ *Крейсеръ*. Генераль-губернаторъ обратился къ командиру съ просьбой—дать переводчика нѣмецкаго языка. Командиръ послалъ старшаго офицера. Подозрѣвая, что это сахалинскіе каторжники, тѣ самые бѣглые, которые недавно сдѣлали нападеніе на Крильонскій маякъ, старшій офицеръ пустился на хитрости; онъ выстроилъ ихъ въ шеренгу и командовалъ по-русски: «направо кругомъ марш!» Одинъ изъ иностранцевъ не выдержалъ своей роли и тотчасъ же исполнилъ команду и, такимъ образомъ, узнали, къ какой націи принадлежали эти хитроумные Одиссеи. См. объ этомъ *Владивостокъ* 1885 г., №№ 33 и 38.

*) Этотъ Блоха знаменитъ своими побѣгами и тѣмъ, что перерѣзалъ много гиляцкихъ семействъ. Въ послѣднее время онъ содержался въ кандалной въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ. Когда генераль-губернаторъ обходилъ съ начальникомъ острова кандалныхъ, то послѣдній приказалъ снять съ Блохи ручныя кандалы и при этомъ взялъ съ него честное слово, что онъ уже больше не будетъ бѣгать. Интересно, что этотъ Блоха слыветъ за *честнаго*. Когда его сѣкутъ, то онъ кричитъ: «За дѣло меня, ваше высокоблагородіе! За дѣло! Такъ мнѣ и надо!» Очень возможно, что онъ сдержитъ свое слово. Каторжникамъ нравится репутація честнаго.

громадномъ большинствѣ случаевъ, не можетъ не совершать новыхъ преступленій. Наибольшій контингентъ рецидивистовъ составляютъ бѣглецы; самыя страшныя и дерзкія преступленія на Сахалинѣ до сихъ поръ были совершаемы бѣглецами.

Въ настоящее время, для предупрежденія побѣговъ, употребляются, главнымъ образомъ, репрессивныя мѣры. Эти мѣры уменьшаютъ число побѣговъ, но только до извѣстнаго предѣла, и репрессія, доведенная до своего идеальнаго совершенства, все-таки не исключала бы возможности побѣговъ. Есть предѣлъ, дальше котораго репрессивныя мѣры уже перестаютъ быть дѣйствительными. Какъ извѣстно, каторжный продолжаетъ бѣжать даже въ то время, когда въ него прицѣпляется часовая; его не удерживаетъ отъ побѣга также ни штормъ, ни увѣренность, что онъ утонетъ. И есть предѣлъ, перейдя который, репрессивныя мѣры уже сами становятся причиною побѣговъ. Такъ, на примѣръ, устрашающее наказаніе за побѣги, состоящее изъ прибавки нѣсколькихъ лѣтъ каторги къ старому сроку, увеличиваетъ число безсрочныхъ и долгосрочныхъ, и тѣмъ самымъ увеличиваетъ и число побѣговъ. Вообще говоря, репрессивныя мѣры въ борьбѣ съ побѣгами не имѣютъ будущности, онѣ сильно расходятся съ идеалами нашего законодательства, которое въ наказаніи видитъ, прежде всего, средство къ исправленію. Когда вся энергія и изобрѣтательность тюремщика изо дня въ день уходитъ только на то, чтобы поставить арестанта въ такія сложныя физическія условія, которыя сдѣлали бы невозможнымъ побѣгъ, то тутъ уже не до исправленія, и можетъ быть разговоръ только о превращеніи арестанта въ звѣря, а тюрьмы—въ звѣринецъ. Да и непрактичны эти мѣры: во-первыхъ, онѣ всегда ложатся гнетомъ на населеніе, неповинное въ бѣгахъ, и, во-вторыхъ, заключеніе въ крѣпко устроенной тюрьмѣ, кандалы, всякаго рода карцеры, темныя и тачки дѣлаютъ человѣка неспособнымъ къ работѣ.

Такъ-называемыя гуманныя мѣры, всякое улучшеніе въ жизни арестанта, будетъ ли то лишній кусокъ хлѣба или надежда на лучшее будущее, тоже значительно понижаютъ число побѣговъ. Приведу примѣръ: въ 1885 г. бѣжало 25 поселенцевъ, а въ 1887 г., послѣ урожая 1886 г., только 7. Поселенцы бѣгаютъ гораздо рѣже, чѣмъ каторжные, а крестьяне изъ ссыльныхъ почти совсѣмъ не бѣгаютъ. Меньше всего бѣгаютъ изъ Корсаковского округа, потому что здѣсь урожаи лучше, преобладаютъ среди арестантовъ краткосрочные, климатъ мягче и легче получить крестьянскія права, чѣмъ на Сѣверномъ Сахалинѣ, а по отбытіи каторги, чтобы добыть себѣ кусокъ хлѣба, нѣтъ надобности возвращаться въ рудникъ. Чѣмъ легче живется арестанту, тѣмъ меньше опасности, что онъ убѣжитъ, и въ этомъ отношеніи можно признать очень надежными такія мѣры, какъ улучшеніе тюремныхъ порядковъ, постройка церквей, учрежденіе школъ и больницъ, обезпеченіе семействъ ссыльныхъ, заработки и т. п.

За каждаго пойманнаго и доставленнаго въ тюрьму бѣглаго, какъ я уже говорилъ, рядовые, гиляки и вообще занимающіеся ловлей бѣглыхъ, получаютъ отъ казны денежное вознагражденіе въ размѣрѣ трехъ рублей за голову. Нѣтъ сомнѣнія, что денежное вознагражденіе, соблазнительное для голоднаго человѣка, помогаетъ дѣлу и увеличиваетъ число «пойманныхъ, найденныхъ мертвыми и убитыхъ», но помощь эта, конечно, совсѣмъ не окупаетъ того вреда, какой неминуемо должны причинять населенію острова дурныя инстинкты, пробуждаемые въ немъ этими трехрублевками. Кто вынужденъ, какъ солдатъ или ограбленный поселенецъ, ловить бѣглыхъ, тотъ поймаешь и безъ трехъ рублей, а кто ловитъ не по долгу службы и не по нуждѣ, а изъ соображеній корыстнаго свойства, для того ловля составляетъ гнусный промыселъ, а эти три рубля являются побряккой самаго низменнаго свойства.

По имѣющимся у меня даннымъ, изъ 1.501 бѣжавшихъ поймано и добровольно вернулось 1.010 каторжныхъ; найдено мертвыми и убито при преслѣдованіи 40; безъ вѣсти пропало 451 человекъ. Стало быть, изъ всей массы бѣгающихъ Сахалинъ теряетъ одну треть, несмотря на свое островное положеніе. Въ *Вѣдомостяхъ*, откуда я бралъ эти цифры, добровольно вернушіеся и пойманные показаны въ одномъ числѣ, найденные мертвыми и убитые при преслѣдованіи тоже показаны нераздѣльно, и потому неизвѣстно, какое число относится на долю поймщиковъ и какой процентъ бѣглыхъ погибаетъ отъ солдатскихъ пуль *).

XXIII.

Болезненность и смертность ссыльнаго населенія.—Медицинская организація.—Лазаретъ въ Александровскѣ.

Въ 1889 г. по всѣмъ тремъ округамъ было показано слабосильныхъ и неспособныхъ къ работѣ каторжныхъ обоого пола 632, что составляло 10,6% всего числа. Такимъ образомъ одинъ слабосильный и неспособный къ работѣ при-

*) По степени наказуемости *Уставъ о ссыльныхъ* различаетъ побѣгъ и отлучку, побѣгъ въ Сибири и внѣ Сибири, а также побѣги первый, второй, третій, четвертый и послѣдующіе. Для каторжнаго признается отлучкой, а не побѣгомъ, если его ловятъ ранѣе трехъ дней, или же онъ добровольно возвращается ранѣе семи дней со времени начала побѣга. Для поселенца эти сроки увеличены въ первомъ случаѣ до семи, во второмъ до четырнадцати дней. Побѣгъ внѣ Сибири считается болѣе важнымъ преступленіемъ и карается строже, чѣмъ побѣгъ въ Сибири; это различіе построено, вѣроятно, на томъ соображеніи, что для побѣга въ Европейскую Россію требуется гораздо большаго напряженія злой воли, чѣмъ для побѣга въ какую-нибудь сибирскую губернію. Самое слабое наказаніе, какое полагается каторжнику за побѣгъ, это — сорокъ плетей и продолженіе срока каторжныхъ работъ на четыре года, и самое сильное — сто плетей, безсрочная каторга, прикованіе къ тѣлѣжкѣ на три года и содержаніе въ разрядѣ испытуемыхъ двадцать лѣтъ. См. ст. 445 и 446 *Устава о ссыльныхъ*, изд. 1890 г.

ходится на 10 человекъ. Что касается способнаго къ работѣ населенія, то и оно не производитъ впечатлѣнія вполне здороваго. Среди ссыльныхъ мужчинъ вы не встрѣтите хорошо упитанныхъ, полныхъ и краснощекихъ; даже ничего не дѣлающіе поселенцы тощи и блѣдны. Лѣтомъ 1889 г. изъ 131 каторжныхъ, работавшихъ въ Тарайкѣ на дорогѣ, было 37 больныхъ, а остальные явились къ прїѣхавшему начальнику острова «въ самомъ ужасномъ видѣ: ободранные, многіе безъ рубахъ, искусанные москитами, испарцанные сучьями деревьевъ, но никто не жаловался» (Приказъ 1889 г., № 318).

Обращавшихся за медицинскою помощію въ 1889 г. было 11.309; въ медицинскомъ отчетѣ, откуда я беру эту цифру, ссыльные и свободные показаны нераздѣльно, но составитель отчета замѣчаетъ, что главный контингентъ больныхъ составляли ссыльно-каторжные. Въ виду того, что солдаты лѣчатся у своихъ военныхъ врачей, а чиновники и ихъ семьи у себя на дому, надо думать, что въ число 11.309 вошли только ссыльные и ихъ семьи, причемъ каторжные составляли большинство и что такимъ образомъ каждый ссыльный и прикосновенный къ ссылкѣ обращался за медицинскою помощію не менѣе одного раза въ годъ *).

О болѣзненности ссыльнаго населенія я могу судить только по отчету за 1889 г., но, къ сожалѣнію, онъ составленъ по даннымъ больничныхъ «Правдивыхъ книгъ», которыя ведутся здѣсь крайне неряшливо, такъ что мнѣ пришлось еще взять на помощь церковныя метрическія книги и выписать изъ нихъ причины смерти за послѣднія десять лѣтъ. Причины смерти почти всякій разъ регистрируются священниками по запискамъ врачей и фельдшеровъ, много тутъ

*) Въ 1874 г., въ Корсаковскомъ округѣ заболѣвшіе относились къ общему числу, какъ 227,2:100. Синповскій, врачъ: «Гигиеническая обстановка ссыльно-каторжныхъ». *Здоровье*, 1875 г., № 16.

фантазіи *), но въ общемъ этотъ матеріалъ по существу тотъ же, что и въ «Правдивыхъ книгахъ», не лучше и не хуже. Понятно, что обоихъ этихъ источниковъ было далеко не достаточно, и все, что найдеть ниже читатель о болѣзненности и смертности, не картина, а одни лишь слабые контуры.

Тѣ болѣзни, которыя въ отчетѣ отнесены къ двумъ отдѣльнымъ группамъ—заразно-повальнымъ и эпидемическимъ, до сихъ поръ на Сахалинѣ имѣли слабое распространеніе. Такъ, корь въ 1889 г. была зарегистрирована только 3 раза, а скарлатина, дифтеритъ и крупъ ни разу. Смерть отъ этихъ болѣзней, которымъ подверженъ по преимуществу дѣтскій возрастъ, упоминается въ метрическихъ книгахъ за десять лѣтъ только 45 разъ. Въ это число вошли «жабы» и «воспаленія горла», имѣвшія заразный и эпидемическій характеръ, на что всякій разъ указывалъ мнѣ рядъ дѣтскихъ смертей въ короткій промежутокъ времени. Эпидеміи обыкновенно начинались въ сентябрѣ, или октябрѣ, когда на пароходахъ Добровольнаго флота привозили въ колонію больныхъ дѣтей; теченіе эпидемій бывало продолжительное, но вялое. Такъ, въ 1880 г. въ Корсаковскомъ приходѣ «жаба» началась въ октябрѣ и кончилась въ апрѣлѣ слѣдующаго года, похитивъ всего 10 дѣтей; эпидемія дифтерита въ 1888 г. началась въ Рыковскомъ приходѣ осенью и продолжалась всю зиму, затѣмъ перешла въ Александровскій и Дуйскій приходы и погасла здѣсь въ ноябрѣ 1889 г., т.-е. держалась цѣлый годъ; умерло 20 дѣтей. Оспа зарегистрирована въ отчетѣ одинъ разъ, а за десять лѣтъ умерло отъ нея 18 душъ; были двѣ эпидеміи въ Александровскомъ округѣ: одна въ 1886 г. съ декабря по іюнь и другая въ 1889 г. осенью. Тѣхъ грозныхъ эпидемій оспы, которыя когда-то эпидеми-

*) Между прочимъ, я встрѣчалъ тутъ такіе диагнозы, какъ неумѣренное питье отъ груди, неразвитость къ жизни, душевная болѣзнь сердца, воспаленіе гѣла, внутреннее истощеніе, курьезный пневмоній, Шперъ и проч.

чески проходили через всѣ острова Японскаго и Охотскаго морей до Камчатки включительно и уничтожали порой цѣлыя племена, въ родѣ айно, теперь уже не бываетъ здѣсь, или, по крайней мѣрѣ, про нихъ не слышно. Рыбья лица среди гилаковъ встрѣчаются часто, но виновата въ этомъ вѣтреная оспа (varicella), которая, по всей вѣроятности, не переводится у инородцевъ *).

Что касается тифовъ, то въ отчетѣ брюшной былъ зарегистрированъ 23 раза со смертностью въ 30%, возвратный же и сыпной по 3 раза, безъ смертныхъ случаевъ. Въ метрическихъ книгахъ смерть отъ тифовъ и горячекъ показана 50 разъ, но все это единичные случаи, разбросанные по книгамъ всѣхъ четырехъ приходоу на протяженіи десяти лѣтъ. Ни въ одной корреспонденціи я не встрѣчалъ указанія на тифозныя эпидеміи и, по всей вѣроятности, ихъ не было. По отчету, брюшной тифъ наблюдался только въ двухъ сѣверныхъ округахъ; причиною его указаны недостатокъ чистой питьевой воды, загрязненіе почвы близъ тюремъ и рѣкъ, а также тѣснота и скученность. Мнѣ лично ни разу не пришлось видѣть на Сѣв. Сахалинѣ брюшного тифа, хотя я обошелъ тамъ всѣ избы и бывалъ въ лазаретахъ; нѣкоторые врачи увѣряли меня, что этой формы на островѣ нѣтъ вовсе, и она осталась у меня подъ большимъ сомнѣніемъ. Что же касается возвратнаго и сыпного тифа, то всѣ случаи, до сихъ поръ бывшіе

*) Объ эпидеміи этой болѣзни, охватившей весь Сахалинъ въ 1868 году, и объ оснопрививаніи у инородцевъ въ 1858 году см. Васильева: *Повѣдка на остр. Сахалинѣ. Архивъ Судебной Медицины* 1870 г., № 2. Противъ зуда при varicella гилаки употребляютъ топленый тюлений жиръ, которымъ намазываютъ все тѣло. Отъ того, что гилаки никогда не моются, у нихъ вѣтреная оспа сопровождалась такимъ зудомъ, какого никогда не бывало у русъ; отъ расчесыванія образовывались язвы. Въ 1858 году на Сахалинѣ была настоящая оспа, чрезвычайно злокачественная: одинъ старый гилакъ говорилъ д-ру Васильеву, что изъ троихъ двое умираю.

на Сахалинѣ, я отношу къ привознымъ, какъ скарлатину и дифтеритъ; надо думать, что острые инфекціонныя болѣзни до сихъ поръ находили на островѣ почву неблагопріятную для своего развитія.

«Неточно опредѣленные лихорадочныя» болѣзни зарегистрированы 17 разъ. Въ отчетѣ эта форма описана такъ: «появлялась она преимущественно въ зимніе мѣсяцы, выражалась лихорадкою ремиттирующаго типа, иногда съ появленіемъ roseola и общимъ угнетеніемъ мозговыхъ центровъ, черезъ короткій промежутокъ времени 5—7 дней лихорадка проходила и наступало быстрое выздоровленіе». Этотъ тифоидъ очень распространенъ здѣсь, особенно въ сѣверныхъ округахъ, но въ отчетѣ не попадаетъ и сотая часть всѣхъ случаевъ, такъ какъ больные обыкновенно не лечатся отъ этой болѣзни и переносятъ ее на ногахъ, а если лежатъ, то дома на печи. Какъ мнѣ пришлось убѣдиться въ мое короткое пребываніе на островѣ, въ этиологій этой болѣзни играетъ главную роль простуда, заболѣваютъ работающіе въ холодную и сырую погоду въ тайгѣ и ночующіе подъ открытымъ небомъ. Чаще всего встрѣчаются такіе больные на дорожныхъ работахъ и на мѣстахъ новыхъ поселеній. Это настоящая febris sachalinensis.

Крупозною пневмоніей въ 1889 г. заболѣло 27, умерла треть. Эта болѣзнь, повидимому, опасна въ одинаковой мѣрѣ какъ для ссыльныхъ, такъ и свободныхъ. За десятилѣтній періодъ въ метрическихъ книгахъ смерть отъ нея упоминается 125 разъ; 28% приходится на май и іюнь, когда на Сахалинѣ бываетъ отвратительная, переменчивая погода и начинаются работы далеко внѣ тюрьмы, 46% на декабрь, январь, февраль и мартъ, т.-е. на зиму *). Къ заболѣва-

*) Въ іюль, августъ и сентябрь 1889 г. не было ни одного случая. Въ октябрь за послѣдніа десять лѣтъ смерть отъ крупозной пневмоніи была только одинъ разъ; этотъ мѣсяць на Сахалинѣ можно считать самымъ здоровымъ.

нію крупозной пневмоніей располагають здѣсь главнымъ образомъ сильныя холода зимой, рѣзкія перемены погоды и тяжелыя работы въ дурную погоду. Въ рапортѣ врача окружного лазарета г. Перлина отъ 24 марта 1889 г., копию котораго я привезъ съ собой, между прочимъ сказано: «меня постоянно ужасала большая заболѣваемость ссыльно-каторжныхъ рабочихъ острымъ воспаленіемъ легкихъ»; и вотъ, по мнѣнію д-ра Перлина, причины: «доставка за восемь верстъ бревенъ отъ 6 до 8 вершковъ въ діаметрѣ четырехъ-саженной длины производится тремя рабочими; предполагая тяжесть бревна въ 25—35 пуд. въ снѣжную дорогу, при теплому одѣяніи, ускоренной дѣятельности дыхательной и кровеносной системъ» и т. д. *).

Дизентерія, или кровавый поносъ, зарегистрирована была только 5 разъ. Въ 1880 г. въ Дуэ и въ 1887 г. въ Александровскѣ, повидимому, были эпидеміи кроваваго поноса, и всѣхъ смертей за десятилѣтній періодъ въ метрическихъ книгахъ показано 8. Въ старыхъ корреспонденціяхъ и рапортахъ часто упоминается кровавый поносъ, который въ былыя времена, по всей вѣроятности, былъ на островѣ такъ же обыкновененъ, какъ цынга. Страдали имъ ссыльные, солдаты и инородцы, и при этомъ, какъ на причину его, указывалось на дурную пищу и тяжелыя жизненныя условія **).

Азіатская холера на Сахалинѣ не была еще ни разу. Рожу и госпитальную гангрену наблюдалъ я самъ и, повидимому, обѣ эти болѣзни не переводятся въ здѣшнихъ лазаретахъ. Коклюша въ 1889 г. не было. Перемежающаяся лихорадка показана 428 разъ, причемъ на долю Алексан-

*) Кстати, въ этомъ рапортѣ я нашелъ такую подробность: «каторжные подвергаются жестокимъ наказаніямъ розгами, такъ что прямо изъ-подъ наказанія безчувственными приносятся въ лазаретъ».

**) Д-ръ Васильевъ часто встрѣчалъ на Сахалинѣ гиліаковъ, страдавшихъ кровавымъ поносомъ.

дровскаго округа приходится больше половины; причинами въ отчетѣ названы теплота жилищъ безъ достаточнаго притока свѣжаго воздуха, загрязненіе почвы около жилищъ, работы въ мѣстностяхъ, подверженныхъ періодическимъ заливаніямъ, и устройство поселеній въ такихъ мѣстностяхъ. Всѣ эти нездоровыя условія на лицо, но, тѣмъ не менѣе, все-таки островъ не производитъ впечатлѣнія малярійной мѣстности. Обходя избы, я не встрѣчалъ больныхъ маляріей и не помню ни одного такого селенія, гдѣ бы жаловались на эту болѣзнь. Очень возможно, что многіе изъ зарегистрированныхъ были больны лихорадкой еще на родинѣ и прибыли на островъ уже съ увеличенной селезенкой.

Смерть отъ сибирской язвы въ метрическихъ книгахъ упоминается только одинъ разъ. Ни сапъ, ни водобоязнь на островѣ еще не наблюдалась.

На долю болѣзней дыхательныхъ органовъ приходится одна треть умершихъ, въ частности же бугорчатка беретъ 15%. Въ метрическихъ книгахъ записаны только христіане, но если прибавить еще магометанъ, умирающихъ обыкновенно отъ чахотки, то процентъ выйдетъ внушительный. Во всякомъ случаѣ, взрослые на Сахалинѣ подвержены чахоткѣ въ сильной степени; здѣсь она самая частая и самая опасная болѣзнь. Больше всего умираютъ въ декабрѣ, когда на Сахалинѣ бываетъ очень холодно, и въ мартѣ и апрѣлѣ; меньше всего—въ сентябрѣ и октябрѣ. Вотъ составъ умершихъ отъ туберкулеза по возрастамъ:

отъ 0 до 20 лѣтъ	—	3%
— 20 » 25 »	—	6%
— 25 » 35 »	—	43%
— 35 » 45 »	—	27%
— 45 » 55 »	—	12%
— 55 » 65 »	—	6%
— 65 » 75 »	—	2%

Стало быть, опасности умереть отъ чахотки на Сахалинѣ подвержены наиболѣе всего возрасты 25—35 и 35—45 л., — рабочіе, цвѣтущіе возрасты *). Большинство умершихъ отъ чахотки—каторжные (66%). Вотъ это-то преобладаніе рабочихъ возрастовъ и каторжныхъ даетъ право заключить, что значительная смертность отъ чахотки въ ссыльной колоніи зависитъ, главнымъ образомъ, отъ неблагоприятныхъ условій жизни въ общихъ тюремныхъ камерахъ и непосильной тяжести каторжныхъ работъ, отнимающихъ у рабочаго больше, чѣмъ можетъ дать ему тюремная пища. Суровый климатъ, всякія лишенія, претерпѣваемые во время работъ, побѣговъ и заключенія въ карцерахъ, безпокойная жизнь въ общихъ камерахъ, недостатокъ жировъ въ пищѣ, тоска по родннѣ, — вотъ главныя причины сахалинской чахотки.

Сифились въ 1889 г. были зарегистрированы 246 разъ, съ 5 смертями. Все это, какъ сказано въ отчетѣ, были старыя сифилитики, со вторичными и третичными формами. Сифилитики, которыхъ мнѣ приходилось видѣть, производили жалкое впечатлѣніе; эти запущенные, застарѣлые случаи указывали на полное отсутствіе санитарнаго надзора, который, въ сущности, при малочисленности ссыльнаго населенія, могъ бы быть идеальнымъ. Такъ, въ Рыковскомъ я видѣлъ еврея съ сифилитической чахоткой; онъ давно не лечился, разрушался мало-по-малу, и семья нетерпѣливо ожидала его смерти,—и это въ какой-нибудь полверстѣ отъ больницы! Въ метрическихъ книгахъ смерть отъ сифилиса упоминается 13 разъ **).

*) Припоминаю читателю, что эти возрасты относятся ко всему ссыльному населенію какъ 24,3% и 24,1%.

***) Сифились чаще всего наблюдается въ Александровскомъ посту. Въ отчетѣ объясняется это скопленіемъ здѣсь значительнаго числа вновь прибывшихъ арестантовъ и ихъ семействъ, войскъ, ремесленниковъ и всего пришлаго населенія, приходомъ судовъ на Алексан-

Больныхъ цынгою было зарегистрировано въ 1889 г. 271, умерло 6. Въ метрическихъ книгахъ смерть отъ цынги показана 19 разъ. Лѣтъ 20—25 назадъ эта болѣзнь встрѣчалась на островѣ несравненно чаще, чѣмъ въ послѣднее десятилѣтіе, и отъ нея погибало много солдатъ и арестантовъ. Нѣкоторые старые корреспонденты, стоявшіе за учрежденіе ссыльной колоніи на островѣ, совершенно отрицали цынгу и, въ то же время, восхваляли черемшу, какъ превосходное средство отъ цынги, и писали, что население заготовляло на зиму сотни пудовъ этого средства. Цынга, свирѣпствовавшая на Татарскомъ берегу, едва ли стала бы падать Сахалинъ, гдѣ условія жизни въ постахъ были нисколько не лучше. Въ настоящее время чаще всего эту болѣзнь привозятъ съ собой арестанты на пароходахъ Добровольнаго флота. Это удостовѣряетъ и медицинскій отчетъ. Окружной начальникъ и тюремный врачъ въ Александровскѣ говорили мнѣ, что 2-го мая 1890 г. на *Петербургъ* прибыло 500 арестантовъ, и изъ нихъ не менѣе ста болѣли цынгою; 51 были положены врачомъ въ лазаретъ и околотокъ. Одинъ изъ этихъ цынготныхъ, полтавскій хохоль, котораго я еще засталъ въ лазаретѣ, говорилъ мнѣ, что заболѣлъ онъ цынгою въ харьковскомъ

дровскій и Дуйскій рейды, лѣтними отхожими промыслами. Въ отчетѣ указаны и мѣры, употребляемыя противъ сифилиса: 1) осмотръ каторжныхъ 1 и 15 числа каждаго мѣсяца; 2) осмотръ партій, вновь прибывающихъ на островъ; 3) еженедѣльный осмотръ женщинъ сомнительной нравственности; 4) наблюденіе за бывшими больными сифилисомъ. Но, несмотря на все эти осмотры и наблюденія, «значительный % сифилитиковъ ускользаетъ отъ регистраціи.

Д-ръ Васильевъ, командированный въ 1869 г. на Сахалинъ для поданія медицинскаго пособия инородцамъ, не встрѣчалъ гилановъ больныхъ сифилисомъ. Айно называютъ сифилисъ японской болѣзью. Японцы, пріѣзжающіе на рыбные промыслы, обязаны представить консулу медицинское свидѣтельство въ томъ, что они не больны сифилисомъ.

централѣ *). Изъ общихъ разстройствъ питанія, кромѣ цынги, я упомяну еще о маразмѣ, отъ котораго на Сахалинѣ умирають далеко не старые люди, принадлежащіе къ рабочимъ возрастамъ. Одинъ показанъ умершимъ 27, другой 30, остальные 35, 43, 46, 47, 48... лѣтъ. И едва ли это описка фельдшера или священника, такъ какъ «старческий маразмъ», какъ причина смерти у людей не старыхъ и не достигшихъ 60 лѣтъ, упоминается въ метрическихъ книгахъ 45 разъ. Средняя продолжительность жизни русскаго ссыльнаго еще неизвѣстна, но если судить на глазъ, то сахалинцы рано старятся и дряхлѣють, и каторжный или поселенецъ 40 лѣтъ большею частью выглядитъ уже старикомъ.

Съ первыми болѣзнями ссыльные обращаются въ лазареты не часто. Такъ, въ 1889 г. невралгіи и судороги были зарегистрированы только 16 разъ **). Очевидно, лечатся только тѣ нервныя больныя, которыхъ привозятъ или приводятъ. Воспаленіе мозга, апоплексія и параличъ дали 24 случая, съ 10 смертями, эпилепсія зарегистрирована 31 разъ, а разстройство умственныхъ способностей 25 разъ. Психическія больныя, какъ я говорилъ уже, на Сахалинѣ не имѣють отдѣльнаго помѣщенія; при мнѣ одни изъ нихъ помѣщались въ селеніи Корсаковскомъ, вмѣстѣ съ сифилитиками, причемъ одинъ даже, какъ мнѣ рассказывали, за-

*) Продолжительное пребываніе въ центральныхъ тюрьмахъ и парходныхъ трюмахъ располагаетъ къ заболѣванію цынгой, и случилось, что арестанты заболѣвали цѣлыми партіями вскорѣ по прибытіи на островъ. «Послѣдній транспортъ каторжныхъ съ *Костромы*,—пишетъ одинъ корреспондентъ,—прибыль здоровымъ, теперь весь въ цынгѣ». *Владивостокъ* 1885 г., № 30.

**) Каторжнаго съ мигренью или ишіасомъ легко заподозрить въ симуляціи и не пустить въ лазаретъ; однажды я видѣлъ, какъ цѣлая толпа каторжныхъ просилась у смотрителя тюрьмы въ лазаретъ и онъ отказывалъ всѣмъ, не желая разбирать ни больныхъ, ни здоровыхъ.

разился сифилисомъ, другіе, живя на волѣ, работали наравнѣ со здоровыми, сожительствовали, убѣгали, были судимы. Я лично встрѣчалъ въ постахъ и селеніяхъ немало сумасшедшихъ. Помнится, въ Дуэ одинъ бывший солдатъ все толковалъ про воздушный и небесный океаны, про свою дочь Надежду и шаха персидскаго и про то, что онъ убилъ Крестовоздвиженскаго дьячка. При мнѣ однажды во Владиміровкѣ нѣкій Вѣтряковъ, отбывшій пять лѣтъ каторги, съ тупымъ, идиотскимъ выраженіемъ подошелъ къ смотрителю поселеній, г. Я., и по-пріятельски протянулъ ему руку. «Какъ ты со мной здороваешься?» удивился г. Я. Оказалось, что Вѣтряковъ пришелъ попросить, нельзя ли ему получить изъ казны плотничій топоръ. «Построю себѣ шалашъ, потомъ буду избу рубить», сказалъ онъ. Это давно уже признанный сумасшедшій, былъ на испытаніи у врача, параноніа. Я спросилъ, какъ зовутъ его отца. Онъ отвѣтилъ: «Не знаю». И все-таки ему выдали топоръ. Не говорю ужъ о случаяхъ нравственнаго помѣшательства, о начальномъ періодѣ прогрессивнаго паралича и проч., гдѣ нужна болѣе или менѣе тонкая діагностика. Эти всѣ работаютъ и сходятъ за здоровыхъ. Нѣкоторые пріѣзжаютъ уже больными или привозятъ съ собой зародышъ болѣзни; такъ, въ метрической книгѣ записанъ умершимъ отъ прогрессивнаго паралича каторжный Городовъ, осужденный за заранѣе обдуманное убійство, которое, быть можетъ, совершилъ онъ уже будучи больнымъ. Другіе же заболѣваютъ на островѣ, гдѣ каждый день и каждый часъ представляется достаточно причинъ, чтобы человѣку некрѣпкому, съ расшатанными нервами, сойти съ ума *).

Желудочно-кишечныя заболѣванія въ 1889 г. были зарегистрированы 1.760 разъ. За десять лѣтъ умерло 338; изъ

*) Напримѣръ, угрызенія совѣсти, тоска по родинѣ, постоянно оскорбляемое самолюбіе, одиночество и всякія каторжныя дряги.

этого числа 66% относятся къ дѣтскому возрасту. Самые опасные мѣсяцы для дѣтей—это июль и, особенно, августъ, на долю которыхъ приходится треть всего числа умершихъ дѣтей. Взрослые отъ желудочно-кишечныхъ разстройствъ умираютъ чаще всего тоже въ августъ, быть можетъ, оттого, что въ этомъ мѣсяцѣ идетъ періодическая рыба, которую объѣдаются. Катарръ желудка здѣсь обыкновенная болѣзнь. Уроженцы Кавказа всегда жалуются, что у нихъ «сердце болить», и послѣ ржаного хлѣба и тюремныхъ щей у нихъ бываетъ рвота.

Съ женскими болѣзнями обращались въ 1889 г. въ лазаретъ не часто, всего 105 разъ. Между тѣмъ, въ колоніи почти нѣтъ здоровыхъ женщинъ. Въ актѣ одной изъ комиссій по продовольствію каторжныхъ, въ которой участвовалъ завѣдующій медицинскою частью, сказано, между прочимъ: «около 70% ссыльно-каторжныхъ женщинъ страдаютъ хроническими женскими болѣзнями». Случалось, что во всей вновь прибывшей партіи арестантокъ не оказывалось ни одной здоровой.

Изъ глазныхъ болѣзней чаще всего наблюдается конъюнктивитъ; эпидемическая форма его не переводится у инородцевъ *). О болѣе серьезныхъ страданіяхъ глазъ я не могу сказать ничего, такъ какъ въ отчетѣ всѣ глазныя болѣзни сплошь показаны одною цифрой 211. Въ избахъ я встрѣчалъ одноглазыхъ, съ бѣлками и слѣпыхъ; видѣлъ и слѣпыхъ дѣтей.

Съ травматическими поврежденіями, съ вывихами, пере-

*) Д-ръ Васильевъ: «У гиляковъ имѣеть большое вліяніе на происхожденіе болѣзни постоянное созерцаніе снѣжной пустыни... Я по опыту знаю, что въ нѣсколько дней отъ постоянного созерцанія снѣжной пустыни можно получить бленорейное воспаленіе слизистой оболочки глазъ». Каторжные очень склонны къ заболѣванію куриною слѣпотой. Иногда она «наваливается» на цѣлыя партіи, такъ что каторжные идутъ ощупью, держась другъ за друга.

ломами, ударами и ранами всякаго рода обращались въ 1889 г. за помощью 1.217 человекъ. Все это поврежденія, полученныя на работахъ, при всякаго рода несчастныхъ случаяхъ, въ бѣгахъ (огнестрѣльные раны), въ дракѣ. Къ этой же группѣ отнесены 4 случая, когда были доставлены въ лазаретъ ссыльно-каторжныя женщины, избитыя своими сожителями *). Ознобленіе было зарегистрировано 290 разъ.

Случаевъ неестественной смерти среди православнаго населенія за 10 лѣтъ было 170. Изъ этого числа 20 казнены черезъ повѣшеніе, 2 повѣшены неизвѣстно кѣмъ; самоубійствъ произошло 27, причеиъ въ Сѣв. Сахалинѣ стрѣлялись (одинъ застрѣлился стоя на часахъ), а въ Южномъ отравлялись борцомъ; много утонувшихъ, замерзшихъ, задавленныхъ деревьями; одинъ разорванъ медвѣдемъ. Помимо такихъ причинъ, какъ параличъ сердца, разрывъ сердца, апоплексія, общій параличъ тѣла и т. п., въ метрическихъ книгахъ показаны еще «скоропостижно» умершими 17 человекъ; изъ нихъ больше половины было въ возрастѣ отъ 22 до 40 лѣтъ, и только одному было больше 50.

Вотъ и все, что я могу сказать о заболѣваемости въ ссыльной колоніи. Несмотря на чрезвычайно слабое развитіе инфекціонныхъ болѣзней, я все-таки не могу не признать ее значительной, хотя бы на основаніи только-что

*) Составитель отчета комментируетъ эти случаи такимъ замѣчаніемъ: «Раздача ссыльно-каторжныхъ женщинъ въ сожительство ссыльно-поселенцамъ имѣетъ характеръ принудительный для первыхъ». Нѣкоторые каторжные, чтобъ ихъ не посылали на работы, увѣчать себя, напримѣръ отрубаютъ себѣ на правой рукѣ пальцы. Особенно изобрѣтательны въ этомъ отношеніи симулянты; они прикладываютъ къ тѣлу раскаленные пятаки, нарочно отмораживаютъ себѣ ноги, употребляютъ какой-то кавказскій порошокъ, который, будучи всыпанъ въ небольшую рану или даже ссадину, производитъ язву грязную, съ гнилостнымъ распадомъ; одинъ всыпалъ себѣ въ уретру нюхательнаго табаку и т. д. Больше всѣхъ любятъ симулировать манеры, которыхъ присылаютъ сюда изъ Приморской области.

приведенныхъ цифръ. Больныхъ, обращающихся за медицинскою помощью въ 1889 г., было 11.309; но такъ какъ большинство каторжныхъ въ лѣтнее время живетъ и работаетъ далеко внѣ тюрьмы, гдѣ лишь при большихъ партіяхъ находятся фельдшера, и такъ какъ большинство поселенцевъ, за дальностью разстоянія и по причинѣ дурной погоды, лишено возможности ходить и ѣздить въ лазареты, то эта цифра касается, главнымъ образомъ, той части населенія, которое живетъ въ постахъ, вблизи врачебныхъ пунктовъ. По даннымъ отчета, въ 1889 г. умерло 194, или 12,5% на 1.000. На этомъ показателѣ смертности можно было бы построить великолѣпную иллюзію и признать нанѣ Сахалинѣ самымъ здоровымъ мѣстомъ въ свѣтѣ; но приходится считаться съ слѣдующимъ соображеніемъ: при обыкновенныхъ условіяхъ на дѣтскіе возрасты падаетъ больше половины всѣхъ умершихъ и на старческой возрастѣ нѣсколько менѣ четверти, на Сахалинѣ же дѣтей очень немного, а стариковъ почти нѣтъ, такъ что коэффициентъ въ 12,5%, въ сущности, касается только рабочихъ возрастовъ; къ тому же, онъ показанъ ниже дѣйствительнаго, такъ какъ при вычисленіи его въ отчетѣ бралось населеніе въ 15.000, т.-е., по крайней мѣрѣ, въ полтора раза больше, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ.

Въ настоящее время на Сахалинѣ имѣется три врачебныхъ пункта, по числу округовъ: въ Александровскѣ, Рыковскомъ и Корсаковскѣ. Лечебницы называются, по старому, окружными лазаретами, а тѣ избы или камеры, куда помѣщаютъ больныхъ съ легкими формами,—околотками. На каждый округъ полагается по одному врачу, а во главѣ всего дѣла стоитъ завѣдующій медицинскою частью, докторъ медицины. У военныхъ командъ свои лазареты и врачи, и случается нерѣдко, что военные врачи временно исправляютъ должность тюремныхъ: такъ, при мнѣ, за отсутствіемъ завѣдующаго медицинскою частью, уѣхавшаго на

тюремную выставку, и тюремного врача, подавшего въ отставку, лазаретомъ въ Александровскѣ завѣдывалъ военный врачъ; также въ Дуэ при мнѣ во время экзекуціи военный врачъ замѣнялъ тюремнаго. Здѣшніе лазареты руководствуются уставомъ гражданскихъ лечебныхъ заведеній и содержатся на счетъ тюремныхъ суммъ.

Я скажу нѣсколько словъ объ Александровскомъ лазаретѣ. Состоитъ онъ изъ нѣсколькихъ корпусовъ барачной системы *), рассчитанъ на 180 кроватей. Когда я подходилъ къ лазарету, новые бараки блестѣли на солнцѣ своими тяжелыми, круглыми бревнами и издавали хвойный запахъ. Въ аптекѣ все ново, все лоснится, есть даже бюстъ Боткина, слѣпленный однимъ каторжнымъ по фотографіи. «Немножко непохожъ», — говорилъ фельдшеръ, глядя на этотъ бюстъ. Какъ водится, громадные ящики съ cortex'ами и radix'ами, изъ которыхъ добрая половина давно уже вышла изъ употребленія. Иду дальше въ бараки, гдѣ больные. Тутъ въ проходѣ между двумя рядами кроватей полъ устланъ ельникомъ. Кровати деревянные. На одной лежитъ каторжный изъ Дуэ, съ перерѣзаннымъ горломъ; рана въ полвершка длины, сухая, зияющая; слышно, какъ сипитъ воздухъ. Больной жалуется, что на работѣ его придавило обваломъ и ушибло ему бокъ; онъ просился въ околотокъ, но фельдшеръ не принялъ его, и онъ, не перенеся этой обиды, покусился на самоубійство, — хотѣлъ зарѣзаться. Повязки на шеѣ нѣтъ; рана предоставлена себѣ самой. На-

*) Лазаретъ занимаетъ площадь въ 8,574 кв. саж., состоитъ изъ 11 построекъ, расположенныхъ на трехъ пунктахъ: 1) административный корпусъ, вмѣщающій въ себѣ аптеку, хирургическую комнату и пріемный покой, 4 барака, кухня съ женскимъ отдѣленіемъ при ней и часовня, — это собственно и называется лазаретомъ; затѣмъ 2) 2 корпуса для сифилитиковъ, мужчинъ и женщинъ, кухня и надзирательская; 3) 2 корпуса, занятые эпидемическимъ отдѣленіемъ.

право отъ этого больного, на разстояніи 3—4 аршинъ отъ него,—китаецъ съ гангреной, налѣво—каторжный съ рожей... Въ углу другой съ рожей... У хирургическихъ больныхъ повязки грязныя, морской канатъ какой-то подозрительный на видъ, точно по немъ ходили. Фельдшера и прислуга недисциплинированы, вопросовъ не понимаютъ и производятъ впечатлѣніе досадное. Одинъ только каторжный Сосинъ, бывшій на волѣ фельдшеромъ, видимо, знакомъ съ русскими порядками и, кажется, во всей этой больничной толпѣ это единственный человѣкъ, который своимъ отношеніемъ къ дѣлу не позоритъ бога Эскулапа.

Немного погодя, я принимаю амбулаторныхъ больныхъ. Приемная рядомъ съ аптекой, новая; пахнетъ свѣжимъ деревомъ и лакомъ. Столъ, за которымъ сидитъ врачъ, огороженъ деревянною рѣшеткой, какъ въ банкирской конторѣ, такъ что во время приѣмки больной не подходитъ близко и врачъ большею частью изслѣдуетъ его на разстояніи. За столомъ рядомъ съ врачомъ сидитъ классный фельдшеръ и, безмолвствуя, играетъ карандашикомъ и, кажется, будто это ассистентъ на экзаменѣ. Тутъ же, въ приемной, у входной двери стоитъ надзиратель съ револьверомъ, снуютъ какіе-то мужики, бабы. Эта странная обстановка смущаетъ больныхъ и, я думаю, ни одинъ сифилитикъ и ни одна женщина не рѣшится говорить о своей болѣзни въ присутствіи этого надзирателя съ револьверомъ и мужиковъ. Больныхъ немного. Все это или febris sachalinensis, или экзема, или «сердце болить», или симулянты; больные-каторжные убѣдительно просятъ, чтобы ихъ освободили отъ работъ. Приводятъ мальчика съ нарывомъ на шеѣ. Надо разрѣзать. Я прошу скальпель. Фельдшеръ и два мужика срываются съ мѣста и убѣгаютъ куда-то, немного погодя возвращаются и подаютъ мнѣ скальпель. Инструментъ оказывается тупымъ, но мнѣ говорить, что это не можетъ быть, такъ какъ слесарь недавно точилъ его. Опять фельдшеръ и мужики сры-

ваются съ мѣста и, послѣ двухъ-трехминутнаго ожиданія приносятъ еще одинъ скальпель. Начинаю рѣзать — и это же тоже оказывается тупымъ. Прошу карболовой кислоты въ растворѣ — мнѣ даютъ, но не скоро; видно, что эта жидкость употребляется здѣсь не часто. Ни таза, ни шариковъ ваты, ни зондовъ, ни порядочныхъ ножницъ, ни даже воды въ достаточномъ количествѣ.

Въ этомъ лазаретѣ среднее ежедневное число амбулаторныхъ больныхъ 11 человекъ, среднее годовое число (за пять лѣтъ) 2.581; среднее ежедневное коечныхъ больныхъ 138. При лазаретѣ старшій *) и младшій врачи, два фельдшера, повивальная бабка (одна на два округа) и прислуги, страшно вымолвить, 68 душъ: 48 мужчинъ и 20 женщинъ. Въ 1889 г. израсходовано было на эту больницу 27.832 р. 96 к. **).

*) Онъ же завѣдующій медицинскою частью.

**) Одежда и бѣлье стоили 1.795 руб. 26 к., пищевое довольствіе 12.832 р. 94 к., лекарства, хирургическіе инструменты и аппараты 2.309 р. 60 к., расходы комисаріатскіе, канцелярскіе и проч. 2.500 р. 16 к., медицинскій персоналъ 8.300 р. Ремонтъ зданій на средства тюрьмы, прислуга бесплатная. Теперь прошу сравнить. Земская больница въ г. Серпуховѣ, Москов. губ., поставленная *роскошно* и удовлетворяющая вполне современнымъ требованіямъ науки, гдѣ среднее ежедневное число коечныхъ больныхъ въ 1893 г. было 43 и амбулаторныхъ 36,2 (13.278 въ годъ), гдѣ врачъ почти каждый день дѣлаетъ серьезныя операціи, наблюдаетъ за эпидеміями, ведетъ сложную регистрацію и проч. — эта лучшая больница въ уѣздѣ въ 1893 году стоила земству 12.803 р. 17 к., считая тутъ страхованія и ремонтъ зданій 1.298 р. и жалованье прислугѣ 1.260 р. (См. *Обзоръ Серпуховской земской санитарно-врачебной организаціи за 1892—1893 гг.*). Медицина на Сахалинѣ обходится очень дорого, между тѣмъ, лазаретъ дезинфицируется «черезъ обкуриваніе хлоромъ», вентиляціи нѣтъ и супъ, который при мнѣ въ Александровскѣ готовили для больныхъ, былъ очень соленого вкуса, такъ какъ варили его изъ солонины. До послѣдняго времени, якобы «за недостаткомъ комплекта посуды и неустройствомъ кухни», продовольствіе больныхъ производилось изъ общаго тюремнаго котла. (Приказъ начальника острова 1890 г. № 66).

По отчету за 1889 г., судебно-медицинскихъ осмотровъ и вскрытій труповъ во всѣхъ трехъ округахъ было 21. Освидѣтельствовано поврежденій 7, беременныхъ 58 и для опредѣленія способности перенести тѣлесныя наказанія по приговорамъ судовъ 67.

Дѣлаю выписки изъ того же отчета, касающіяся больничнаго инвентаря. Во всѣхъ трехъ лазаретахъ было: гинекологическій наборъ 1, ларингоскопическій наборъ 1, максимальныхъ термометровъ 2, оба разбиты; термометровъ «для измѣренія тѣла» 9,—2 разбиты; термометровъ «для измѣренія высокой температуры» 1, троакаръ 1, шприцовъ Праваца 3,—въ одномъ сломана игла; оловянныхъ спринцовокъ 29, ножницъ 9,—2 изломаны; клистирныхъ трубокъ 34, дренажная трубка 1, большая ступка съ пестикомъ 1—съ трещиной; бритвенный ремень 1, банокъ кровососныхъ 14.

Изъ *Вѣдомости о приходѣ и расходѣ медикаментовъ въ лечебныхъ заведенiяхъ гражданскаго вѣдомства на о. Сахалинѣ* видно, что во всѣхъ трехъ округахъ было израсходовано въ теченiе отчетнаго года: 36¹/₂ пудовъ соляной кислоты и 26 пудовъ хлорной извести, карболовой кислоты 18¹/₂ ф. Aluminium crudum 56 ф. Камфоры—больше пуда. Ромашки 1 п. 9 ф. Хинной корки 1 п. 8 ф. и краснаго стручковаго перцу 5¹/₂ ф. (сколько же израсходовано спирту, въ *Вѣдомости* не сказано). Дубовой коры 1 п. Мяты 1¹/₂ п., арники ¹/₂ пуда, алтейнаго корня 3 п., скипидару 3¹/₂ п., прованскаго масла 3 п., деревяннаго 1 п. 10 ф. Иодоформа ¹/₂ пуда... Всего, не считая извести, соляной кислоты, спирта, дезинфекционныхъ и перевязочныхъ средствъ, по даннымъ *Вѣдомости*, потрачено шестьдесятъ три съ половиной пуда лекарствъ; сахалинское населенiе, стало быть, можетъ похвалиться, что въ 1889 г. оно приняло громадную дозу.

Изъ статей закона, имѣющихъ отношенiе къ здоровью ссыльныхъ, приведу двѣ: 1) Работы, вредно дѣйствующiя

на здоровье, не допускаются даже и по выбору самих арестантовъ (выс. утв. мнѣніе гос. сов. 6 янв. 1886 г., ст. 11) и 2) женщины беременныя, до разрѣшенія ихъ отъ бремени, а разрѣшившіяся до истечения сорока дней послѣ родовъ, освобождаются отъ работъ. Послѣ сего срока женщинамъ, питающимъ младенцевъ грудью, работы облегчаются въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо для предупрежденія вреда самой матери или питаемому ею младенцу. На кормленіе грудью младенцевъ осужденнымъ женщинамъ полагается полуторогодичный срокъ. Ст. 297 *Устава о ссыльныхъ*, изд. 1890 г.

~~~~~

Оглавленіе.

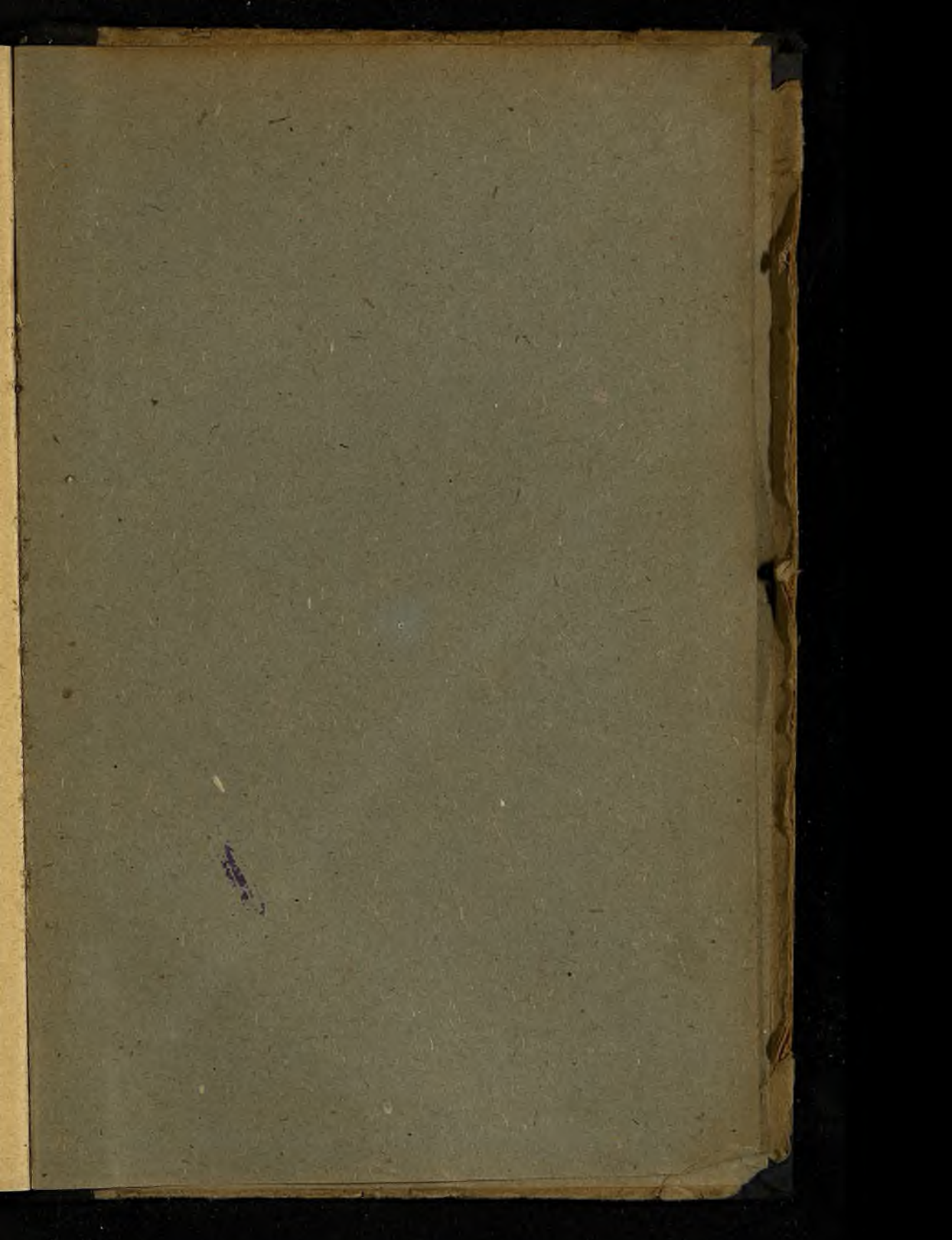
	СТР.
I. Г. Николаевскъ на Амурѣ.—Пароходъ <i>Байкаль</i> .—Мысь Пронге и входъ въ Лиманъ.—Сахалинъ полуостровъ.—Лаперузъ, Браунъ, Крузенштернъ и Невельской.—Японскіе изслѣдователи.—Мысь Джаоре.—Татарскій берегъ.—Де-Кастри	5
II. Краткая географія.—Прибытіе въ Сѣверный Сахалинъ.—Пожаръ.—Пристань.—Въ Слободкѣ.—Обѣдъ у г. Л.—Знакомства.—Ген. Кононовичъ.—Пріѣздъ генераль-губернатора.—Обѣдъ и иллюминація	20
III. Перепись.—Содержаніе статистическихъ карточекъ.—О чемъ я спрашивалъ и какъ отвѣчали мнѣ.—Изда и ея зильцы.—Мнѣнія ссыльныхъ о переписи	36
IV. Рѣка Дуйна.—Александровская долина.—Слободка Александровка.—Бродяга Красивый.—Александровскій постъ.—Его прошлое.—Юрты.—Сахалинскій Парижъ	47
V. Александровская ссыльно-каторжная тюрьма.—Общія камеры.—Кандалыны.—Золотая Ручка.—Отхожія мѣста.—Майданъ.—Каторжныя работы въ Александровскѣ.—Прислуга.—Мастерскія	60
VI. Разсказъ Егора	76
VII. Маякъ.—Корсаковское.—Коллекція д-ра П. И. Супруненко.—Метеорологическая станція.—Климатъ Александровскаго округа.—Ново-Михайловка.—Потемкинъ.—Эксп-палачъ Терскій.—Красный-Яръ.—Бутаково	83

VIII. Рѣка Аркай.—Арковский кордонъ.—Первое, Второе и Третье Арково.—Арковская долина.—Селенія по западному побережью: Мгачи, Танги, Хое, Трамбаусъ, Віахты и Ванги.—Туннель.—Кабельный домикъ.—Дуэ.—Казармы для семейныхъ.—Дуйская тюрьма.—Каменноугольныя копи.—Воеводская тюрьма.—Прикованные къ тачкамъ .	100
IX. Тымь или Тыми.—Лейт. Бошнякъ.—Поляковъ.—Верхній Армуданъ.—Нижній Армуданъ.—Дербинское.—Прогулка по Тыми.—Усково.—Цыгане.—Прогулка по тайгѣ.—Воскресенское.	126
X. Рыковское.—Здѣшняя тюрьма.—Метеорологическая станція М. В. Галкина-Враского.—Палево.—Микрюковъ.—Вальзы и Лонгари.—Мало-Тымово.—Андрее-Ивановское	144
XI. Проектированный округъ.—Каменный вѣкъ.—Была ли вольная колонизація?—Гиляки.—Ихъ численный составъ, наружность, сложеніе, пища, одежда, жилища, гигиеническая обстановка.—Ихъ характеръ.—Попытки къ ихъ обрусенію.—Орочи	154
XII. Мой отъѣздъ на югъ.—Жизнерадостная дама.—Западный берегъ.—Теченія.—Маука.—Крильонъ.—Анива.—Корсаковский постъ.—Новыя знакомства.—Нордъ-остъ.—Климатъ Южнаго Сахалина.—Корсаковская тюрьма.—Пожарный обозъ.	172
XIII. Поро-ан-Томари.—Муравьевскій постъ. Первая, Вторая и Третья Падь.—Соловьевка.—Лютога.—Голый Мысь.—Мицулька.—Лиственичное.—Хомутовка.—Большая Елань.—Владиміровка.—Ферма или фирма.—Луговое.—Поповскія юрты.—Березники.—Кресты.—Большое и Малое Такоз.—Галкино-Враское.—Дубки.—Найбучи.—Море	190
XIV. Тарайка.—Вольные поселенцы.—Ихъ неудачи.—Айно, границы ихъ распространенія, численный составъ, наружность, пища, одежда, жилища, ихъ нравы.—Японцы.—Кусунъ-Котанъ.—Японское консульство.	210
XV. Хозяева-каторжные.—Перечисленіе въ поселенцы.—Выборъ мѣстъ подь новыя селенія.—Домообзаводство.—Половинщики.—Перечисленіе въ крестьяне.—Переселеніе крестьянъ изъ ссыльныхъ на материкъ.—Жизнь въ селе-	

	стр.
ніяхъ.—Близость тюрьмы.—Составъ населенія по мѣсту рожденія и по сословіямъ.—Сельскія власти.	230
XVI. Составъ ссыльнаго населенія по поламъ.—Женскій вопросъ.—Каторжныя женщины и поселки.—Сожители и сожительницы.—Женщины свободнаго состоянія	252
XVII. Составъ населенія по возрастамъ.—Семейное положеніе ссыльныхъ.—Браки.—Рождаемость.—Сахалинскія дѣти	270
XVIII. Занятія ссыльныхъ.—Сельское хозяйство.—Охота.—Рыболовство.—Періодическая рыба: кета и сельдь.—Тюремныя ловли.—Мастерства.	288
XIX. Пища ссыльныхъ.—Что и какъ ѣдятъ арестанты.—Одежда.—Церковь.—Школа.—Грамотность	309
XX. Свободное населеніе.—Нижніе чины мѣстныхъ воинскихъ командъ.—Надзиратели.—Интеллигенція.	329
XXI. Нравственность ссыльнаго населенія.—Преступность.—Слѣдствіе и судъ.—Наказанія.—Розги и плети.—Смертная казнь	348
XXII. Бѣглецы на Сахалинѣ.—Причины побѣговъ.—Составъ бѣглыхъ по происхожденію, разрядамъ и проч.	371
XXIII. Болѣзненность и смертность ссыльнаго населенія.—Медицинская организація.—Лазаретъ въ Александровскѣ.	389

132

